

Владимир

18+

Генрих

Владимир

Генрих

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Владимир

Генрих / Владимир — «ЛитРес: Самиздат», 2020

События случаются. Некоторых человек касается и забывает, убегая в светлое будущее, так и не узнав историю, в цепи которой событие было звеном. Но история помнит и тянет к себе всех причастных: стоит только получить встряску, выйти из колеи – и человек оказывается в потоке очень жизненных событий. Жизнь – удивительна и многолика, и многие лики её – удивительны до смерти. И если ты попал в такой водоворот – гребь! Санька - обычный турист, потерявший работу, внезапно, но не стремительно попал в Алтайские уголья. Спасённый от белок индейцем Генрихом, он попадает в вихрь событий, всё дальше утягивающий его в мир жгучей агрессии и ледящего цинизма. Отчаянно барахтаясь, опираясь на плечи случайных помощников, в том числе – из числа охотящихся за ним наёмников, Санька изо всех сил стремился попасть на твёрдый берег, гребя при этом вдоль потока.

Владимир Генрих

Генрих был типичным славянским индейцем: кожаные мокасины с высоким берцем, штаны цвета хаки, кожаная куртка индейского покроя, длинные русые волосы, охваченные кожаным обручем, за который было воткнуто перо ворона, красная, с медным отливом, кожа, широкие скулы и глубоко сидящие глаза. Глаза были голубые, с облачками белых прочерков на радужке, как небо над Алтаем – голубое с белыми прочерками облачков на куполе.

Откуда и когда этот человек появился в этом краю – никто не знал. Так, болтали, конечно – кто заверял, что Генрих последний из жившего здесь испокон небольшого племени индейцев, невесть как занесенных судьбой в Горный Алтай. Другие утверждали, будто он ребёнок китайки и монгола. А одному доктору, один военный рассказал, что Генрих приехал в 2000 году с какой-то группой сейсмических учёных со всего света. И, вроде как, они предсказали землетрясение и подготовили регион к нему, мол, поэтому в 2003 и не было жертв, когда штормило. А потом группа уехала восвояси, а индус этот здесь остаться пожелал. В общем, как в политике – гипотез полно, а ясности нет. Дом у него стоял километрах в тридцати от задворок окраины одного периферийного посёлка городского типа. Вокруг дома был овраг и лес. Проехать к нему можно было по проложенному в степи и лесу направлению, а также, если доберётесь, по скромному мостику из пары-другой брёвнышек. С властями у Генриха проблем не было – числился он помощником инспектора в какой-то природоохранной конторе. На общественных началах. Участок, который он курировал, стал образцовым. Туда даже пытались «больших шишек» возить на элитную охоту, но вскоре, почему-то, эта идея угасла. Участок вообще стали обходить стороной – ни браконьеров, ни пьяных туристов. А после того, как Генрих сдал пару десятков контрабандистов местным пограницам, его территорию стали обходить и нелегальные гости из Китая и Монголии. Пограничники были благодарны и за контрабандистов, и за спокойствие на его участке. Пару раз к индейцу местные обращались за медицинской помощью – то, что он шаман, никто не сомневался.

Путник мягко шёл по глубоко-осеннему лесу. Генрих любил эту пору. Горный Алтай прекрасен в любое время, виды – дух захватывает. В буквальном смысле – внутри клокочет торжественный восторг, смотришь, не дыша и кажется, что это длится вечность. Но поздней осенью это место становится волшебным. Это осязаемо. Фантастические пейзажи насыщены красками, воздух пронизан печальной мудростью и чувствуешь себя частью большого и прекрасного. Такой вот он –

Алтай

никак не мог лечь на зиму. Это был огромный бурый медведь – размером с УАЗик. Таких обычно рисуют в сказках – гроза и мощь. Глаза Алтая были сердитыми. Он недовольно мотнул головой и пошёл в лес. Вот так запросто. Генрих шёл сюда два часа и ещё полчаса искал медведя, чтобы сейчас, посмотрев на его филей, повернуть назад. Индеец подхватил рюкзак и, прислушавшись к удаляющемуся шуму, исчез среди деревьев.

Алтай взобрался на пологий холм и улёгся головой к маленькому, выглядевшему игрушечным, озерку. Отражение чашечки озера, идеально вписавшись в зрачок зверя, окрасило его глаза серо-печальным цветом. Медведь вздохнул. Его огромные мышцы скрылись в обесформленной лежащей фигуре. Зверь выглядел расстроеным.

Генрих наблюдал за лежащим медведем уже десять минут. Заколыхался и зашелестел огненный костёр листвы на кронах вокруг. Человек быстро раскрыл рюкзак, достал увесистый пакет из вощёной бумаги и чуть потряс им. Порыв ветра понёсся в сторону холма с возлежащим Алтаем.

Запах вонзился, словно заноза. Чуткий медвежий нос не шелохнулся. Но запах, ворвавшись в голову, ворошил всё, что мог, в том числе – всякие приятные воспоминания. И вдобавок, вызывал слюноотделение. Алтай коротко рыкнул. Через пять минут человек и огромный медведь любовались очень маленьким озером и ели медовые колобки с имбирём.

Что-то не давало Алтаю уйти в спячку. Зверь маялся – ему уже давно пора было залечь. Берлогу готовили ещё летом вместе с Генрихом. Каждый год Генрих провожал Алтая в спячку. Они жевали медовые колобки с имбирём, кивали друг другу и расходились: медведь – в берлогу, индеец – вообще никто не знает куда. Было время – Алтай мог гулять и до декабря, но последние несколько лет Алтай ложился примерно в одно время – возраст. В этом году график сбился на три недели – индеец приходил уже во второй раз.

– Через пару дней я приду, и буду здесь жить, пока ты не будешь готов. – Генрих потрепал медведя по шкуре. Алтай почесал голову о плечо индейца.

Человек поднялся и зашагал, накинув полегчавший рюкзак. Огромный зверь задумчиво смотрел вслед человеку.

Генрих задумчиво смотрел на озеро. Внезапно он сощурил глаза – что-то мелькнуло по поверхности воды. Зрение у индейца было великолепным. Он поднял голову и отыскал невнятно видный объект, вероятнее всего – орел или кто-то подобный. Генрих перевёл взгляд в сторону, где находился его дом. До избы было почти пять километров. На пути стояла небольшая сопка с редким лесом, на которой творилось какое-то движение и поэтому хотелось обойти её стороной. Но ему срочно надо было увидеть небо над домом. Генрих повернулся и пошёл к сопке.

Шум и гомон были отчётливо слышны метров за пятьдесят. «– Белки» – констатировал Генрих. Он вышел на поляну на вершине сопки и, мельком глянув на творившееся вокруг, стал рассматривать небо. На поляне, между тем, лежала скомканная палатка, валялись вещи, пакеты, продукты – всё слегка порванное, распотрошенное и местами погрызенное. Вокруг кишели белки. Они сидели на ветках, бегали по траве, рвали джинсы и грызли сахар. С одной из них спорил бородатый мужчина в кальсонах. Он держал двумя руками то, что было паспортом и заявлял свои права сердитой белке, державшей документ, с другой стороны. Грызун яростно верещал что-то, явно угрожая. Мужчина выглядел растерянным и испуганно присел на бревно, когда на помощь сопернику пришли сородичи и, окружив его, возмущённо застрекотали. Агрессивно настроенные белки – это, вообще-то, довольно серьёзная проблема. Одна злобная особь может вас покусать и исцарапать до похода к хирургу, а десять разъярённых белок – считай, почти песок. Мужчину окружали примерно сорок две. Генрих, не увидев того, чего не хотел, отвел взгляд от неба и повернулся к театру действий на поляне. Белка с паспортом отрывала от него по кусочку и швыряла в мужчину, подскакивая и вереща. Она явно накручивала себя. Генрих слегка раздвинул губы и что-то коротко прострекотал. Белки замерли, затем повернули головы к источнику звука. Секунд пять они смотрели друг на друга, затем индеец прострекотал что-то ещё короче. Пушистая стая резко перенеслась на ветки кривых сосен. Одна из них недовольно взвизгнула и умчалась восвояси, увлекая за собой остальных.

«– Белки» – Генрих задумался – он собрался уже продолжить путь, но что-то в поведении грызунов привлекло его внимание – «Почему так много?».

– Спасибо! – мужчина в кальсонах смотрел на спасителя снизу-вверх, всё ещё сидя на бревне и не до конца придя в себя. Он вскочил и, искренне улыбнувшись, протянул руку –

Санька

был обычным. Вся биография в несколько строк. Здоровье имел крепкое, фигуру спортивную, хотя серьёзно ничем не занимался. Отслужил в специальной роте охраны срочную службу. На гражданке сослуживец устроил его охранником в одну контору, работающую с наличными. Пять лет дела шли более чем успешно, затем начали сокращать охрану. Саньке повезло – уволился системный администратор и его попросили подменить, пока найдут нового.

Когда не было выездов, он частенько сидел с админом в серверной, помогал в мелочах и поне­многу освоил всю технику в конторе на минимальном уровне для поддержания работоспособ­ности, учитывая малочисленность парка вычислительной техники. Несколько спокойных лет просидел он админом, а в последние полгода его снова привлекли к перевозкам купюр в меш­ках: из-за закрытия их клиентов –местечковых банков, объёмы наличности возросли много­кратно. В итоге контора прикрылась и Санька стал безработным. За несколько лет работы была куплена квартира, выплачена ипотека, куплена машина, выплачен кредит, и сделаны неболь­шие накопления. Выходное пособие и премии за последние полгода, выданные при сокраще­нии в конверте, образовали солидную сумму. Сумма была настолько солидная, что Санька решил на год-полтора уехать в Азию и уже даже договорился о сдаче квартиры. И уже даже съехал с неё к другу-однополчанину на дачу и получил оплату на полгода вперёд. Оставалось выбрать тур и фирму, в которой его купить. Александр, был простым человеком, но отнюдь не идиотом и понимал, что работа будет нужна – не сейчас, так через год. Поэтому, до выбора турфирмы, он помониторил рынок труда охранников. Результат его обескуражил. Охранни­ков на трудовом рынке было очень много. Мало того, что много, так ещё и ассортимент был широчайшим: от студентов спортфака и явно криминальных элементов до профессиональ­ных военных и представителей всяких спецслужб в званиях до полковника, с разрешениями на ношение ПЗРК, и на управление танком в городских условиях. Посмотрев требования к ИТшникам, Саня сразу закрыл страницу с вакансиями. Как-то внезапно стало понятно, что особых рабочих перспектив у Саньки нет. Тогда он решил получить новую профессию через учёбу в институте. Правда и тут были проблемы: приём документов уже закончен, вступи­тельные экзамены прошли и впереди было больше полугода до начала работы приёмных комиссий в учебных заведениях. Саня немного поразмыслил и пришёл к выводу, что так даже и лучше: будет время выбрать на кого учиться и подготовиться к поступлению. Где-нибудь весной пойти на подготовительные курсы, а до этого – заняться самоподготовкой и сменить обстановку. Что опять подводило к путешествию. К тому же, квартира сдана, а долго торчать на даче у друга не хотелось. Но ехать по заграницам, желание пропало. Саня подумал-подумал, взял паспорт, пластиковую карту и поехал в город. В первом попавшемся супермаркете купил смартфон для полевых условий, зубную щётку, пасту, полотенце и рюкзак. Затем купил билеты на вокзале и поехал кружить по стране. Раз уж впереди ждёт встреча с неопределённостью, то лучше оку­нуться в неё сейчас, пока есть деньги и энтузиазм. Свой старый мобильный, средней крутости, Санька отдал первому попавшемуся маргиналу, сам купил на вокзале сим-карту и начал новую жизнь. В социальных сетях он аккаунтов не имел, почтой пользовался редко, да и вообще, общаться с друзьями-товарищами сейчас не планировалось – для пушшего драматизма.

Покатавшись по Золотому кольцу, Санька заскучал. Ощущение свободы было странное. Казалось бы, вставить ни свет, ни заря – не надо, делай, что пожелаешь, езжай куда заблагорас­судится – предел мечтаний. Но когда сваливается вагон свободного времени, в голову начинает лезть гораздо больше мыслей, чем обычно. И самые тяжёлые и занудные, практически всегда, вытесняют все остальные. И это очень неудобно, когда стремишься получать новые впечат­ления и вообще – радоваться жизни. А ещё – резко меняется темп этой самой жизни. Это, конечно, интересно и даже волнующе временами, но, другими временами, сильно выбивает из колеи. Сидишь себе в кафешке на берегу Волги, пьёшь кофе и думаешь о сидящих напротив людях: два менеджера среднего звена и пошиба. Судя по высокомерно-умудрённому выраже­нию лиц у обоих – ещё верят в магию рынка вообще и менеджмента в частности. Лысый в пиджаке посмотрел на часы – торопится. А я – нет! Хо-хо! А сколько, кстати времени? Час пятнадцать. И тут перед глазами – офис, ребята за теннисным столом, смех, споры и впереди ещё половина рабочего дня. И вот хорошее настроение исчезло, и вся реальность вокруг как-то комкается. Вроде и с чего бы – особой нежности к тем временам Саня не питал: нормально, конечно, работал и коллектив неплохой, хоть и менялся часто, но никаких тесных отношений

ни с кем не было, и даже корпоративы он не посещал, а вот поди ж ты – напал какой-то сплин и всё. И так – каждый день. Такое положение дел его не устраивало. Исправить ситуацию, можно было решив проблему свободного времени и излишнего комфорта. «– Настало время жёсткого туризма» – подумал Санька и стал искать ближайший спортивный магазин.

Купив палатку, коврик и котелок, по пляжам родины он пропутешествовал неделю. Не больше ночи на пляж – чем больше движения, тем меньше времени на мысли и на желание вернуться. Честно говоря, тоска донимала всё реже и понимание этого убедило его остаться на четвёртом пляже на подольше. Ну, и ещё, возможно, компания из трёх красивых северянок, отрывавшихся на этом же пляже. Через 3 дня и 3 ночи, в течении которых Саньку не донимали ни тяжкие мысли, ни тоска, прекрасные дивы уехали на Север, и на их место приехала семья с тремя мальчишками. Ближе к вечеру он пошёл в лесок, набрать хворосту и услышав какую-то пичужку, замер у дерева. Пичужка ещё не выложила благодарному слушателю весь свой репертуар, а со стороны пляжа послышался топот, а затем возбуждённый разговор мальчишек. Мимо прошмыгнула белка. Саня пригнулся и спрятался за сосной. Троица ребят прошагала в пяти метрах и, пройдя шагов двадцать, остановилась у поваленного дерева. Они перешли на шёпот, явно споря о чём-то. Со стороны стоянки донёсся женский крик: «–Серёжа! Витя! Миша!». Пацаны испуганно присели и пропали из зоны обзора. Через минуту они вылетели из-за комеля поваленного дерева, и пулями понеслись к пляжу. Саня осторожно подошёл к тому месту, где пряталась ребятня. В сотнях переплетённых корнях комеля чётко выделялось пятно зелёной травы, только что вырванной рядышком, и натканной пучками. За травой обнаружился камень. Санька взялся за него, потянул и обнаружил довольно глубокую нишу. Подсознание почувствовало что-то неладное, и начало предупреждать частыми и громкими ударами сердца, слабым привкусом металла во рту, и даже – лёгким звоном в голове. Нагнувшись и сощурив глаза, он пытался разглядеть – что там внутри. Внезапно перед глазами появилось другое поваленное дерево, меньшее по размеру, но с такой же нишей в старых, уже каменеющих корнях. Санька, держа в одной руке автомат, другой заталкивает что-то в нишу и закрывает её камнем. Произошло это под конец службы, в Республике Алтай, во время командировки. Их рота тогда охраняла мобильный аэродром, сооружённый прямо среди холмов. Санька стоял в карауле, и нашёл в траве маленький пакет – коробка, обмотанная белым целлофаном. Так случилось, что он даже не знал, что спрятал тогда – началась какая-то суета, и пришлось действовать быстро. Забрать находку из тайника не получилось – всю роту быстро погрузили в самолёт и отправили восвояси. Пару раз после службы он вспоминал про этот случай и думал, что надо бы найти это место, посмотреть, но, понятное дело, руки не доходили.

Так и не посмотрев, что спрятали ребята, Саня заткнул нишу камнем, наткал пучки травы и, подобрав пару палок, пошёл к палатке. Он решил ехать на Алтай завтра же – время есть, а осенью там сказочно. Если поторопиться, то можно попасть туда до холодов. На следующее утро Саня двинулся в Горный Алтай. Чтобы не терять времени, ехать планировалось на поезде, но поезд туда не шёл. Автостопом вышло бы слишком долго, оставался самолёт. Но тут путешественнику подфартило – в кафешке у дороги, соседом за столиком оказался словоохотливый дальнбойщик, который ехал через город своего двоюродного брата, который собирается в Екатеринбург на встречу выпускников института, где будет присутствовать одногруппник, живущий в Горно-Алтайске и есть шанс напроситься с ним, когда тот поедет назад. Как ни странно, всё получилось и Санька проехался до Горного Алтая с относительным комфортом. Более того, друг брата дальнбойщика – Фёдор, также шофёр, за бутылку коньяка довёз его до Укока, так как, и сам туда ехал. Саня только в пути понял, как ему повезло с передвижением – транспортная инфраструктура в Горном Алтае была намного скромнее, чем в средней полосе России, а расстояние до нужного пункта было весьма большим. Фёдор привёз продукты и матрасы в маленькую гостиницу-пансионат, и безработный турист решил заноче-

вать там. Регистрировать туриста портье не стал, решив заработать сам, и сэкономить деньги туристу.

– У нас заселение – в 14 часов. Зарегистрируешься завтра, чтобы сейчас за ночь не платить как за сутки. Потом он отвёл его в небольшую каморку, взяв пятьсот рублей.

Неизвестно, насколько бы затянулся поиск нужного места – в реальности Горный Алтай оказался намного больше, чем выглядел на карте, а точных координат Саня не знал, но в гостинице ему попался проводник. Дежурный, с которым Александр утром завёл беседу на предмет «где здесь мог бы быть временный аэродром», крикнул что-то в дверь подсобки. и оттуда вынырнул шуплый и невысокий паренёк, лет 20-ти.

– Тэнгиз, расскажи гостю свою байку про самолёты на Кальдинкуле – дежурный кивнул на Саню.

Тэнгиз был местным и слегка блаженным. В гостинице он работал разным рабочим и курьером. Про аэродром ему рассказывал его дед-шаман, который то ли умер, то ли пропал несколько лет назад. И не только рассказывал, но и водил внука на то место. Саня не мог поверить в такую удачу. Он тут же предложил Тэнгизу денег, чтобы довёз его на место. Но Тэнгиз денег не захотел, а захотел Санину шапку – флисовую, с рисунком в виде головы тигра.

Заночевать путешественник решил в палатке, поэтому он не стал регистрироваться, собрал вещи, и умчался с проводником на мопеде.

– Бензина мало-мало, срежем через зверскую ферму – Тэнгиз, повернув голову к пассажиру, почти не глядя, лавировал между валунами.

Звероферма была частично огорожена: шесть, вкопанных в землю, толстых бревен, несколько досок с одной стороны от ворот и пара секций сетки-рабицы – с другой. Сами ворота – из очень толстого металла, синие, с клёпками золотого цвета и нарисованным зверьком, лежали на земле, в качестве мостика через канаву. Тэнгиз проехал через всю ферму и свернул, не доезжая до виднеющихся ворот на другом конце хозяйства. – Бензина совсем мало, – Тэнгиз махнул рукой вперёд – по короткой дороге проедем. Впереди снова стоял забор. Семь рельс, вкопанных в землю, служили столбами, к ним были приварены металлические прутки. Между шестой и пятой рельсой, был проём – по всей видимости, для ворот. Ворот, понятное дело, не было, а между столбами колосилась трава по колено. Зато была калитка – между четвёртой рельсиной и пятой, а к ней вела тропинка, явно не пользующаяся популярностью, но в хорошем состоянии.

Тэнгиз слез с мопеда и пошёл к небольшому, двухэтажному зданию, стоявшему в трёх метрах от забора. – К Олегу зайдём, бензина наменяем – улыбаясь, оглянулся он. Через 5 минут он вышел с пятилитровой бутылкой. Залив часть в бак, Тэнгиз поставил бутылку с остатками на багажник и, махнув рукой в сторону калитки, попросил пассажира подержать её открытой. Саня пошёл к калитке. Она запиралась на простую задвижку. Толкнув обитую железными листами дверцу, Саня посмотрел на широкий проём: – Почему здесь не ездят? Тэнгиз пожал плечами – Рельсы мешают. Турист присмотрелся – в проёме, скрытый буйно-пожухшей травой, скромно лежал штабель рельс, высотой в полметра. «– Ещё одной загадкой в мире больше.» – усмехнулся про себя Санька. За калиткой, метров через двадцать, тропинка вливалась в нечто, по чему можно было проехать на внедорожнике или мопеде. Тэнгиз прибавил скорости и встречный ветер дружески хлестанул путников по щекам.

Тэнгиз показал ему с холма на участок степи, удивительно ровный, по сравнению с окружающим ландшафтом. – Однажды, самолёты принесли сюда что-то плохое, созданное злыми Духами. Всего три, вместе сложить – большая беда будет. Добрые Духи сильно помешали этому. Так мне дед говорил. Совсем мудрый он. – Тэнгиз покачал головой, сел на мопед, поправил флисовую шапку с рисунком тигра и уехал.

Очувтившись на месте Саня понял, что это оно, хотя был он здесь сто лет в обед, ночью и меньше трёх часов. Побродив минут двадцать, он нашёл то самое, вывороченное из земли

дерево. Сердце бешено заколотилось, когда он увидел камень в корнях. Не сказать, что Александр был излишне сентиментальным, но почему-то эта ситуация будоражила его. Он знал эти ощущения – так обычно бывало, когда он подходил к окончательному решению сложной задачи или, когда начиналось путешествие, обещающее дать новый этап в жизни, например, увлекательный вояж в армию... В нише лежал пакет – подыстлевший бело-серый целлофан, был перехвачен резинкой, которая рассыпалась от прикосновения. Внутри был невзрачный свёрток из провощённой бумаги. Турист сел на поваленное дерево и рассмотрел свой трофей. Трофей был размером с две пачки сигарет, плотно свёрнут и перехвачен кожаным шнурком. Саня понюхал – от находки пахло тайной. Повозившись со шнурком, он развернул пакет и достал жестяную коробку из-под печенья. Или из-под чая. А может, вообще, из-под чего-то такого, о чём в приличном обществе не упоминают вслух – краска на коробке стёрлась начисто. Крышка снялась легко. Ни грома, ни дыма, ни джинна. В коробке лежал свёрток. «-А внутри – ещё банка» – подумал Саня с усмешкой, но не угадал. Под ещё одним слоем плотной бумаги лежала маленькая курительная трубка и небольшой кубик, по всей видимости, табака. В ноздри тихонько вполз вкусный аромат. Не было никакого «древесного фона с вкраплениями цитрусовых», аромат не был сладким или горьким, или солёным. И кислым не был, он просто был вкусным. Саня не курил. Не идеологически, или из позёрства, а просто не нравилось. Он понюхал кубик. Захотелось его съесть. Александр посмотрел ещё несколько секунд на развёрнутый свёрток и принял решение – сегодня вечером, на закате, высунувшись наполовину из палатки, выпить кофе и выкурить трубку Мира, Свободы, Жизни, Вселенной и всего такого. Червячок сомнения поднывал о вреде авантюрных решений вообще, и курения – в частности, но Саня уже начал выискивать опытным взором ближайшее удобное место для ночёвки. Взор ничем не обрадовал – вокруг была степь с редким пролеском, а нормальный лес с озёрами и бабами ягами, начинался километра через три. Турист почесал бороду, затем пожал плечами, взвалил на них рюкзак и зашагал в одну из сторон.

Через час Санька пересёк автодорогу, возможно трассу – судя по тому, что она была шире 2 метров. Побродив ещё часа полтора, он нашёл холм, с вершины которого был виден кусочек озера. Темнело и накрапывало, поэтому турист решил организовать стоянку здесь. Через час, когда Санька установил палатку и забил трубку, совсем стемнело и дождь набрал силу. Идти за водой для кофе не хотелось совершенно. «- Завтра утром, на рассвете» – подумал путешественник и, убрав табак и трубку в банку и рюкзак, провалился в сон.

Разбудил его лёгкий шлепок по лицу. Открыв глаза, Александр увидел, что он почти ничего не видит: какое-то яркое пятно и всё. Присмотревшись, он опознал стенку палатки. От долгого размышления его отвлекло шуршание и шевеление вокруг него. Турист попробовал приподняться и тут же получил болезненный укус в плечо. Он взвыл и, крутясь и барахтаясь, выбрался из скомканной палатки. Вокруг были погром и белки. Одна из них листала его паспорт. Санька бросился к грызуну и попытался выхватить свой документ.

– Ещё раз – спасибо Вам! – последние Санины слова летели в удаляющуюся спину Генриха. Жертва животной агрессии, опешив, перевёл взгляд с уходившего индейца на бедлам вокруг себя. Внезапно жизнь предстала перед его глазами без маски цивилизации: вот – он, практически без ничего, а вот – весь остальной мир, без признаков дружелюбия и с богатым опытом выживания и умерщвления. В ушах шумело, голова кружилась, к ногам начало клестись определение «ватные». Увидев располосованный рюкзак, он поднял его, пошарив рукой достал банку со вчерашним трофеем, присел на бревно и начал раскуривать трубку.

Генрих замер, занеся ногу над ручейком. Порыв ветра затащил в ноздри аромат дыма. Он посмотрел вокруг, больше внимания уделяя небу, затем закрыл глаза, постоял полминуты и зашагал обратно.

Вообще-то, табак был чрезвычайно мягким, но неизбалованным дымом лёгким и горлу, сравнивать было не с чем, и они бурно протестовали. Путешественник, согнувшись до земли, выкашливал последние наивные представления о статусе человека на планете. Правая рука с дымящейся трубкой была отставлена назад и в сторону, левой горе-турист вытирал слёзы. «— А послевкусие то – обалденное!» – Санька, осторожно вдохнув, медленно выпрямился и упёрся взглядом в индейца. Тот молча показал на трубку.

– Закурить хотите? Пожалуйста – путешественник протянул трубку вместе с табаком и спичками – Для меня слишком крепко. Генрих вытащил из своего рюкзака рулон чёрных, мусорных пакетов, и положив его на бревно, кивком головы указал туристу на бардак, бывший раньше Саниными вещами, тот, кивнув, бросился наводить порядок. Индеец смотрел на трубку, табак и размышлял.

По горам, да по долам двигались две фигуры. Плавно шагающий индеец и неказисто топающий тип с бородой, хлюпающим язычком на ботинке и пончо, сделанном из двух наполненных мусорных пакетов. Индеец шёл равномерно, словно крейсер по океанским волнам, а его спутник то отставал, крутясь на одном месте и рассматривая ландшафт, то пускался вдогонку, смешно семеня и подпрыгивая из-за плохо сидящего правого ботинка.

Дом Генриха появился неожиданно: только что был лес да кусты, и вдруг – дом двухэтажный. Здание было похоже на стакан: цилиндрическое, с плоской крышей. Перед ним был овраг, через который были переброшена пара брёвен. Возле моста, на этой стороне оврага, Санька увидел автомобиль «Нива» старого образца. Посмотрев на чудо советского автопрома, он прошёл по мостику, и оказался возле странного жилища. Индеец сидел на корточках возле конструкции из двух железных бочек, которая оказалась высокотехнологическим душем. Запахло уютным дымком. Генрих скрылся в доме, а Санька снял мусорные пакеты и положил их на огромный стол, сделанный из пня гигантского дерева. Через несколько минут остатки имущества были рассортированы в две кучки: пригодное к использованию – из трёх предметов, и, соответственно, всё остальное – на выброс. Генрих принёс большой глиняный чайник, пару кружек из глины и тарелку с вкусняшками – орехи, ягоды и, выглядящие аппетитно, куски чего-то. Он указал куда сложить мусор и разлил по чашкам тёмную, парящуюся жидкость. Санька обнял ладонями кружку и вдруг понял, что воздух довольно прохладный. Тут же подкатила усталость – расстояние прошёл небольшое, но сказались неудобная поклажа и проблемы со шнурками. Он осторожно отпил из кружки и потянулся к тарелке. Жидкость была нажористой – вкус Алтайского леса перемежался ароматами степей и свежестью озёр. Санька узнал только привкус сосновой хвойни, остальное терялось в общей лавине разнообразия. При этом, жидкость почти не пахла. А непонятные куски в тарелке, оказались вялеными фруктами – некоторые из них, явно произрастали не в этом регионе.

Хозяин вынес овальное полотенце с замысловатым орнаментом, складывающимся в некий паттерн, напоминающий число 42, а также – кусок хозяйственного мыла. Сложив всё на пень, очень удачно стоявший в этом месте, он кивнул на душевую кабинку. Турист прошлёпал к конструкции из бочек, досок и занавески, скинул одежду и взял мыло. В некоем подобии кабинки, отгороженной от мира дощатой стенкой и пластиковой шторой, снизу лежал резиновый коврик, а сверху свисал шланг с латунным краном. Санька открыл кран, предусмотрительно направив шланг в сторону от себя. Через несколько секунд холоднющая вода немного потеплела, и со словами «— О, тёпленькая пошла!», путешественник, ополоснувшись, стал намыливать.

Когда отмытый турист, одевшись в кабинке, вышел, вытирая голову, на улице никого не было, стол был прибран, а в воздухе летали паутинки и пахло осенью. Санька посмотрел на полотенце, оно оказалось соткано из каких-то трав, и было одновременно мягким и жёстким, и им было приятно пользоваться. Он расправил плечи, затем потянулся. То ли вода смыла тяжесть, то ли чудо-питьё сил придало, но усталость отступила. Подошёл к двери – в верхней

части было окошко со шторкой – вместо «глазка», чуть выше середины – ручка. Постучав, и не услышав ничего в ответ, Санька пожал плечами и, отворив дверь, зашёл внутрь. Внутри дом был всё тот же «стакан», только с террасой, идущей по кругу и образующей что-то вроде второго этажа. Элегантно изогнутая лестница на террасу была прямо у входа. Почти посередине первого этажа был огороженный спуск вниз – видимо, погреб.

– Генрих? – Санька стоял посередине и озирался в поисках индейца. Когда он в очередной раз развернулся, шаря глазами по второму этажу, Генрих стоял на террасе и с вселенской невозмутимостью смотрел на него.

Александр поднялся по лестнице и огляделся ещё раз. Терраса шла по внутренней стороне дома, почти замыкая круг. В двух метрах от лестницы была открытая дверь, оттуда тянуло дымком. Ещё дальше – кривая, из корней, лестница наверх, видимо, на крышу. Санька зашёл в открытую комнату. Бревенчатые стены, довольно большое окно с короткими занавесками, матрас с лоскутным одеялом, лежащий в углу и невысокий камин. Перед камином стояло кресло качалка, в камине на углях стоял чайник, у камина стояло ведро, над камином висел томагавк. Возле матраса, на низкой – сантиметров двадцать – чурочке стояла тарелка с кашей, пара кружек и корзинка, в которой вперемешку лежали свежие и сушёные фрукты, орехи и пара шоколадных конфет. Хозяин дома, наклонившись, забрал из камина чайник, и разлил по кружкам светлую, парящуюся жидкость. Затем он сел на кресло и кивком указал гостю на матрас. Санька бросил полотенце на лоскутное одеяло, и сел тут же. От напитка исходил насыщенный, приятный аромат. А вкуса почти не было, только легкий намёк на мяту. Жидкость ринулась внутрь, оставляя привкус уюта. Тут же заворчал в животе. Память, явно в стоворе с желудком, услужливо подсказала время, когда турист нормально ел – два дня назад, в придорожной кафешке: суп сомнительного качества, второе, несомненно-недостаточного количества и компот, оказавшийся спитым чаем. Санька взял тарелку, и помешал содержимое ложкой.

Поблагодарив хозяина, турист отложил пустую тарелку, взял чашку и откинулся назад, облокотившись на стенку. Он испытал прилив счастья – хорошо быть живым, сытым, чистым, сидеть в тепле и уюте, пить вкусное, являющееся полезным и вести неторопливый разговор с приятным человеком.

– На самом деле, я не очень опытный турист – Санька отхлебнул из чашки – Ну, как не опытный – это была моя первая ночёвка на лоне дикой природы. Ночевал, конечно, на пляжах и в кемпингах, но это не считается. А так, чтобы вне цивилизации – первый раз. И вот, такая оказия.

Индеец качался на кресле и разглядывал Санькину находку – трубку и табак. В комнате, несмотря на тлеющие в камине угли, было прохладно – градусов 19, однако Санька не озяб – горячая пища и питье дали телу комфортный запас тепла.

– А Вы и зимой здесь? – турист разглядывал скудную обстановку. Генрих повёл плечом и чуть наклонил-повернул голову – жест, который можно было интерпретировать как «– Вообще-то у меня недвижимость в двадцати столицах мира, четыре океанских яхты и два небольших острова в тропиках, а сюда я приезжаю раз в год на пару дней – цветы полить», а мог быть простым «Да».

«– Холодно, наверное? – зимы здесь, я слышал, студёные – континентальный климат» – Санька посмотрел на единственный источник тепла – скромный размерами камин. Индеец повёл головой и слегка двинул плечами. «– Ну, да – кивнул путешественник, отхлёбывая из чашки – холод полезен для здоровья. А отсутствие шума цивилизации даёт замечательную возможность поковыряться в себе. Я давно мечтал убежать из социума – хотя бы на неделю – Санька замолчал, разглядывая пришедшую мысль, а затем с жирным налётом сожаления и самокритики произнёс – Да много, чего хотел – интересных путешествий, приключений, важных открытий и свершений, а жил так, что и рассказать нечего.

– Про самолёт – Генрих отложил табак и трубку, и взял чашку.

Санька наслаждался разговором – простым, искренним и интересным. Вообще то, он был достаточно общительным человеком и общения ему хватало. С разными людьми – и с интересными, и с искренними: пять дней назад, например, в магазине на заправке, интересная кассирша, при попытке познакомиться, вполне искренне послала туриста лесом. Но так, чтобы всё вместе, да ещё в комфортной обстановке и без спешки – такого у Саньки не было давно. Хоть беседа и казалась Саньке оживлённой, Генрих в тот день произнёс не более 50 слов за всё время их общения, причём, фразы, состоявшие из более, чем одного слова, можно было сосчитать по фалангам большого пальца. С другой стороны – из 11 человек, с которыми в этом регионе общался индеец, семеро считали его немым, из них двое считали, что Генрих ещё и глухой – своего он добивался, не слыша возражений и объяснений. Но Санька всего этого не знал и вкушал прелести момента. Его захлёстывало радостное чувство, которое он определил, как благодать. «-Из таких моментов память формирует представление о счастье.» – мелькнула и пропала очевидная мысль.

– Самолёт? – Санька поставил пустую чашку на чурку и полуулёгся на матрасе, облокотившись на стену. – Да, пожалуй, это история забавная. Мне тогда служить оставалось, знаете сколько? – А нисколько. В тот день вышел приказ министра обороны, и я стал «призраком». Так у нас – в роте охраны – называли дембелей, которые ждут, пока военно-бюрократическая машина раскрутится, и выплюнет их на гражданку. «Призраки» обычно маялись в расположении не больше недели. Их старались не ставить в наряды и, по давней, устоявшейся традиции, не отправляли в командировки – сопровождение на большие расстояния. После утреннего развода, я пошёл в расположение, в спорт-уголок – подкачать мышцы живота. Размялся, поздравляю себя каждую минуту с дембелем и только собрался качнуть пресс – по разу за каждый отслуженный день, как меня зычным криком вызывает комбат. Комбатом, мы звали майора с говорящей фамилией Кляп – командира роты, властного, но справедливого вояку. Личный состав его уважал – как говорят, суров, но справедлив.

– Садись. Кофе будешь? – майор достал банку растворимого кофе и пару конфет.

– Спасибо, товарищ майор, воздержусь.

– Как знаешь – комбат сыпанул от души в огромную кружку кофе прямо из банки. – За границу хочешь?

У меня сразу защекотало в груди – неужели командировка? В день приказа?

– Товарищ майор, я ж гражданский – сделал я попытку уйти от неприятности.

– Саня, заткнись! – Кляп плеснул кипятка и яростно заболтал столовой ложкой в чёрном омуте кружки. Затем вынул ложку из кофе, отпил и поставив ёмкость на стол, посмотрел Саньке в глаза.

– Расклад такой: везём влиятельного политика в приграничный район Китая. Никакой секретки, никакой мороки. До полуночи – назад, есть шанс вернуться до вечерней поверки. Альтернатива: новобранец с нами, ты – на подсобное. Решай.

Это был форменный цугцванг. Все знали, что майор отлично рубился в шахматы, и умел подводить к вынужденным ходам. За всю службу, я ни разу не ездил на подсобное хозяйство, и считал это своей фишкой. К тому же, наряд с подсобного возвращался на следующий день, и на вечерней поверке, при оглашении дежурным моей фамилии, могли запросто ответить «– В наряде», а скорее всего, ещё хуже – «на подсобном», вместо заветного, традиционно-обязательного «Демобилизован!».

Майор, выжидающе глядя, одной рукой развернул конфету.

– Разрешите узнать – кто начкаром?

– Я! – комбат закинул конфету в себя и запил огромный глотком – Получай оружие, транспорт у штаба.

Самолёт был небольшим, и шикарно отделан внутри – кожаные диваны, ковры и барная стойка. Бойцы, в количестве 10 человек, разместились в задней части, отделённой переборкой

от люксовой части, где расположились майор Кляп с «объектом» – толстым, холёным дядькой – "влиятельным политиканом". Там же порхали две сексапильные стюардессы, с едва сходящимися на груди блузками.

Бортпроводницы выдали нам 19-ти литровую флягу с водой, кучу пакетиков с сахаром и растворимым кофе, порционного масла и гору круассанов. Плотно перекусив, почти все завалились спать, и время до пункта назначения пролетело стремительно.

Сели мы на маленьком военном аэродроме в приграничном районе Китая. Объект охраны уселся в лимузин и поехал к административному зданию, до которого было метров 25. Мы дошли строем. Задача наша состояла в сопровождении объекта до ближайшего городка. Пару раз, я уже участвовал в подобного рода командировках – по слухам среди бойцов, перевозили деньги на взятки. Насколько законно было использование Армии в таких делах – вопрос, но мы его не задавали – обычно, в таких вояжах хорошо кормили, угощали сигаретами и прочими излишествами, а после них, давали увольнительную на два дня.

В этот раз что-то не заладилось. К комбату подошёл *шаосяо*.

Генрих повёл правым плечом – *Шаосяо*?

– Ну да – Санька поддался искушению выпендриться – майор китайский, должен быть по их регламенту *шансяо* – полковник, но выходной, что-ли, тогда был, и аэродромом командовал шаосяо.

Странное дело – Александр часами слушал и читал экспертов со специалистами, но так и не мог понять, почему отключают каждое лето горячую воду, суть пенсионной реформы и рост цен на бензин, а Генриха, понимал почти без слов. Сейчас, например, Генрих не спрашивал, что такое шаосяо, и не спрашивал почему именно он, а не шансяо командовал аэродромом в Китае в тот далёкий день, он удивился, а скорее – просто отметил вслух, что турист использовал такой термин. Санька испытал прилив самодовольства, словно школьник, рассказавший такое, что удивило весь класс и даже учителя.

– В общем, какая-то там произошла неувязка с транспортом и нам предстояло ждать. Отвели нас в отдельное помещение – небольшая комната с телевизором. В противоположной от входа стене была дверь, ведущая в маленький кабинет. Туда сразу ушли отцы-командиры с большим, полным и звякающим пластиковым пакетом. Нам выдали по две упаковки «Доширака» и армейский термос с кипятком. Запарив лапшу, мы стали искать российские каналы на телевизоре. А минут через двадцать в комнату вошёл гражданский. Вид невзрачный – серые брюки, свитер, поверх – брезентовая ветровка, на ногах – кроссовки. От него веяло силой и цитрусовым запахом.

– Майор Кляп? – коротко бросил он. Все бойцы, включая меня, махнули рукой в нужном направлении. Гражданский открыл дверь и зашёл в кабинет к офицерам. Через 10 секунд оттуда выскочил пунцовый шаосяо, на ходу застёгиваясь одной рукой – довольно быстро, кстати. Ещё через полминуты вышел таинственный визитёр и, с бесстрастно-задумчивым выражением лица, покинул расположение нашей группы. За ним появился комбат.

– Оправиться, собраться. Через 5 минут построение у самолёта – майор был чем-то озадачен, хмурился и положил руку на кобуру.

Возле самолёта расплескалась пёстрая куча – кресла, диван, ковры, барная стойка и какие-то коробки. Пятеро китайских солдат энергично грузили всё это в большой грузовик. В воздухе чувствовался специфический запах сварки. Майор Кляп докурил, подошёл к строю и, немного помолчав, нарубил несколько фраз: – Летим недалеко. Забираем объект. Сопровождаем. Сдаём. Возвращаемся в часть. Дополнительные инструкции получите на месте. Вперёд!

Настроение у меня испортилось – на вечернюю поверку не успевали. Мы поднялись на борт. Салон разительно изменился: полная пустота, всё что было – две скамейки, приваренные

вдоль бортов. Примерно, две трети от хвоста, было отделено металлической решёткой, приваренной по периметру к корпусу самолёта. Кофе, круассанов и стюардесс не было.

Долетели быстро. Сели достаточно жёстко. Когда мы вышли наружу, было ещё светло. Вокруг была степь с редкими пролесками. Метрах в пятидесяти, стояла большая, надувная палатка – я таких не видал: высотой больше трёх метров, метров пятнадцати в длину и большим – больше половины стены, обзорным окном. Взлётно-посадочная полоса была выстелена какими-то черными лентами, на ощупь что-то среднее между резиной и пластиком. Между палаткой и ВПП стояли заправщики, четыре машины слева и одна в сорока метрах от них, соответственно – справа. Серёга Коробов, призванный с Алтайского края, сразу узнал местность – Укок, приграничный район. Один из четырёх заправщиков подъехал к самолёту, и инженеры засуетились со шлангами, и через минуту заурчали насосы. Мы дошли до палатки, и майор Кляп зашёл внутрь, с ожидавшим у входа человеком в военной форме без знаков различия. Заправлявшая самолёт машина, отъехала к заправщику, стоявшему справа, на его место тут же подкатила следующая. У меня сразу затеплилась надежда – раз мы здесь уже, как минимум третьи и, похоже не последние...

– Третьи... – Генрих, похоже, не пользовался вопросительными интонациями, просто указывал пункт, по которому он хотел услышать разъяснения.

Санька отхлебнул из стынувшей чашки, снова отметив про себя восхитительный аромат и отсутствие вкуса. На самом деле он пытался скрыть от самого себя приступ самодовольства – какой он, всё-таки, внимательный и умный!

– Ну да, – турист поставил чашку – Заправщик отработал минут пять, значит был не полный. Когда опустел, поехал к стоящей в стороне машине, выходит там место парковки автомобилей с пустыми цистернами. Получается, топливо, объёмом почти в два заправщика уже куда-то закачали. Берём примерный объём баков самолётов, которые могут сесть на эту ВПП, учитываем, что баки были не пустыми и выходит – два перед нами, мы третьи... – Санька снова взял чашку и отхлебнул немного – Если, конечно, не садились более лёгкие самолёты... или мотодельтапланы... Да, обрадовался я тогда – раз такое здесь движение оживлённое, то не станут нас долго задерживать, глядишь, через час взлетим и, тьфу-тьфу-тьфу, до поверки вернёмся в часть. Шанс призрачный, но...

Охранять нам предстояло наш же самолёт. Точнее, он был условным центром, условного же, круга, к периметру которого мы должны никого не подпускать с внешней стороны. Своё оружие мы сдали, и получили какие-то автоматы футуристического вида. Затем выдали рации, в виде «одноухой» гарнитуры. Кляп велел построиться и сказал, что сейчас пройдем инструктаж по оружию и связи. Выдавший экипировку – суровый дядька с задублённой ветрами кожей, в синем комбинезоне, опять же, без всяких опознавательных знаков – вышел на середину строя, поднял автомат и тыкая пальцем произнёс: – Предохранитель. Включение «лампы». Включение коллиматорного прицела. Рации включены и работают постоянно. Позывные выдаст ваш майор. – он повернулся и пошёл прочь. Один из наших крикнул ему в спину – А рукоятка затвора? Дядька в комбинезоне остановился, повернулся, поискав глазами, остановился взглядом именно на том, кто задал вопрос, и произнёс – Патрон досылается автоматически в момент присоединения магазина. Он снова повернулся, собираясь уйти восвояси. – А извлечь? – это был Самойлов, отслуживший полсрока, ротный балагур и затейник. Синий комбинезон, вместе с одетым в него человеком, снова повернулись к строю. – Патрон извлекается вместе с магазином. – снова поворот и попытка «уйти в закат». – А если нужно магазин плюс один патрон? – не унимался Самойлов. Видно было, что он начинал дурачиться. Инструктор медленно повернулся, упёрся взглядом в шутника и чётко, с расстановкой отчеканил – Патрон досылается при отсоединённом магазине – при этом он перехватил автомат левой рукой, отсоединил магазин – защёлка была как на «калаше» – большим пальцем выщелкнул высоко вверх патрон, сунул магазин за ремень и поймал падающий патрон, отверстием для магазина, одновременно

вдавливая его пальцами правой руки внутрь. После этого он достал из кармана полный магазин и вставил с глухим щелчком. – Для выстрела нажать на спусковой крючок – ставший более суровым дядька, показал деталь на автомате, продолжая давить Самойлова взглядом. – Как ширинку расстёгивать – показать? – Никак нет! – С весельчака вмиг слетел весь кураж. Инструктирующий повернулся и пошёл, вытаскивая из-за ремня магазин.

Караул не со своим оружием – дело необычное. Понимал это и комбат. Он заметно нервничал, и часто курил. Позывные тоже были странными. По большей части, в качестве позывных нам давали животных – птиц, рыб, зверюшек всяких – «Буйвол» там или «Мурена». Бывали и фантастические твари «Сфинкс», «Фурия», «Леший». Если и бывали «неодушевленные» позывные, то они всегда были родственниками по какой-нибудь линии: «Гранит»-«Агат»-«Рубин» или «Чаша»-«Котёл»-«Кубок». Сейчас нас вызывали по одному к столу, стоящему возле обзорного окна, и показывали на бумажке позывные – основной и для нештатных ситуаций. Строжайше запретили делиться с кем-либо, и сразу разводили на посты. Позывные сослуживцев я узнал позже, когда мы возвращались в часть. Как мы ни пытались, ассоциаций между используемыми словами не нашли. «Теле», «Родос», «Сова», «Туба», «Зебра» и ещё несколько не связанных друг с другом слов. Мне достался «Белок» – основной, и «Фомич» – для нештатных ситуаций.

Когда меня привели на пост, уже стемнело. Территория поста – полоса, метров пятидесяти, с несколькими чахлыми кустами, парой камней и вывороченного из земли дерева – была метрах в трёхстах от самолёта. Ещё подходя, я услышал шум двигателя и, с чувством тревожной тоски, увидел взлетающий самолёт. Такое бывало – охрану снимали и подразделение добиралось к месту постоянной дислокации другим транспортом. Но для меня крестик крылатой машины в небе, был крестом на возможности успеть в часть к поверке. Теперь, конечно, смешно вспоминать, а тогда расстроился я сильно, до опустошения какого-то. Минут через пять снова – стрёкот в небе и на полосу сел самолёт, чуть больше нашего. Опустилась аппарель, что-то загрузили в грузовик, самолёт заправили, и он взлетел, не прошло и двадцати минут. Я отстранённо наблюдал за всем этим, в промежутках между обходом поста. Снова сел наш транспорт, и вокруг него началась какая-то возня. Возле люка суетились несколько человек в комбинезонах, там же стояли три человека в военной форме без знаков различия. Они явно нервничали. Грузовой автомобиль, обычно не глушившийся, стоял возле самолёта с выключенным двигателем.

Жизнь в условно-закрытом армейском обществе не особо богата на интересные события – муштра, наряды, караулы, поэтому бойцы быстро приучаются примечать всё мало-мальски способное утолить информационный голод, и впитывают всю информацию, если событие имеет шанс быть нескучным. Но, мне, расстроенному до невозможности, тогда всё это, вдруг, показалось далёким, как будто чужим, что ли, из другого пласта цивилизации – какие-то люди, машины, самолёты. И тут я увидел нарушителя... Так бывает, когда увлечённо читаешь книгу или смотришь какой-нибудь фильм, погружаешься в него, практически сам становишься невидимым персонажем, а потом, бац – реклама или телефонный звонок! И ты, отрываясь от экрана или страницы, видишь окружающий тебя мир, как будто он только что появился – стулья, занавески, сосед по купе – всё прорисовывается заново в сознании, которое ошалело озирается и пытается адаптироваться к смене реальности... Откровенно говоря, реальность вокруг моего поста, была не особо разнообразна: пара аккумуляторных фонарей, метрах в пятнадцати каждый, несколько валунов, размером с ведро, вывороченное с корнем дерево и чахловатый куст. Возле куста я и увидел человека. Боковым зрением. Он сидел на земле, слева от меня метрах в трёх, и смотрел на суету возле самолета. Удивление со страхом ещё только приступили к спору, кто будет рулить адреналиновым всплеском, а рефлексy уже вовсю работали – за секунду, поворачиваясь и скидывая автомат, я присел, включил тактический фонарь и заорал «-Стой! Руки вверх!». Сердце учащённо билось и гнало насыщенную адреналином кровь, я

сидел в красивой позе, с крутым автоматом, в ушах звенела какая-то песня о женщинах, горящихся мужьями, сыновьями и братьями, защищающими родную землю... А у кусточка никого не было. Только одна ветка, словно успокаивая меня, помахивала из стороны в сторону. Я медленно поднялся, и подошёл к тому месту, где сидел нарушитель. Несколько следов некрупного животного, возможно, лисы. В голове настойчиво тянула на себя одеяло, до банальности очевидная мысль – «Почудилось!». Прямо под кустом лежал какой-то свёрток. Присев, я взял его в руки и чуть не выронил – в ухе резко и требовательно прозвучало «– Белок, что у вас?!». Не знаю почему, но мне показалось, что спрашивающие на меня смотрят – недобро и с подозрением, как полицейский, проверяющий документы. Как будто говорящий стоит прямо за спиной. Рефлекторно запихнув пакет за пазуху, я протараторил:

– Возможно, нарушитель. Визуальный контакт, сейчас потерян. Исследую место...

– Отставить! Быть на месте. Ждать группу анализа. Бдительность не терять!

«Группой анализа» были парни в тактических костюмах – как из фантастического фильма: шлем, с непроницаемо чёрным стеклом, спецфурнитура и всяческие придамбасы. Они были последним рубежом, внутренним кольцом охраны объекта. Потом – наша зона ответственности, следующее кольцо – метрах в пятистах – пограницы, а снаружи, по словам комбата, оцепление из местного ОМОНа. Если присылают этих «волкодавов-аналитиков», значит дело серьёзное. Пару секунд я поразмышлял – стоит ли сказать по радио о пакете. Сообщить о пакете, понятное дело, необходимо, но кто его знает – может нельзя о таком в эфир. Ещё, конечно, досада сыграла свою роль: так со мной обращались, как будто не бдительность проявил, а сам пытался секретную военную тайну украсть! Отдам лично – решил я и пошёл к облюбованному местечку – у поваленного дерева. Только я подошёл – 4 шага всего – и присел на корточки возле комка корней – в ухе раздалось раздражённое:

– Белок! Что происходит?!

– Сохраняю бдительность, продолжаю наблюдение. Отошёл к укрепленной позиции. – Сарказм был прикрыт лишь фиговым листочком – мне показалось удачным подержать, формально не выходя за рамки Устава.

– Замри. – голос был таким же злым – Сойдешь с места – подстрелят. Выключи фонарь!

Я, чертыхаясь, выключил фонарь на автомате. Тут же вспомнил про находку. И бразды правления адреналином перешли гневу – такая вдруг злость накатила, не на кого-то конкретно, а вообще, на ситуацию, что я, с мыслью «– Хрен вам, а не улику! Дембельский подарок это, компенсация за сверхсрочную!» – запихал пакет в углубление среди корней и заткнул отверстие камнем, поднятым тут-же. Камень лёг так удачно, что я, в слабом потоке бледного света от далёкого фонаря, не видел только что сделанный тайник. Рука потянулась было к клубку корней, чтобы поискать наощупь, как вдруг справа возникла тень в виде двух ботинок с высоким берцем. Я повернул голову – безмолвным истуканом передо мной стоял один из «ковбоев последнего рубежа». Поднявшись, я смотрел ему прямо в шлем – где-то в середину, представляя пару козлиных глаз с прямоугольными зрачками. Он смотрел на меня. Затем, быстро подняв руку к шлему, что-то ковырнул и раздался хрипловатый голос:

– Где?

Я махнул рукой. Потом вспомнил – Там ещё следы животного мелкого, может это и... – суперсолдат посмотрел на меня и произнес – Как выглядел?

Этого я не помнил. Или не видел. Но что-то же я видел!

– Небольшой... не как ребёнок, а сухощав... и ниже среднего – моё описание нарушителя было похоже на детский лепет, но «чёрный шлем» слушал меня внимательно.

– Пожилой? – коротко рыкнул он.

– Что? – слово, которое в армии мы не использовали и было оно, вроде как с гражданки, сбило меня с толку.

– Возраст какой?

– Да, точно – выглядел как старик! – я вдруг вспомнил лицо нарушителя – лицо буддийского монаха – Усы вниз и борода, седые. Не уверен, вроде как в цигейке стёганой – память выдала всё что могла (ну или что хотела) и взяла передышку.

«Групповой аналитик» выпрямился и произнёс: – Подтверждается! Возможно – Леший! – затем повернулся, посмотрел на меня и чем-то щёлкнул на шлеме. Отвернувшись, он постоял секунд десять и исчез в темноте. Тут же в наушниках раздалось «-Ёжик сорок два... Ёжик сорок два». Это был наш сигнал срочного сбора. Ещё один из текущих протоколов охраны. Не знаю, кто там у них отвечал за стратегию безопасности, но он точно – маньяк! Перехватив автомат, я рванул к самолёту кратчайшим маршрутом.

Почти все наши были уже на борту. Майор Кляп, стоя у трапа подгонял меня и Самойлова, которому достался самый дальний пост. Только мы уселись, как самолёт заревел моторами и побежал по полосе. В отгороженной части транспорта стоял груз. Он был полностью укрыт брезентом. Дверь в решётке была заперта каким-то, очень технологичным по виду, замком.

Летали мы ещё почти сутки. Садись на каких-то аэродромах, заправлялись, получали паёк и улетали. В итоге, сели в одном северном городе, на один из военных аэродромов. Сюрпризы продолжились – внезапно выяснилось, что в грузовом отсеке находилось трое из «аналитической группы». Эти командос вылезли на свет, только когда к самолёту подали спецтранспорт для груза. Они сами открыли замки, пообщались с прибывшей группой сопровождения и проследили за погрузкой. Не снимая шлемов. Собрали у нас супер-пушки и выдали наши «калаши». К комбату один из «аналитиков» подошёл, когда колонна уже готовилась уезжать.

– Майор, дождаться нас!

– Сколько! – Кляп был зол и хмур.

– Без нас не взлетать! – последние слова были брошены пилотам. И тут я заметил, что пилоты совсем не те, с которыми мы летели в Китай. Лётчики заперлись в кабине, а мы ушли в небольшое каменное здание, ожидать «аналитиков». Комбат достал свою фляжку, с которой не расставался в поездках, и, оставив меня старшим, ушёл. Майор был очень коммуникативным человеком и у него повсюду были родственники, друзья и знакомые. Это очень помогало, особенно в командировках. Вот и сейчас – мы все это понимали – Кляп пошёл разведать обстановку. Часа через два он вернулся и, заняв единственное лежачее место, уснул. Ещё через час прибежал прапорщик, в расстёгнутом кителе и без головного убора. Дыша высокооктановым перегаром, он бросился будить комбата. Они вышли, а через двадцать минут мы уже ехали на грузовичке в сторону города. Этих – в «скафандрах» которые, мы больше не видели. В общем, добрались мы до части своей на поезде, а через два дня меня демобилизовали. Майор Кляп мне часы подарил – командирские, с дарственной надписью, вроде как, наградные ему. Я было в отказ, но он настоял.

Санька расстегнул ремешок, и дал часы Генриху.

– Северодвинск... – Генрих рассматривал часы. Вопрос снова прозвучал как констатация. Турист напрягся. «– Вот это фокус!...Разболтался я что-то, здесь же граница рядом – а если это резидент китайский?!».

– Ну... таблички с названием я там не видел – глядя в кружку, произнёс Санька. Индеец метнул взгляд на гостя. – В одном городе... – проговорил он, поведя плечом. «– Ну, конечно! – Саньку осенило – про остальные аэродромы я сказал – «какие-то», а конечный пункт – «в одном городе», значит местность мне знакома.». Ему вдруг стало стыдно – человек ему, возможно, жизнь спас, обогрел, накормил, а в благодарность – подозрения необоснованные. Прихлебнув из кружки, он посмотрел на Генриха и, устроившись поудобнее, улыбнулся.

– Он самый – Северодвинск, город корабелов. Я там был. В самом начале службы. – Санька на секунду призадумался – А ведь ситуация была очень похожая! Я тогда ещё «духом» был – отслужил всего несколько месяцев и, хоть и был отличником боевой и политической под-

готовки, в караулы меня не ставили. И тут – срочная командировка. Дембель, провалявшийся до этого полгода в госпитале и уже неделю ждавший «свободы», пошёл в отказ, и Кляп поставил меня. Тогда я отправился с радостью – первый караул, да ещё «на сопровождение». Сопровождали мы контейнеры со всякими угрожающими знаками. Приняли их под охрану вместе со спецтранспортом, и – самолётом до военного аэродрома, в каком-то медвежьем краю. Потом проехали через какой-то город, как выяснилось в последствии – Северодвинск, центр атомного судостроения, промчались мимо дачных посёлков на окраине, и почти час катились по разбитой дороге, петлявшей среди болот и леса. Мне повезло ехать в кабине с комбатом... а может, не повезло, может, он специально меня, как молодого с собой усадил. Метров за пятьсот от КПП, на бетонной дороге стоял шлагбаум. Спецтранспорт встал. Майор выскочил из кабины и огляделся. И тут, вокруг появились угрюмые ребята в масках. Они были повсюду и постоянно двигались – боец стоял пять секунд на одном месте, затем плавно и быстро уходил из поля зрения, а другой боец появлялся – словно вокруг машины водили какой-то странный хоровод. К майору подошёл самый угрюмый из их группы, они что-то коротко обсудили и комбат, нырнув в кабину, схватил свой кейс. Выбираясь наружу он бросил нам с водителем – Вылезай!

Мы прождали на морозе минут двадцать. Потом нам подогнали автобус, где мы отогрелись, выпили кофе и с комфортом дождались возвращения нашего транспорта. Ну, в общем, и вся история – мы без приключений добрались до части, Кляп пожал мне руку и всё. А как догадались, что Северодвинск, а не Мурманск или другой северный город?

– Специфика – обронил хозяин дома.

– А-а – понимающе протянул Санька, впервые не поняв собеседника. В комнате повисла тревожно-печальная тишина. Генрих задумчиво крутил кубик ароматного табака.

Александр прихлебнул из кружки, улыбнулся и сказал, глядя на табак в руках индейца:

– Аромат обалденный! Если хочется – надо взять и попробовать.

Генрих посмотрел на Саньку, плавно поднялся с кресла-качалки и подсел к гостю на матрас. Он стал неторопливо набивать трубку табаком, и волна вкусного запаха накрыла туриста. Он наконец-то снова почувствовал, что значит «жить здесь и сейчас». Все эти советы от «просветлённых», наставления во всяких семинарах – «начните жить!», «выйдите из зоны комфорта!» – не стоят и секунды в экстремальной ситуации, когда сметается из сознания весь шлак накопленных проблем, обид и страхов. Чиркнула спичка и из раскуриваемой трубки вырвались два дымовых облачка. Проследив за ними, Санька увидел на стене, под самым потолком барельеф в виде медведя. Зверь, искусно вырезанный на бревне, смотрел в полоску окна над шторами и при взгляде на него не было никаких сомнений, что вырезали с натуры.

– Красивый – Санька привстал с матраса и подошёл к стене.

– Алтай – проронил индеец.

– Питомец? – спросил турист.

Генрих затаился, выдохнул, улыбнулся и произнёс – Друг.

Комната наполнилась ароматным дымом, и индеец с гостем оживлённо и весело болтали о всяких житейских вещах. Санька узнал, что медведь, по кличке Алтай не спит, хотя давно пора уже, как красиво здесь в любое время года, и как сделать дудочку из бузинового прутика. Когда Генрих поднялся, чтобы поставить чайник на огонь, Санька растянулся на матрасе – размять спину. Алтай со стены смотрел в окно, вокруг него скакали солнечные зайчики, хотя разморённому путнику они казались солнечными белочками. Затем среди белочек появилась лиса, внимательно посмотревшая на Саньку, потом он увидел несколько злых росомых и стаю волков, гнавших дичь, барсука, двух бобров, затем появилось неяркое, осеннее солнце, подмигнувшее спящему.

Генрих накинул на спящего тонкое одеяло и вышел. На улице он постоял несколько секунд, затем вернулся в дом и вышел через минуту с длинным свёртком. Пройдя по лесу, индеец остановился возле большого камня, лежащего на берегу маленького ручейка. Он достал

из свёртка странную конструкцию из трубок. Она была похожа на камертон размером с балайку. Торец одинарной трубки имел странный профиль – несимметричный и как будто рваный. Генрих аккуратно снял с камня пласт мха и вставил конец конструкции в рваную и как будто несимметричную дыру. Затем он чем-то резко щёлкнул в сантиметре от одной из трубок конструкции и сел на камень. Сверху, танцуя, опустился красный лист. В солнечном луче сверкала тонюсенькая паутинка. На ветку осины прыгнула белка. На месте чуть правее начала хвоста, висел прилипший листок, ещё большей частью зелёный. Белка раздражённо шаркнула по стволу дерева – листок поплыл вниз и застрял в путанице тонких веточек. Белка фыркнула и умчалась. Листок качался, какое-то время, а потом выскользнул из западни и полетел дальше, навстречу... паутине. Он воткнулся в неё черенком и повис. Паутина была тонкая, а лист – мокрым и тяжелым, тем не менее профессионализм паука побеждал и сети потихоньку прекращали качаться. Из трубки раздался щелчок, а затем голос:

– Мы слушаем тебя. Как Алтай?

– Не спит. – Генрих смотрел на обвисший листок, с которого сорвалась тяжёлая капля. Лёгкий ветерок налетел коротким порывом и застрявший в тенетах пленник, крутанувшись несколько раз вокруг своей оси, вырвался и полетел дальше. – Полагаю, я нашёл ключ...

Осеннее солнце было совсем блёклым, но стало очень жарко. Внезапно солнце стало приобретать черты лица Генриха. Хозяин дома сидел и смотрел на туриста. За окном была темень, в комнате было жарко и сумрачно. Единственным источником света был догорающий огонь в камине. На огне стоял чайник, на столе – миска с кашей и дымящаяся кружка. Санька поморгал, затем сел и потянулся. Таким свежим и отдохнувшим он себя не чувствовал с детства.

– Жарко что-то. – он повернулся к столу и взял ложку – Спасибо!

Индеец налил ему в кружку жидкости без запаха и пододвинул миску с кашей. Затем махнул рукой куда-то вверх. Санька проследил за жестом взглядом и – в дальнем от окна углу между стеной и потолком – с трудом рассмотрел очертания двух продолговатых тёмных коробок. Внезапно он почувствовал, что тепло исходит оттуда.

– Инфракрасные обогреватели? Зачем?

Генрих повёл правым плечом. Тут же Санька осознал, что слышит слабое тарыхтение – видимо у отшельника генератор.

– А который час? – Санька махал ложкой.

– Ночь – повёл левым плечом Генрих.

Пока гость допивал индейское зелье, хозяин, сняв с углей чайник, залил кипятком чёрный, помятый термос. Закрыв его и поставил на импровизированный стол. Затем сел на кресло и опустил руку в рюкзак, стоящий подле. Санька был по-тихому счастлив. Он подумал, что здесь несравнимо лучше, чем на любом курорте. Из глубины сознания начала постукивать мысль о том, чтобы остаться на неделю, любоваться Алтаем, дышать сказкой. Возможно даже увидеть медведя Алтая. Турист собрался открыть было рот – спросить разрешения на приют, как вдруг рядом плюхнулся большой бумажный пакет. Индеец повёл рукой. Санька развязал шпегат, и развернул бумагу. Внутри лежал комплект одежды – куртка и брюки, кепи и тактические перчатки, а также две пары носков и кожаные ботинки, с в меру высоким берцем. Покрой был военным, но с изящным налётом цивилизации – в этой одежде можно было встать в строй, поехать на рыбалку, ходить на работу, в кино, а в провинциальных городках – и в театр. Всё было по размеру. Вновь одетый присел, наклонился, попрыгал.

– Спасибо! Я обязательно всё оплачу.

Генрих взял термос и положил его в рюкзак. Санька подумал, что теперь он сможет гулять по Алтаю и самое время спросить у хозяина разрешения погостить. Индеец положил на стол свёрток. Развернув его Саня опешил: пачка купюр разного достоинства – тысяч десять – двадцать.

– Я не могу... – начал он, но Генрих положив пачку в карман, уже Саниной, куртки и развернув бумагу, в которую были завернуты деньги, сунул её гостю под нос. Это была справка об утере паспорта и являющаяся на какое-то время удостоверением личности.

– Постойте, она же на Кляпа, это же... – Санька понял, что он не сказал ничего о себе, кроме имени. – Ну, фамилия на часах была, инициалы там же – можно было имя и отчество угадать – они у нас с ним, кстати, совпадают, но как узнали его дату его рождения? Она верная!

Генрих повел по очереди плечами – сначала правым, потом левым.

– Да уж, бывает – удивлённо и недоверчиво сказал турист. И вдруг в голове взорвалась мысль – да его же спрашивают! «– Не может быть! Куда же мне в ночь-то?! Не может Генрих так поступить!». Санька глубоко вдохнул и глубокомысленно выдохнул. Пыль от взрыва осела и стали проступать непрошибаемые выводы с несокрушимыми аргументами. «– А с другой стороны – он же сделал для меня больше, чем можно было желать: спас от белок, накормил, напоил, дал место и время для сна, одел, справил документы, да ещё и денег отвалил. А ему, может, привычнее одному и мне пора бы и честь знать.»

– А как добраться до аэропорта или автостанции ближайшей? – Санька всё ещё надеялся, что Генрих оставит его в этом удивительном доме, хотя бы до утра.

Индеец протянул руку и положи в руку туриста ключи. Это были ключи от автомобиля – Генрих отдавал ему машину! Санька стоял не шевелясь. Прошла минута. Генрих внимательно посмотрел на гостя, затем взял у него справку и на обратной стороне написал – «полковник Замарин, МВД», отдал обратно и произнёс: – Горно-Алтайск.

– Понял – Санька убрал справку во внутренний карман – Передам привет.

Он вдруг решил, что, хотя бы попьёт чаю перед уходом – на углях зашумел чайник. Двинулся было к столу, но тут же понял – фиаско. Садиться на матрас одетым и обутым, пусть даже и в новое, он не мог, а разуваться и раздеваться показалось уже нелепо... или нескромно. Неважно. На крыше прокаркал ворон. Пять раз. Генрих сунул какой-то пакет в рюкзак и отдал его гостю.

– В машину! – голос индейца подействовал странно – как будто он обращался напрямую к Санькиным ногам и те уже несли туриста по лестнице к выходу, в то время как его голова ещё искала возможности остаться на ночь.

Как только за Санькой закрылась дверь, Генрих двинул кресло к окну, затем метнулся к матрасу и, сбросив одеяло и полотенце на пол, скрутил его и установил на кресло-качалку. Затем накинул на матрас плащом одеяло и кинул полотенце к порогу. Так же быстро схватил из камина чайник и, обильно полив конструкцию на качалке кипятком, взгромоздил его сверху. Он легко качнул кресло, взял ведро и зачерпнув угли из камина, положил его боком в метре от двери. На каминной полке закачал головой игрушечный совёнок. Генрих схватил со стены томагавк и подпрыгнув, скрылся в тени над дверью.

По террасе индейского дома двигались две фигуры. Первая принадлежала наёмнику Тоши Тигру, она была мощной, двигалась быстро и излучала агрессию и самоуверенность. Вторая фигура двигалась мягче и – след в след за первой. От неё веяло осторожностью. Она была фигурой человека невысокого, среднего по сложению, уставшего от приключений. Он был неприлично стар для этой профессии и звали его -

Такеша

родился и вырос в маленькой деревушке на берегу. Отец был рыбаком. Когда-то. А потом стал инвалидом. Мать работала учителем. У Такеша было две сестры – старшая и младшая, и пособия отца с зарплатой матери, еле хватало на жизнь. К счастью, помогал дядя Акайо – у него был рыболовный катер, на котором он ходил за крабом и всегда был при деньгах. Когда Такеша исполнилось одиннадцать, отец, много пивший, умер и мальчишке пришлось идти работать. Устроил его к себе дядя – разносчиком улова постоянным клиентам, а во время путины – помощником на катере. Одним из клиентов был сенсей Седэо – владелец школы

кендо. Такеши приносил ему рыбу в последнюю очередь, и частенько оставался посмотреть из-за забора на занятия. Вскоре он вырезал себе меч и тренировался там же – у забора школы, повторяя движения сенсея. Это не осталось незамеченным и однажды, разносчик рыбы обнаружил свой меч сломанным и осквернённым. Слёзы и обида душили его. Из-за забора вынырнули головы учеников. Один, долговязый, кричал обидные слова, и вся компания заливалась злым смехом. Такеши в гневе схватил с земли шишку и швырнул её в сторону забора.

Из-за работы юный рыбак нещадно пропускал занятия в школе и сильно отставал по основным предметам. Зато работа в море развила в нём много полезных навыков: он отлично плавал, надолго задерживал дыхание, виртуозно работал с верёвкой и любым ножом и метко бросал разные предметы – от тапка, до десятилитровой канистры с водой. Столь полезное умение он развил, гоняя чаек от улова. Он научился поражать сидящих птиц в голову, а потом – сбивать их в полёте. Вдобавок ко всему он окреп, стал силен и ловок.

Шишка попала долговязому в лоб и взлетела свечой вверх. На секунду всё затихло, а потом раздались крики и ученики, одетые в защитные щитки, высыпали к Такеши, налетели на него и повалили на землю.

– Разве здесь школа борьбы? – Голос был негромкий, но проник сквозь шум потасовки и вонзился раскалённой иглой каждому ученику в мозг. Вмиг все, кроме Такеши, стояли строем, виновато склонив головы.

– Разве я учу вас валяться в пыли? – сенсей Седэо посмотрел на разносчика рыбы. – Хечиро, принеси экипировку.

Такеши держал синай и смотрел на своего соперника сквозь щели шлема – мэна. Долговязый рубил воздух заученными ударами, устрашая противника. Подходил он не спеша. И вдруг бросился в стремительном выпад, рубя наискосок. Такеши ушёл с линии атаки, одновременно отбивая меч. «– Следующая атака – колющим в горло» – он повернулся к сопернику и, двинув синай влево, слегка «приоткрыл» голову. Долговязый сделал слишком большой шаг и провёл колющий удар. Такеши нырнул под летящий клинок и врезал по голени противника, а затем коротко рубанул по макушке падающего неприятеля.

Во втором раунде юному герою пришлось сражаться с двумя соперниками. Они были слабее долговязого, но тем не менее – двое против новичка. Всего раундов было пять. С третьего по пятый Такеши противостоял троим. В итоге, каждый из команды сразился с мальчишкой-рыбаком, и ни в одном он не был побеждён. Из всей школы не удивился только сенсей, сразу поняв, что, наблюдая за тренировками, юный апологет кендо подмечал особенности тактики и слабости всех учеников. Плюс сила и закалка тела и, что важнее – духа.

Сенсей Седэо разрешил Такеши посещать занятия в обмен на лучшую рыбу и крабов из улова дяди.

– И приносить будешь сначала сюда, а потом остальным – я люблю свежие продукты.

– Да господин Седэо, конечно господин Седэо, лучшая рыба сразу к Вам! – парень был счастлив.

Через полгода Такеши победил на соревнованиях, имевших большое значение для сенсея. Господин Седэо очень радовался и подарил ему катану. Это была очень старая и дорогая для старика вещь. Катана была повреждена, заточена заново и была похожа на вакидзаси – короткий меч. Такеши не верил своему счастью. Меч стал его неотъемлемой частью – он был с ним повсюду: ел, спал, мылся. Через совсем короткое время к Такеши приклеилось прозвище Катана.

К пятнадцати годам, уже бывший, рыбак неплохо зарабатывал. Раз в три месяца проводились нелегальные бои на мечах. Мечи были учебные, но стальные. Призовые места получали очень хорошие деньги, а Такеши редко опускался ниже третьего. В промежутках он тренировался и участвовал в нелегальных боях без мечей, где он получал меньше денег, но зато больше шрамов. Тем не менее, семья теперь не нуждалась почти ни в чём. Единственным омрачающим

пятном на солнечном небосклоне благополучия, был диагноз матери. Катана с первых больших денег купил матери полугодовой запас лекарств, и использовал любую возможность заработать и отложить денег на операцию в Германии. В итоге, больницу оплатил господин Седэо, с условием, что Такеши отработает всю сумму. Некоторое время он выполнял мелкие поручения – отнести письмо, передать сообщение, а когда исполнилось двадцать, Катана стал членом клана Седэо. Сенсей управлял всем вместе с братом – господином Хидеки. Клан не принадлежал якудза, но у братьев были хорошие связи в правительстве, и они заправляли на участке побережья вокруг их деревни. Основной статьёй дохода была плата за транзит контрабанды через их территорию. Иногда, ввиду нейтральности клана Седэо, здесь проводились встречи представителей враждующих кланов, что тоже давало хороший профит. Место было аппетитным куском и многие пробовали клан на прочность. От войны и открытого захвата страховал человек в правительстве, но провокации и попытки вывести Седэо из игры случались регулярно. В одном из таких случаев, погиб один из бригады Катаны. Умер у него на руках. Бойцов убивали и раньше – таков избранный ими путь, но смерть воочию так потрясла Такеши, что он целую неделю сидел, запершись дома. С тех пор он неустанно тренировался, оттачивал реакцию и совершенствовал навыки.

В двадцать пять лет Такеши был абсолютно счастлив: он возглавил одну из бригад, у него было неприлично достаточно денег и здоровая мать. Одна сестра закончила институт, другая поступила. Катана попросил у господина Седэо непозволительно большой отпуск – свозить старушку-мать и сестёр в Таиланд и они, впервые в жизни, покинули Японию.

Матери понравилось в Таиланде, как ребёнку в Дисней-Ленде. Она носилась по музеям, магазинам, массажным салонам и восхищению её не было конца. Такеши потерял свой телефон, но, используя дядины связи, купил небольшой домик, недалеко от побережья – подарок маме на день рождения, который должен был состояться на днях. Последние пять дней отпуска, по просьбе сестёр они решили провести в Корее. За два дня до отлёта мать сказала детям во время ужина: «– Как прекрасно было бы здесь жить!». У Такеши похолодело в груди: – «– Ты же без ума от Таиланда!» Старая, но ещё крепкая японка улыбнулась и объяснила: – «Таиланд как театр – ярко, красиво, эмоционально. Но ведь не будешь жить в театре». Она помолчала и добавила – «-Только, если театр живёт в тебе». Такеши уставился на мать, а сёстры хохотали. «– Редко бываешь в родительском доме! Не знал, что мать увлеклась поэзией?». Катана выругал себя за импульсивность и поспешность покупки дома в Тае и, извинившись, вышел из-за стола.

Дядя тоже хохотал. Такеши отодвинул трубку и ждал, пока сухой треск дядиного смеха прекратит сыпаться из динамика. «– Слушай меня, Та-ши, поступок твой правильный, что поспешил – бывает, в чём-то это даже хорошо. Дом в Таиланде не продавай – я его сдам, Тихиро будет на что в Корее по театрам ходить, ха-ха-ха...» – дядя снова зашёлся в смехе. Катана немного успокоился – теперь у него не обуза, а актив. Смех прекратился и из телефонной трубки послышалось – «– Давай, найди хороший дом, денег добавлю. Пришлю телефон человека, он поможет всё оформить. Поцелуй мать за меня. Всё пока». У него защипало в груди. «– Дядя! Акайо-сана! Спасибо!» – Такеши поклонился и положил трубку. Дом с садом купили на следующий день – день рождения мамы. Тихиро плакала и обнимала сына. Такеши решил попросить ещё один день отпуска – организовать работы по обустройству дома. Но трубку никто не брал. Дядя Акайо тоже не отвечал. Тогда Катана решил дожидаться утра, если не получится дозвониться – полетит в Японию. Утром позвонил дядя.

– Коннити-ва, дорогой дядя! Благословенных лет и крепкого здоровья тебе!

– У нас проблемы! – дядя Акайо редко придерживался традиционного этикета, особенно с родственниками, но не поздороваться было слишком даже для него. Что-то случилось. «Что-то» произошло за день до этого, в Токио – в результате «дворцовых интриг» был повержен и отстранён от всего что можно и, частично, от того что нельзя, покровитель клана Седэо, из правительства. Произошло это утром, а вечером уже горел дом сенсея. На клан напали и

перебили все бригады. Дяде пришлось бежать – какие-то дела связывали его с кланом. Но он, благодаря своей хватке, пострадал от всей ситуации меньше всех. Каким-то образом узнав о катастрофе – ещё с самого утра, он застраховал свой дом и имущество, затем погрузил семью и всё ценное на шхуну и ушёл в сторону русского берега. Дом, разумеется, сожгли, но у дяди было ещё два бизнеса – бар и отель. Разбросанные в разные части страны и записанные на подставных лиц, они давали некую уверенность в завтрашнем дне. Плюс страховка, плюс шхуна, которую Такеши год назад помог купить, добавив недостававшую сумму.

– В Японию не возвращайтесь!

– Неужели, никого не осталось! Кто-то должен был выбраться!

– Да какая разница, Та-ши? Клана больше нет! Тех, кого не убили сейчас, убьют, когда найдут. Так что твоя задача – не быть найденным. Всё ведь просто. Меняйся, найди работу.

– Дядя, что я буду делать здесь? – Такеши и правда не представлял, чем может заняться в чужой стране с его способностями. – А, Хидеки?

В трубке воцарилась тишина, затем вздох, и дядин голос сообщил – Хидеки, говорят, сбежал.

– Куда? – у Катаны затеплилась надежда.

– Я попробую узнать, будь осторожен! – дядя положил трубку.

Хидеки засел в Гонконге. Катана, оставив почти все средства родным, на последние деньги снял отель и купил телефон. Созвонились они поздно вечером. Брат сенсея прислал за Такеши машину. Жил Хидеки в роскошном отеле, полном грудастых девиц. Всюду были бутылки из-под виски и шампанского, на зеркальном столике виднелись туманные полосы – следы от «дорожек» кокаина.

– Седэо пропал – наверняка убит, клан разгромлен. Это конец всему, Катана! – пожилой японец хлебнул виски из бокала – Хочешь со мной, Катана?

Такеши вопросительно посмотрел на хозяина номера – Куда?

– Нас ищут, всех, кто остался жив. Вся якудза! – бокал с виски опустел – Есть люди – они за хорошие деньги помогают в таких ситуациях. Я оплатил доставку до одного острова, на котором безопасно – это абсолютно точно, я навел справки. Могу похлопотать за тебя. Двести тысяч.

– У меня нет таких денег – Катана смотрел на собеседника и удивлялся разнице между родными братьями – Седэо и Хидеки. Благородство одного и подлая трусость другого. Очевидно, что он сбежал с деньгами клана и теперь, как крыса ищет дыру где спрятаться. Хидеки тербил бородку. – Ну, ладно, я оплачу за тебя билет до острова, а там ты отработаешь – распорядился он. Боец посмотрел в окно и в голове роились мысли. «– Он себе возомнил, что я такая же крыса и мечтаю об убежище! Как бы не так! А с другой стороны, если меня найдут, то лучше, чтобы рядом был он, а не мать и сёстры.»

– Я подумаю.

– Подумаешь?! Это что тебе, ресторан или интернет-магазин? Уже вчера было поздно, а завтра станет невозможно! – бывший сопровитель клана раскраснелся, и со злостью поставил пустой бокал на стол.

– Поздно – так поздно. – Такеши встал и вышел из номера.

Улица встретила прохладным воздухом. Денег на такси не было, идей тоже. Оставалось снова звонить дяде.

– Дядя Акайо, добрый вечер!

– Как дела, Та-ши, пообщался?

Такеши вкратце объяснил положение дел.

– Приезжай ко мне – поможешь с бизнесом – дядя был оптимистичен.

– Нет дядя, не приеду. К вам в дом свои проблемы не понесу. Может есть работа здесь, в Гонконге, по моей специальности?

– Такеши, ни твоя мать – Тихиро, ни я – не одобряем твоё ремесло, но это твой выбор, и мы его уважаем. Тем не менее, когда решишь «сойди с тропы», я буду рад и буду готов помочь всем. Запоминай телефон – человек поможет тебе первое время.

Человека звали Сеиджи. Он был огромен, груб и любил единогого.

– Знаешь, Такеши Катана, тебе повезло. На бирже сейчас срочный заказ и никто за него не берётся уже два дня – гигант задумчиво почесал над усом, посмотрел на собеседника и пояснил – Это много. Никто особо не хочет рисковать за назначенную цену. По этому случаю открывают конкурс на место брокера... Я тебе помогу, Такеши Катана. За пятьдесят процентов от доходов первого года.

Биржа была, на первый взгляд, простой площадкой-агрегатором: собирала различные заказы деликатного свойства и выставляла на аукцион среди закрытой группы – брокеров. Получить место брокера было делом непростым, по словам здоровяка – проще изнасиловать ёжика. Выражение это подтвердило дядины слова о Сеиджи – человек с огромным опытом и интересной судьбой. Обычно, кандидат на место брокера вносил серьёзную залоговую сумму, и проверялся достаточно долгое время, иногда – годами. Но, в некоторых случаях биржа открывала "временное место" – на один, два заказа, с возможностью продления контракта, если новичок проявит себя. Для таких мест депозит был меньше в несколько раз и было достаточно пары рекомендаций. Сеиджи всё оформил и Такеши получил работу.

Спасибо, Сеиджи-сан! – Катана поклонился.

– Не стоит, у нас с тобой договор. – гигант покуривал трубку.

– Это рискованное вложение, но ты поверил в меня! Ты дал мне рекомендацию, оружие и внёс деньги.

Большой японец выпустил струйку дыма и внимательно посмотрел на Такеши. Затем сделал затяжку, выпустил замысловатой формы кольцо и, глядя на плывущий дым, сказал: – Такеши Катана, забудь все эти моральные кодексы и сентиментальные сопли. На этой работе, они – смертельная обуза. Я на тебе зарабатываю. Деньги на депозит и за оружие передал Акайо – твой дядя. И риск совсем не большой для такой прибыли – задание не из самых сложных, если всё правильно выстроить, то проблем избежите и обернётесь за день. С напарником тебе повезло, кстати, Такеши Катана, очень опытный. Он тебя и подстрахует, и мозги вправит. Знаменитый Реза Циник.

Реза был иранцем. Среднего роста, с бородой и лысый. В самой макушке поблёскивал на солнце рубин. Циник проследил за взглядом Такеши и, усмехнувшись, пояснил:

– В одной операции черепушку пробило, ну я и попросил костоправов инкрустировать. Мой талисман. – Он наклонился. – Видишь трещинка в виде буквы «Р» на персидском? Это имя моё такое – Реза. Реза-дереза.

– Реза де Реза? – переспросил Такеши – что-то Французское?

– А дэв его знает, это меня напарничек так называл, русский еврей.

Они сидели в кафешке с видом на порт. Реза, получил от биржи пакет с их заказом и должен был ввести его в курс дела. Иранец смотрел на японца, японец на иранца. Межнациональный обмен взглядами длился секунд тридцать. Затем Реза допил что-то из своей чашки, поставил её и, снова посмотрев собеседнику в глаза, выложил:

– Расклад такой! Ты, может и опытный боец, но в делах биржи – новичок и ни хрена не смыслишь. Заданий здесь простых не бывает! Дешёвые – запросто, а за простыми на биржу не идут. Этот заказ вообще – кошмар: вся якудза охотится за "посылкой". Поэтому, обговорим всё сразу – моя страховка стоит пятьдесят процентов твоей доли с этого дела. Я знаю, что половину у тебя берёт Сеиджи, старый прохиндей. Деньги передашь старику на той жёлтой шхуне – Циник кивнул в сторону рейда – если вернёшься конечно – Реза хохотнул.

– Я был во многих переделках, в большинстве из них с другой стороны были якудза. – Такеши холодно смотрел на напарника. – Какое задание?

Иран с Японией снова обменялись взглядами. Реза, не отведя взгляда, как-то спокойно и по-отечески запулил тираду:

– Катана, критически важно, чтобы ты осознал, что тебя окружает другой пласт мира, не тот где ты жил прежде. Чем скорее ты вникнешь в его законы, тем выше шансы выжить. А тебе, похоже, потребуется время. Так что, по сути, я продаю тебе время, которое ты можешь правильно инвестировать и выжить. – Иранец вздохнул и продолжил. – Ты думаешь якудза толпой ринутся нас искать и атаковать, с мечами и битами? Они разместили заказ на бирже, вот и все дела.

– Как?! – Такеши, недоверчиво смотрел на собеседника.

– Обычно. Они часто заказы размещают: на бирже хороший менеджмент – зарабатывают на всех сторонах конфликта. Дали хорошую цену, охотников было – тьма. Я взял заказ на правах старожила. Партнёр отличный – Сёма Семафор, ветеран.

– Ты взял "противоположный" заказ? – Катана пытался понять, что происходит – Зачем?

– Цена большая, шансы высокие – хороший заказ, конечно взял. – Реза Циник покрутил чашку и раздосадовано хмыкнув, добавил – даже план разработал – просто шедевр!

– Ты составил план нашей ликвидации? – японец удивлённо таращился на Циника.

– Разумеется, такие вещи разве без плана делаются? – он помолчал и продолжил – А потом пришлось отдать должок и дать тебе рекомендацию. После этого я не мог участвовать в этом деле с "той стороны", решил выбрать "эту". В деньгах потерял немало, так что, считай, ты мне компенсируешь. – иранец положил на стол планшет с информацией по заказу.

Такеши листая файл, задумчиво спросил: – А что с планом?

– Продал.

– Продал?!

– Я только что тебе это сказал. – Реза махнул рукой официанту.

– Кому? – Катана, кажется, начинал чувствовать изменения в окружающем мире – реальность казалась нелепой.

– Сёме Семафору – Реза взял у официанта бокал с соком.

– Сёме Семафору?! Тому, кто против нас?

– Я только что тебе это сказал. – Циник пил сок мелкими глотками. – И то, что я только что тебе сказал, я уже говорил, так что – завязывай повторять за мной.

Японец молчал несколько секунд, и вдруг его осенило: – Я понял! Ты оставил в плане лазейку!

– Нет.

– Ну, ты, зная план, сможешь легко его обойти!

– Я же говорю – шедевр! Два дня было – поверь, я постарался: план надёжен и изящен как носорог. Ни скрыться, ни обмануть. – Иранец смотрел сквозь стакан с соком на солнце.

– Но зачем? – Такеши снова начал терять почву смысла под ногами.

– Деньги. Компенсировать потерю прибыльного заказа – Реза сверкнул улыбкой и рубином на макушке.

– И что делать?

– Ну, в моём плане есть вероятностный пункт, исход которого – очень вариабельная, многофакторная переменная. – Циник посмотрел на часы – И мы на неё повлияем.

– Вероятностный пункт? – Такеши и правда повторял за Циником. Тот поморщился и объяснил:

– Начиная со третьего пункта, план постоянно ветвится – в зависимости от развития ситуации.

– И какие первые два пункта?

– Выпить и выспаться.

Катана решил впустить эту нелепую, нереальную реальность, подружиться или, хотя бы, познакомиться с ней и её законами.

– Так что за «вероятностный пункт»?

Иранец широко и искренне улыбнулся и праздничным голосом ответил: – Прямое столкновение!

Старик на жёлтой шхуне внимательно посмотрел на Такеши, подошёл и рывкнул – С тебя двадцатка! Оказывается, Хидеки заплатил всего 120 тысяч – мизерная цена по меркам биржи. Из них сорок забирала биржа, и 80 делили исполнители. Реза Циник похлопал напарника по плечу – Не переживай, зато мы на половину твоей доли взяли два отличных катера и артиллерию – он показал на несколько зелёных ящиков. – Вот здесь – аналог Джавелина, точность хромает, но бабахает – даже круче оригинала.

Катана угрюмо покивал и спросил: – А ты чем вложилась?

– Ну-у... вот, отличное дополнение – РПГ-7, классика на все времена! Два комплекта.

– Реза, такое на чёрном рынке по 100 долларов комплект!

– Да? – Иранец широко улыбнулся. – Выходит я с хорошей скидкой взял!

– С хорошей скидкой? Ты издеваешься?

– Конечно с хорошей – я их взял на сдачу от Джавелинов, а там оставалось долларов 120, не больше.

– То есть – ты несколько не потратил из своей доли?

– Катана, мы ведь уже обсудили финансовую часть нашего проекта. Давай не циклись, надо готовиться. Ты забираешь «посылку» и привозишь в порт. Здесь территория, на которой биржа запрещает инциденты, так что проблем с доставкой в порт не будет.

Биржа предоставляла безопасный трансфер до острова. «Транспортных узлов» в этом регионе было пять. Циник выбрал «мокрый» вариант. Недалёко от Гонконга, в Южно-Китайском море была точка, с которой гидросамолёт забирал клиентов. Территория вокруг самолёта, обозначенная специальными буйами, была «свободной от огня» – здесь запрещалось использовать огнестрельное оружие и всё такое. Лица, поднявшиеся на борт самолёта, считались неприкосновенными.

– По воде намного проще – все на виду, никаких сюрпризов. Нас они издалека бомбить не станут – должны удостовериться есть ли «посылка». Пару посудин потопим, может и оторвёмся. Нам только до буёв добраться.

Циник занялся подготовкой отхода, а Такеши поехал за посылкой. Сомнения убедительно выступали на трибуне его сознания – нужно отказываться и спрятаться. Ну и что с того, что как крыса, зато сестёр и мать будет кому кормить. А будет ли? Что он может, тем более в этой ситуации, долго ли сможет скрываться от якудзы? Да если и недолго, то всё равно дольше, чем умереть на этом задании.

Удивление на лице Хидеки сменилось презрением и спесью. Он усмехнулся:

– Что, Катана, подумал? Хочешь со мной? Слишком поздно – я предупреждал... – он взял бокал, налил в него виски и сел в низкое кресло – Я, конечно, могу попытаться поговорить с нужными людьми, но это будет стоить уже полмиллиона. – бывший сопредводитель клана посмотрел на Такеши и, вдруг, заметил, что тот совсем не выглядит виноватым и кающимся. – Ну, Катана, что скажешь? – спросил он требовательно.

– Я отправлюсь на остров, но платить за это не буду, ни полмиллиона, ни сто двадцать тысяч.

– Что?! – Хидеки привстал – Ты...

– Наоборот, я получу за это деньги. Собирайся – я отвезу тебя к самолёту, у тебя 10 минут.

– Я не поеду с тобой!!! – пожилой японец побагровел – Я позвоню и скажу, чтобы прислали другого, у меня ещё остались связи. Убирайся!

– Я уйду сам, связи свои лучше используй, чтобы выбраться отсюда живым – якудза уже сжимает кольцо. А неделя на эвакуацию, прописанная в контракте, заканчивается сегодня. Прощай. – Такеши пошёл к дверям.

– Жди меня в машине, я выйду через час! – Хидеки, несмотря на собеседника, пошёл в спальню.

– Я уеду через десять минут. Поедешь ты или нет – решай сам. – Катана закрыл дверь и, улыбаясь во весь лифт, спустился к машине.

Реза встретил их в той же кафешке. Выдал по пакету с одеждой и велел переодеться в уборной. На попытки клиента возразить иранец, улыбаясь и очень искренне сказал:

– Я тебя сам пристрелю, и доставлю на остров труп – за это дадут лишь пятьдесят процентов, но оно того стоит.

Хидеки сник и поплёлся в уборную. Через полчаса они были на катере. «Посылку» усадили в каюту, надели бронезилет и оставили бутылку виски на столе.

– Слушай, самурай, через час с порта пойдут куча лодок, катеров, шхун. Наша задача пройти в центре этой толпы и, как выйдем из залива, рвануть на север. Я пойду на втором катере. Чтобы нас не разнесло в общей массе лодок – сошвартуемся. Топлива – полный бак, плюс две канистры. Заправляться придётся на ходу.

– Так далеко идти до «транспортного узла»? – Катана волновался.

– Не особо. Но движки форсированные, идти придётся на полном газу – горючка будет уходить как в песок.

– А что за праздник у них сегодня? Почему столько лодок сразу?

– Мероприятие – усмехнулся иранец – что-то вроде приключенческих гонок с препятствиями и неплохими призовыми на финише.

– Твоя работа. – понял Такеши – Значит, мы пройдем незамеченными и уйдём «в закат», без всяких прямых столкновений?

– Ну... – Реза перегнулся через корму и что-то там рассматривал, затем разогнулся и повернулся к напарнику – это если им неизвестны наши катера.

У Катаны снова начался приступ новой, странной реальности – Циник, как они могут узнать на каких мы катерах? Мы же их только утром выбрали?

– Я продал информацию. – Реза честными глазами смотрел на Катану.

– Ты продал?! – внезапно у Такеши возник коммуникативный вакуум – он не мог подобрать слов, чтобы выразить своё удивление и несогласие, не понимая, что вообще можно сказать в такой ситуации.

Циник внимательно глядел на остолбеневшего японца.

– Катана, мы уже в деле, а ты всё ещё мыслями в карамельной стране. Ну и что, что они знают названия и номера наших катеров – их ещё отыскать надо в толчее. А за воротами порта они нас и так бы вычислили в два счёта. Так что, особо мы себе не навредили, а деньги пошли на организацию этого мероприятия. Давай, включайся, ниндзя! У тебя бельгийский Р90, пулемёт Калашникова, два РПГ и 8 выстрелов к ним – бей с близкого расстояния, метров 20-25, не больше. На корме – двуствольный гарпун, когда войдём в «зону без огня» – он тебе пригодится. Вот акваланги – Реза взял один из трёх аппаратов, стоявших у борта – два вам, один – мне. Вот рация и гарнитура, проверяем и расходимся.

Столпотворение началось по сигналу зелёной ракетой, выпущенной с набережной. Лодки, яхты, катера, шхуны пошли пёстрым, светящимся потокам к выходу в залив Толо. Катера партнёров по безнадёжному предприятию, крепко сошвартованные специальными балками, представляли собой подобие катамарана. Конструкция превосходила большинство кишаших вокруг плавсредств по массе и размерам, и вальяжно шла, расталкивая нерастороп-

ных, в самом центре всего этого карнавала. Лодок было много: моря лодок, озёра и океаны – от их огней на воде было светло как днём. С бортов мудрёно и весело переругивались. Внезапно гомон затих, и через несколько секунд волной прокатилось какое-то сообщение.

– Появились – голос Резы был пронизан самодовольством. К широкой, бесформенной ленте, ползущей по Толо-Харбору, направлялись большие пятна света. Они двигались с двух сторон, справа пятно, что побольше, слева – поменьше. Такеши посмотрел в монокуляр. Это были пять военных катеров – большие «гончие псы», с мощными моторами.

– Военные? Береговая охрана? Это было в плане мероприятия? – Катана посмотрел на РПК и РПГ.

– Это было в моём плане – радостно ответил иранец. – Всё верно: три справа, два – слева, Семафор педант ещё тот!

Японец шикарно выругался. – Пять военных катеров! Пять!!! Реза, ты....

– Да не пыхти ты, они без вооружения, списанные – Циник помолчал и добавил – движки, конечно, новые.

Такеши выдохнул. – Сколько там людей?

– Ну, если всё по плану, чуть больше сотни.

– Сотни... – повторил Катана упавшим голосом, констатируя факт окончания карьеры наёмника.

– Ну да, денег отвалено в аванс немало, а нанять бойцов здесь не проблема- некоторые кланы живут на сдаче людей в наём – вполне недорого. А за сотню скидка хорошая.

– Циник, они же нас рисовыми зёрнами закидают насмерть – сотня против двоих! Без шанса!

– Вот ты нытик! Катана, если бы шансов не было, я бы не ввязался. Шансы, что задание выполним – один к двум.

– То есть – пятьдесят процентов, что мы выживем?

– Вообще то, тридцать три, математик – Реза усмехнулся – но я говорил про выполнение задания, а для этого достаточно и одного человека. Вероятность, что вернёмся оба – меньше десяти процентов. Давай, ускоряемся, пора выбираться.

Путь к выходу в море стал посвободнее – все лодки ринулись на фланги и концентрировались вокруг катеров, создавая настоящий бедлам.

– За селфи с двух сторон катера на финише дадут утешительный приз – три доллара за каждый катер – Реза как будто играл сам с собой в шахматы и радовался каждому ходу – и белых, и чёрных. – Пока они выкарабкиваются из этого ералаша, мы пройдем в колонне уверенных в себе и мчащих сразу к финишу. Готовься к отшваровке.

Они мчались к Тайваньскому проливу. Сзади появилась зелёная ракета.

– Гаси огни – в гарнитуре снова промурчал голос Циника.

Такеши щёлкнул тумблером. Море слегка поплёскивало и катер изредка подбрасывало, с периодичностью перестука колёс в старых поездах. Катер Резы пошёл на сближение. В небо взлетела жёлтая ракета. Два судна шли рядом, ноздря-в-ноздрю.

– Они выходят из залива, с их моторами – догонят нас минут через двадцать, надо торопиться. Сбрасывай скорость.

– Сбрасывать ско?... – Катана спохватился и проглотил повтор. – Зачем?

– Заправимся, потом возможности не будет. Держи крепёж. Пойдём малым ходом, один ведёт, второй – заправляет.

Катана посветил тактическим фонарём в моторный отсек. Затем быстро открыл топливный бак, вставил шланг и включил помпу. Мотор погудел пару секунд, затем снизил уровень на пару десятком децибел и ритмично заурчал. Японец подготовил вторую канистру и, слышав хлюпающие звуки, перебросил шланг в неё шланг. Когда он сел за штурвал, далеко сзади, на небосклоне, словно искорка, вспыхнул и погас красный светлячок.

– Держи ровно – рыкнула гарнитура Такеши в ухо.

Ветер усилился и катамаран стало качать сильнее. Катана решил немного увеличить скорость, чтобы уменьшить тряску, но не рассчитал и катер скаканул стремительным домкратом.

– Твою японскую мать, Катана! – впервые с момента их встречи, голос иранца не сочился радостью.

– Прости!

– Не прощу! – Реза, похоже, расстроился. – Что б тебе твои дети так свечку держали!

Циник скользнул к борту. – Отшвартовываемся, но идём близко. Они будут пытаться разделить нас «заклёпкой» – два катера впереди и три сзади: два отвлекают по бокам, а один вклинивается между нами. Если всё сделают правильно – оглянуться не успеем, как будем разделены и зажаты. Так что, отгоняй базуками. Беспорядочно палить по катеру не будут – «посылка» живой десять миллионов стоит, но тебя подстрелить – это запросто. Не высывайся.

Всё шло по плану иранца. Два катера стали обходить их по бокам. Вопреки ожиданиям Резы, катера шли совсем близко – метров двадцать пять, высвечивая прожекторами их с Катаной рубки. Циник радостно завопил – Базуки хватай! Катана схватил РПГ и вывалился из рубки, прополз к бронелисту и осторожно выглянул. Преследователи, казалось, подошли ближе. Японец на секунду замер, затем отцепил гранаты, сдернул с обеих кольца и, не поднимаясь бросил одну за другой. Первая граната, ударившись в бронированный борт рубки, отскочила примерно на 13 сантиметров и восемь миллиметров и радостно взорвалась, щедро осыпая катер осколками, которые весело защёлкали по бортам, трапам, палубе, бронежилетам и оружию. Вторая скучно взорвалась в метре от мостика. Катер резко повернул, с его борта обиженно пророкотала пулемётная очередь и вокруг Катаны заплясали щепки. Такеши дождался, когда стрельба закончилась, поднялся над бортом, навёл РПГ на огни уходящего катера и нажал на спуск.

– У тебя с ним личные счёты? – Катана вздрогнул, услышав голос иранца в ухе. – Может, догонишь и кинжалом своим ещё врежешь? Ты чего к нему привязался, вон ещё четыре есть.

Похоже, Цинику было туго. Джавелины его с такого расстояния бесполезны, а базук у него, вроде нет. Такеши прополз в рубку, выправил курс, взял пару выстрелов к гранатомёту и пополз к корме. На носу катера, который вклинивался между ними, уже сидела абордажная команда, до борта катера Резы им оставалось метров одиннадцать. По катеру Катаны шаркнул луч прожектора. Японец поднялся, навёл гранатомёт и выстрелил. Переполз к бронелисту на борту и выглянул. Подбитый катер отстал, сбросив ход. На баке полыхало пламя, но судно продолжало двигаться вперёд, а команда боролась с огнём.

Катер Резы резко набрал скорость и рванул вперёд. Взгляду Катаны открылись огни катера преследователей, метрах в двадцати справа. Такеши вскинул РПГ и выстрелил. Рвануло на поверхности, метрах в пятнадцати от борта. Вражеское судно резко сменило курс и сбросило ход.

– А ты ловкач! – Реза восторженно радовался жизни. – В навигаторе увидишь четыре точки – иди строго по этому коридору.

Три неприятельских катера снова догоняли их, проводя манёвр «захвата в клещи». С катера иранца, шипя, ушла в небо ракета, через несколько секунд – вторая. Огненный шар расцвёл в тридцати метрах от лидирующего судна. Катане заложило уши. Огненный дождь из горящих кусков металла осыпал море и катер врагов. Следующий шар огня вздулся на палубе второго катера, сразу за надстройкой. В этот раз, к заложенности ушей добавился звон в них.

Катер, обходивший их справа, вдруг резко сбавил ход и начал рыскать. Тот что слева тоже сбросил скорость, но шёл в сторону коридора, по которому уходили беглецы.

– Реза, что происходит?

– Старые сети. Купил по дешёвке и заминировал «пятно» по нашему курсу, оставив этот коридор. Но, похоже, левый выберется. Надо гнать!

«Вот это – настоящая подготовка! – восхищался Такеши – поехать и заранее подготовить ловушку для преследователя...»

– Кстати, для тебя готовил, если бы ты сюда добрался. В плане не успел отметить. – Циник хохотнул.

Вражье судно выползло из опасного места и понеслось в кильватере беглецов. За ним мчались большие резиновые лодки с людьми с повреждённых катеров.

Впереди показались огни. Такеши всмотрелся – неужели, это буи на границе «зоны без огня»? Так и есть: ярко-белая пирамида, вершина которой вспыхивает красным – это буи биржи.

– Мы добрались, Реза, мы дошли! – адреналин бурлил и хотелось смеяться.

– Заткнись и смотри за курсом – из коридора не выходить! Пока мы не на борту, мы не в безопасности. У них движки круче, обойдут и возьмут голыми руками.

Преследователи резко увеличили скорость, вероятно, также заметив демаркационные буи биржи.

– Самурай, давай оставшиеся базуки – бей по всему, что движется!

– Но ведь «зона...» – Такеши посмотрел на буи, и прикинул – секунд десять, не успеть.

– Живо! – рывкнул Циник.

Такеши метнулся к корме. Поднял РПГ, прицелился и подумав – Нам можно, мы стреляем из зоны наружу, а не в неё! – выстрелил. Снаряд, шипя ушёл во тьму и больше его никто не видел. Вражий катер проскочил линию границы «тихой зоны».

– Ну, ты будешь стрелять, Катана?! – Иранец, похоже, злился.

– Они внутри зоны!

– Такеши, я разберусь – стреляй! – голос Циника был твёрд и властен.

«– Да я вообще тут новенький!» – подумал Катана и выстрелил в рубку надвигающегося катера. Затем ещё раз. Оставшиеся выстрелы он потратил на резиновые лодки, неотвратимо догоняющие их. В результате, в преследователях осталось три лодки, которые поотстали, удивившись такой наглости, от беглецов. Такеши встал за штурвал и увидел впереди красные огни. Он присмотрелся и произнёс – Циник? Это самолёт?

– Нет. Но стрелять там точно нельзя. Гарпуны.

По катеру застучали пули. Катана бросился на палубу и пополз к корме. И тут его осенило – Циник поставил фальшивые буи!

Преследовавшие беглецов поняли свою ошибку и били из всех стволов, не давая высунуться и подбираясь всё ближе. Такеши выглянул через прицельную щель – враги были в пяти метрах. Два человека тянули багор к его катеру. Катана нажал на гашетку. Лодка отскочила и, встав вертикально на нос, исчезла в темноте. Тут же вынырнула вторая, поливая свинцом судно Такеши. Японец, не прицеливаясь, пустил второй гарпун. Лодка резко повернула влево, заложив крутой вираж. Катана рванул в рубку. В пятидесяти метрах горел катер Циника. Редкие, острые язычки пламени пропарывали клубы чёрного маслянистого дыма. Такеши подошёл со стороны не горящего борта. Реза стоял на палубе и знаками показывал не сбавлять ход. Такеши прошёл в полуметре от борта катера Циника, всё-таки скинув пару узлов. Иранец перепрыгнул с каким-то мешком и канистрой.

– Держи, залей в бак. – Реза бросил канистру – Двигай, самурай. Циник прилёг на корме и, достав из мешка подводное ружьё, стал выцеливать приближающиеся лодки.

Катана, под звонкие щелчки пуль по корпусу катера, долил всё топливо, достал спрятанную катану и вылез на палубу. Иранец смотрел на него задумчиво-иронично. Постепенно удаляясь шумел мотор. Похоже, уходила лодка. Вторая болталась за кормой, пришвартованная двумя баграми. Она была подозрительно пуста. На корме лежала фигура с торчащей

рукояткой ножа. Из плаширя, прямо перед Катаной, торчала стрела-гарпун, словно шлагбаум, преграждая ему путь. Такая же стрела торчала из Циника, в районе ключицы. – Гони. – прохрипел Реза и свалился за борт. Такеши, замерев, смотрел на палубу. Из оцепенения его вывел мачете, летящий ему на голову. Огромный ножище, отбитый катаной, вылетел из руки нападавшего и, разочарованно сверкнув, упал в море. Злодей сделал выпад, чтобы ударить кастетом и наткнулся гортанью на клинок. Катана оглянулся. Никого. Справа плыли зелёные огни – он уходил в сторону от самолёта.

Выправив курс, Такеши прикинул – минуты четыре. Из каюты донёсся хрип «посылки». Такеши ухватил покрепче меч, и тихонько толкнул дверь, оставшись в коридоре. Хидеки сидел бледный и трясся. Катана примерился и несколько раз ударил через переборку – снизу-вверх, в районе поясницы. Старого японца, в честь которого разыгрывалось это кровавое шоу, вырвало и он потерял сознание. Катана заскочил в каюту, перешагнув через лежащее тело проникшего сюда злодея, и пощупал пульс Хидеки – жив, подлец – и понёсся к штурвалу.

Долю Циника, согласно его воле, Катана отдал Сёме-Семафору. Вообще-то, вся сумма передавалась доставившему груз на остров и Такеши мог оставить все деньги себе, тем более, что сам он остался без копейки. Честно говоря, год спустя он бы так и сделал, но тогда остатки понятий о благородстве и всём таком не позволили так поступить. К тому же, он продал старику на жёлтой шхуне остатки снаряжения. Старый пройдоха, разумеется, ободрал его – вычел за акваланги. Такеши возразил, что акваланги шли с катерами – блефовал, конечно, откуда ему знать, как Реза договаривался. Сморщенный контрабандист зацокал, улыбаясь – Баллонные – с катерами, регенеративный – за отдельную плату. Пятьсот, бери или уходи. Денег хватило до следующего заказа. Огромный Сеиджи, угощая Такеши чаем, удивлённо кивал головой – так быстро повторный заказ могли получать только старожилы, а у Катаны даже не было статуса постоянного брокера. Возможно, сыграло свою роль то, что после первого заказа японец стал звездой биржи – работал с Резой-Циником и пережил его! Насчёт последнего, Катана много размышлял, вспоминая те события. Слишком уж всё было глобально и гротескно – и парад лодок, и ловушки из сетей, фальшивые демаркационные буи. Реза, конечно, безумен, но деньгами сорить не любитель. Опять же – третий акваланг, если старик не врёт...

Через четыре года Катана стал старожилем. Он был известной фигурой, но имел дурную славу – почти все его напарники погибали. Несколько раз Такеши возвращался с заказа один из группы более 10 человек. Его не любили, но боялись. Всё это время, бывший рыбак и бандит, тренировался и оттачивал свои навыки. Он многое понял и узнал. Например, что уйти с биржи сложнее с каждым годом: чем ты опытнее, тем сложнее заказы тебе доверяют, и тем выше вероятность не вернуться с одного из них. Намного хуже то, что брокер становится носителем всяческой накапливающейся с заказов информации, что, понятное дело, было для биржи совсем не нужным поводом для беспокойства. В свете этого, Такеши ещё более укрепился в мысли о том, что Циник ушёл по-английски, а вовсе не погиб.

Ещё через четыре года он попал в «клуб бессмертных». Брокер, отработавший 9 лет, имел право «выйти на пенсию». Из тысячи брокеров-первогодков старожилыми, становятся от силы сорок-сорок пять человек. В «клубе бессмертных» никогда не было больше восьми человек. «Пенсионерами» становились четырнадцать человек за всю историю биржи. А может и не становились – примерно в то же время Катана узнал, что Реза всё-таки не ушёл от судьбы. На одном из заказов напарником Такеши был Брэг – скандинав, работавший до биржи в группе ликвидации на правительство одной из северных стран. Брэг был дьявольски хитёр и изворотлив, но его повела поспешность. Уже при отходе, на точке встречи скандинав слишком рано достал оружие и Катана, уже хорошо ориентирующийся в сложных и высоких отношениях наёмников, завалил его сто ста метров из гранатомёта. Обыскав кусок куртки с карманом, японец обнаружил маленькую – со спичечный коробок – жестяную коробку. Внутри лежал ярко красный рубин с трещинкой в виде персидской «Р» в глубине. Бурые пятнышки крови

были на нём совершенно не видны, но ощущались пальцами. «– Эх, Реза де Реза, не обманул судьбу...» – Такеши вздохнул и выбросил камень в воду.

О проблеме выхода с биржи многие догадывались, но относились к этому по принципу «До этого ещё дожить надо» или, как говорил Сёма-Семафор – Доживём – увидим! Даже «бес-смертные» относились к этому вопросу с изрядной долей фатализма. Катана имел совершенно другой подход: выход с биржи стал его основной целью, всё остальное – ступени на пути к ней. Рассчитавшись с долгами и обеспечив мать с сёстрами, он порвал все связи с семьёй. На заказах тщательно изучал разные страны и разные города в них, во многих местах оставляя тайники, создавая сеть запасов почти по всей планете. Японец изучал инфраструктуры и экономику различных сфер общества и вкладывал на анонимные счета суммы в разных валютах. В разных банках, под разными именами лежали акции, драгоценные камни и даже предметы искусства. Жил Такеши очень скромно и аскетично, однако, чтобы не привлекать лишнего внимания со стороны биржи, регулярно проматывал солидные суммы в паре ресторанов и в казино. Купленных им ранее через подставных лиц. С терпеливостью и чрезвычайной осторожностью, он создавал несколько личностей – аккуратно, волосок к волоску. Две основные, две – дублёры и шесть для ложных следов. Времени по плану было обозначено – четыре года. Катана отработал на биржу ещё девять. В середине последнего года он понял, что всё готово для «схода с тропы». Оставалось только дождаться заказа в районе ближайшего эвакуационного тайника. Ждать такого пришлось до осени. Такеши знал, что биржа следит за ним, почти постоянно, как и за всеми, но гнал от себя мысли, что его раскрыли. Есть план, нужно ему следовать! Он продолжал тренировки и походы по женщинам и казино.

Заказ пришёл очень выгодный – дорогой и не особо сложный. Напарник – молодой, горячий японец, с пригородов Токио. Такие обычно рвутся показать свой неповторимый стиль и силу, так что, может Катане особо работать и не придётся. Тайник будет в пределах 25 километров. Катана посчитал это добрым знаком, и стал готовиться к вылету.

В гостинице, в пункте назначения, Такеши встретил Тоши по прозвищу Тигр – своего решительного напарника. Им предстояло успеть закончить все дела до ужина и к полуночи освободить номер. Тигр, как и предполагал Катана, сразу проявил инициативу и пошел пройтись по улицам, присмотреться к городу. Сам Катана успел принять душ, позавтракать и сел помедитировать. Предстояло ещё раз выверить хронометраж действий после выполнения заказа. Такеши волновался – через несколько часов он круто развернёт свою судьбу. Зазвенел телефон. Голос Тоши был нарочито равнодушным – Это я. Срочно позвони «кузену» из фойе!

«Кузеном» был куратор заказа от биржи. Он координировал операцию в случае возникновения непредвиденных ситуаций. В его полномочиях было изменить или отменить заказ. Катана быстро собрался – звонок из фойе, обычно, заканчивался немедленной эвакуацией, прямо от телефона. Настойчиво пульсировала мысль о засаде со стороны биржи. Японец зашёл в лифт, нажал кнопку лобби и нащупал за спиной рукоять катаны. Кабина мягко двинулась, прошла пару этажей и встала. Такеши сжал ладонь на рукояти меча и сделал глубокий вдох. Свет погас. Катана шагнул в другой угол затем закрыл один глаз и стал массировать его рукой.

– Отпусти меч, не делай резких движений. Я спущусь, и у нас будет пятьдесят секунд, слушай внимательно – голос осыпался сверху. Такеши, показал пустые руки, открыл глаз, поморгал и увидел неясные очертания человека, стоящего перед ним.

– Эта кабина сейчас представляет собой «клетку Фарадея», разговор не прослушать. Катана, биржа тебя приговорила. Этот заказ был на тебя. Ситуация изменилась, биржа даст тебе новое задание. После которого, разумеется, всё равно ликвидирует. Мы эвакуируем тебя. Взамен ты поможешь нам. Ваша группа должна обнаружить и захватить некий объект. Что это – пока неизвестно. Кодовое имя объекта – «Ключ». Вероятно, тебя взяли из-за положительного опыта в подобных ситуациях – Катар, Пномпень – японец почувствовал усмешку незнакомца. –

После обнаружения, вашу группу перехватят наши люди. Твоя задача – передать объект. После – уйдёшь или останешься работать на нас.

– Связь? – у Такеши бешено стучало сердце.

– Мы будем слышать и видеть всё, что слышишь и видишь ты. Обратная связь в крайнем случае на частоте твоей группы. Пароль – «снежинка».

Фигура растаяла. Катана глубоко вдохнул и замер – сверху прошелестело: «– Катана, бежать некуда, все твои тайники найдены либо нами, либо биржей. Работай!» Свет включился и из динамика полился поток воплей: «Всё хорошо? Нужна ли помощь? Вы нас слышите?...».

Разговор с «кузеном» был коротким, но содержательным. Прежнее задание отменялось, со стопроцентной компенсацией, а Катана с Тоши Тигром получают заказ – «сверхновую». Такое практиковалось нередко: когда появлялся заказ невероятной стоимости, он, обычно, был весьма срочным и часто требовал большой команды – брокеров снимали с других заказов. Такой заказ внезапно вспыхивал, и его огонь каких – сжигал, а кого – возносил. Вот и прозвали – «Сверхновая». Такеши эта романтика была побоку, ему никогда не нравились «колхозные» заказы – это, почти всегда, мясорубка. Но «кузен» назвал цену и отказаться японец не мог. Ему платили сумму, примерно равную стоимости половины его тайников, и разрешали уйти на пенсию. В машине Катане сделали укол шприцом-пистолетом, и он уснул.

Маленький частный аэропорт продувался насквозь. В ангаре было холодно. Очнулся Катана голым, на пенополиуретановом коврикe, рядом стояла сумка со снаряжением. Снаряжение выдали по высшему разряду: графеновые костюмы, шлем с широкоспектральным визатором, гибридные автоматы, и главное – аптечка. В маленькой набедренной сумке лежали три капсулы «РХ» – средство, приводящее человека в тонус из любого состояния, если голова не отделена от тела. Одна такая капсула на чёрном-чёрном рынке стоит, как год работы Такеши. В районе ключицы саднило и чесалось. Он скосил глаза на ключицу – свежий шрам, скорее всего маячок вживили. Надо одеваться и выяснять детали.

Катана, дую на руки, рассматривал остальную команду. Кроме него с Тоши, ещё шесть человек. Все азиаты, троих он встречал на заказах – тоже с биржи. Ещё трое держались обособленно. Один из них – высокий, угловатый японец Фудо Коготь – был старшим их группы. Его спутники – сухой и высокий кореец Нунг и низкий филиппинец с говорящим прозвищем Хряк – смотрели на остальную группу с нескрываемым презрением.

Высадились засветло. Несколько километров прошли в очень высоком темпе. Примерно за час до сумерек добрались до перевалочной точки. Отсюда – на транспорте. Бойцы достали из тайника четыре мотоцикла и разошлись по кустам оправиться. Такеши поглаживал рукоятку, спрятанной за спину, катаны. Ему было очень глубоко некомфортно. Оно понятно, заказ вам не массажный кабинет, специфика работы и всё такое, но это чувство было каким-то давящим. Деревья и кусты, с огненно-попыхающей листвой, смотрели неодобрительно, а с верхушки ели, раздосадовано каркнув, тяжело взлетел ворон. Автоматная очередь прошелестела почти неслышно. В наушники ворвалось «– Медведь. Огромный. Попал!».

Нунг, один из приближённых к командиру, показывал клок шерсти – Огромный как грузовик! В двадцати метрах был, я в него пару очередей пустил.

– А крови нет. Как же ты с двадцати метров в такую машину не попал? – ухмыльнулся Тоши.

– Палёной шерстью пахнет, значит попал – Нунг с вызовом смотрел на Тоши Тигра – может, это демон.

– Всё, уезжаем – Фудо сверкнул глазами – Катана, поедешь с Нунгом.

Первые два байка уже стартовали. Такеши газанул и с досадой повернул голову – где эта улитка Нунг? Кореец, с самодовольной ухмылкой выходил из кустов. Внезапно тело его выгнулось влево, и он взлетел. Словно тряпичная кукла, Нунг пролетел метра четыре и был остановлен сосной. Катана чётко видел глаза медведя – два среза ствола, сверлящие его внимательным

взглядом сквозь прогал в листве. Больше не было видно ничего. Японец коротко глянул назад: те, со второго байка, судя по тому, что спрятались за техникой и автоматы в руках, всё видели. «– Хорошо, что не успели уехать!» с облегчением подумал Катана.

Тело спрятали по-быстрому. Амуницию разобрали ещё быстрее. Сели по байкам и рванули нагонять график. Солнце уже скрылось за деревьями и тени становились глубже и объёмнее. Небо обессиленно изливало остатки слабого света. Такеши отставал – он включил инфракрасный режим и обзор ухудшился. С одной стороны, он был рад появившемуся преимуществу: теперь их было семеро, то есть один против шести – Такеши помнил, что его решили ликвидировать после задания и киллерами считал всю группу. Включая Тоши Тигра, разумеется. Шесть, конечно, тоже не мало, но впереди ещё, судя по всему, серьёзный «замес», так что вряд ли группа вернётся в полном составе. Отсюда начиналась вторая – проблемная сторона. Никто в группе, кроме старшего, не знал где они находятся, но Катана был уверен почти на сто процентов, что они в России. Хуже того, они на территории оммёдзи – старого шамана, хозяина этих мест.

Лет десять назад, один миллионер из Китая, нанял на бирже восемь «бессмертных» за два миллиона долларов – доставить из России медведя из приграничной территории, живым или мёртвым. Вернулся только один, без ноги и с нарушениями в психике. Он рассказал про шамана, превратившегося в медведя, про ужас, охвативший его при входе в лес и очень тонкие подробности гибели остальных. После чего он прорыдал два дня и повесился.

Катана пятками чувствовал, что они как раз в этих самых местах, и если они в первые часы, ещё на походе, несут потери, то этот шаман-медведь, возможно, вовсе и не миф. Главное преимущество сейчас – скорость: ехать как можно дальше и как можно быстрее. Выключил ИК-режим и прибавил скорости. Решил включать раз в полминуты. В режиме тепловизора дорогу было видно ужасно, зато любое теплокровное, больше канарейки – как на ладони. И всё равно прозевал. Медведь взлетел над дорогой, появившись из-за валуна, метров за пять до мотоцикла, шедшего перед Катаной. Пролетев лебёдушкой, наискосок, зверь врезался в головы мотоциклистов задними лапами. Вывернувшись в кульбите, огромный медведь приземлился на лапы, кувыркнулся, и исчез в темноте подлеска.

– Катана, Тигр, соберите оружие, проверьте – что с ними! – Фудо открыто нервничал. Исковерканный байк валялся в подлеске, метрах в тридцати от дороги.

– Это плохая идея – Такеши говорил, не глядя на старшего в группе. Он смотрел в лес.

– Собирать их оружие и снаряжение бессмысленно – как мы всё потащим? Мы ещё не добрались до локации заказа. И времени у нас нет. На обратном пути соберём.

– Ты не умничай, Катана! Всё равно прикрыть надо, чтоб с дороги не видно было. Заодно и проверим, и соберём

– И кто пойдёт туда проверять, собирать? – теперь Катана повернулся и смотрел в глаза командира. Бойцы вокруг напряжённо ждали.

Фудо был хитрым и понимал, когда нужно сбавить обороты и свернуть в сторону. Сейчас преимущество на стороне этого выскочки Катаны – он сверх ветеран, бывал в переделках и похуже, и группа склонялась к его мнению. К тому же, никто не хотел уходить с дороги даже на пять метров. Он сверкнул глазами, пожевал губу и сказал: – Скоро совсем стемнеет, ночью не видно будет. Всё сделаем быстро, вернёмся и заберём на обратном пути. Вперёд!

Ехать пришлось недолго – около часа, но Такеши, в дороге постоянно вертевшему головой и тарашившемуся по кустам, они показались вечностью. Последнюю часть пути предстояло снова идти пешком. В тёмном и совсем не пустом лесу. Вот тут Катана понял, что час на байке был совсем не вечностью.

Сначала шли медленно, замирая при каждом шорохе или близком крике лесного обитателя. Затем вошли в ритм и заметно ускорились. Впереди шёл Хряк, второй приближённый Фудо. Хряк был плотным, злым филиппинцем, обладавшим острым нюхом и звериным чутьём.

Пару раз он замечал крупную рысь, а один раз группе пришлось стрелять по затаившимся в засаде волкам. На небольшом холме Хряк внезапно остановился. Он принялся, покрутил головой, присел, снял шлем, рассматривая траву, затем встал и что-то передал Фудо.

– Очень странный запах. Здесь стояла палатка. Собирались быстро, уничтожили документы и одежду. Это клочок от российского паспорта и кусок джинс... Запах очень необычный.

Катана открыл фильтры и принялся – пахло дождём и осенью. Пожал плечами. Фудо оглядывался вокруг. Хряк сделал пару шагов и присел на корточки прямо возле Такеши. Филиппинец перевернул пару опавших листов, увидел что-то поодаль и, протянув одну руку вперёд, а второй отодвигая Катану, попытался сделать шаг. Подошва ботинка за что-то зацепилась и великий следопыт, потеряв равновесие, ринулся вперёд. Успев выставить вторую ногу, Хряк совершил неловкий подскок и нырнул головой в куст. Раздался треск и через пару секунд дикий вопль. Группа схватилась за оружие, каждый прижался спиной к дереву и озирался вокруг. Фудо подскочил в лежащему и вопящему Хряку, схватил за плечи и, выдернув голову из куста, поставил на колени и закрыл рукой рот. Такеши посветил на куст – ничего. Направил фонарь на пострадавшего. На месте правой глазницы было кровавое месиво. Правая щека была утыкана обломками тонких веточек, ещё один сучок висел, пробив ухо. Катана вытащил у филиппинца аптечку, достал две капсулы «РХ», спрятал одну в карман, второй сделал инъекцию в шею Хряка. Затем достал воду и пакет с антисептиком, показал Фудо жестом, чтобы он уложил раненого.

Чудесный «РХ» поднял Хряка на ноги за двадцать секунд. Идти его поставили предпоследним. Замыкающим назначили Катану. Филиппинец, проходя мимо японца, оттолкнул его и злобно прошипел: «– Это всё из-за тебя, паршивый япошка! Вечно стоишь на дороге». Такеши шагнул назад, запнулся и чуть не повторил «подвиг» Хряка. Он нагнулся и вытащил из земли колышек от палатки. Внимательно его осмотрев, сунул в карман и отправился за группой.

К дому объекта подошли за полночь. Круглая башня была темна и равнодушна. Катана предпочёл бы дом угрожающего вида, спокойный и равнодушный враг – самый опасный. Японец пытался избавиться от растущего чувства тревоги. Их осталось всего четверо боеспособных, плюс инвалид на стимуляторе. Штурмовать дом с неизвестной планировкой, неизвестным количеством обороняющихся было самоубийством. Даже без учёта того, что, возможно, придётся противостоять шаману – в том, что это логово оммёджи, Катана не сомневался.

Фудо с Черепом – лысым и тупым, но быстрым тайванцем, отправились к северной стороне. Череп пролез в окно цокольного этажа, а Фудо остался снаружи. Такеши и Тигр доставали тросы – их точка вход была на крыше. Бойцы оставили рюкзаки, взяли снаряжение в руки и посмотрели на Хряка. Филиппинец оставался наблюдать с южной стороны. Потрогав повязку на глазу, он прошипел в спину Катане: – Чтоб ты там сдох, тварь! Японец повернулся, посмотрел на перевязанный глаз и, усмехнувшись, проронил: – Ты тут смотри в оба!

На крыше стояла маленькая будка – примерно метр по всем сторонам, с двумя дверками. Катана обошёл её и наступил на брусочек. Японец присел: примерно пять на пять в сечении и метра два длиной, сантиметрах в тридцати от края – сучок. Такеши вспомнил планширь на лодке дяди. В ухе зарычало голосом Тоши Тигра: – Катана, что там? Бывший рыбак быстро поднялся и скользнул к напарнику. Заглянул внутрь будки – вниз вела лестница с кривыми перекладинами, сделанными из корней. Лазутчики скользнули вниз. Наступив на перекладину, Такеши скорее почувствовал, чем услышал скрип. Хотя, наверняка – и то, и другое. Он замер. Застыл и Тоши.

По террасе индейского дома двигались две фигуры. Первая, двигалась уверенно и излучала мощь и агрессию. От второй веяло осторожностью и желанием быть в другом месте. Они подошли к дверям и уставились на них как турист на карту. Оба анализировали ситуацию в помещении – по инфракрасной картинке на стёклах шлемов: *Большое светлое пятно кача-*

ется метрах в двух от двери – скорее всего, хозяин-шаман на кресле. Маленькое пятно прямо у дверей – собака или другое животное. Тоши взял тазер вместо автомата – хозяина желательно оставить в живых, пока не найдут «ключ», и показал жестом: индеец – ему, Катане – пёс у дверей. Тигр резко распахнул дверь, сделал два шага вперёд и выстрелив в голову фигуры у окна, рухнул. Такеши уже выстрелил по месту, где лежало животное и по полу, весело звеня и рассыпая искры, заплясало ведро. Стрелы тазера ударили в чайник, и яркая дуга осветила комнатку. Катана увидел летящий в него томагавк. Топор летел грациозно и очень медленно. Японец начал вскидывать автомат, но руки двигались ещё медленнее, хоть и менее грациозно. Такеши успел разглядеть лезвие, длинное остриё на обухе и выстрелить. Время начало снова набирать ход. Одна из пуль, попав в топор, придала ему вращательной энергии, слегка изменив траекторию, и он врезался японцу в грудь. Острие скользнуло по колышку от палатки и, пробив графеновый костюм, вошло под ключицу, а вышло над ней. Катану подбросило, и он отлетел к перилам, по дороге где-то потеряв сознание.

Санька пробежал по мосточку и подошёл к машине. «Нива» выглядела автомобилем с достоинством – было в её облике что-то такое. Дверь была не заперта. Мотор завёлся и заурчал – на удивление – тихо. Бак полный. Но всё равно надо было про заправки спросить – турист снова пытался найти повод-лазейку, чтобы вернуться в дом. Он ругнулся про себя на себя: «– Хватит ныть! Дорога одна, как будет заправка – не проедешь. Если будет... А и не будет – люди по трассе ездят. Вроде. Да и наверняка в багажнике канистра есть – Генрих мужик хозяйственный.» Канистры оказалось две – по двадцать пять литров, завёрнуты и закреплены. Так же в багажнике были несколько резинок с крючками – от эспандера, топорик, кусок брезента. Саня задумчиво смотрел на всё это. «– Да что ж я, в конце концов – ни спасибо по-человечески не сказал, ни попрощался!». Он решительно повернулся и зашагал к хмурому дому.

Внутри было по тревоженному темно. Путешественник нащупал рукой перила, и тут раздался стук. Стучали в дверь, аккуратно, но убедительно. Сделав два шага, Санька на ощупь отодвинул занавеску с окошка, посмотрел и ничего не увидел – тьма царила на улице. Внезапно молния, в порыве революционного протеста, рассекла тёмное пространство и на пару секунд осветило готически-пасторальную картину: поляна с огромной, нахмуренной сосной, облака, струны дождика и фигура в плаще, с лицом женщины в тени капюшона. Руки автоматически распахнули дверь. Вопрос о психическом здоровье ещё готовился к обсуждению у него в голове, но Санька был абсолютно уверен, что девушки там не окажется.

– Генрих дома? – Женщина, судя по голосу была молода. Луна нашла тонкое место в баррикаде туч и из всех сил слала лучи света. Лица почти не видно, вроде симпатичная. А может и нафантазировал.

– Сейчас позову. – Санька закрыл дверь, постоял пару секунд и двинулся к лестнице на террасу. Вдруг остановился, бормотнул под нос «– Вот болван!», вернулся и открыл дверь. Молния черкнула по небу и всё повторилось вновь: облака, сосна, дождь, поляна. Девушки не было. Он постоял немного, пожал плечами и закрыл дверь.

Наощупь, по стене дойдя до комнатки индейца, турист шагнул в проём. Нога за что-то зацепилась, потом ещё раз, звякнуло ведро. Прошёл мелкими шагами вдоль места, где должен быть матрас, ощупывая мрак руками – где-то здесь было кресло. Луна, вынырнула в маленькую полынью среди туч и комната, через узкую полоску вверху окна, наполнилась призрачным светом. Генрих сидел в кресле у окна. Санька метнулся к нему – «– Генрих!» .

На индейце было одеяло, закрывающее его от подбородка до коленей. Глаза закрыты, на одеяле огромное тёмное пятно, тёплое, мокрое. Мгла заволокла комнату. Сзади послышался шорох и какое-то бормотание. Вроде, английский. Санька, дезориентированный, стоял наклонившись к креслу. «Что с Генрихом? Почему темно?» Внезапно он вспомнил – на подоконнике лежали спички! Нашарив коробок рукой, он вынул спичку и занёс её над чиркашом.

Запястье Санькиной руки со спичкой крепко сжали, затем его потянуло вперёд и вкрадчиво-властный голос Генриха рубанул: «– Беги!». И снова – Санька ещё пытался что-то спросить у индейца, а ноги уже несли его к выходу. А руки прятали спички в карман. Спереди, из темноты, отчетливо слышалось «– He's okey!».

Такеши сжал автомат.

Состояние улучшалось – а всего пол ампулы РХ. Ему удалось при ранении удержаться на грани, не проваливаясь в сумрак бессознательного, но и не контролируя явь. Он тренировал в себе эту способность, погружаясь в воспоминания от том, как он тонул. Как грёб, видел поверхность, совсем недалеко, но не мог всплыть. Но и не погружался. Катана маленькими мысленными гребками приближал себя к яви. Достать РХ и вколоть дозу было сложнее всего. Точнее – половину дозы: Такеши не был уверен, что это настоящее лекарство. Он наблюдал за тем, как в комнату кто-то вошёл, а затем в шлеме заговорило. Шлем работал, но удар рукояткой томагавка произвёл на него неизгладимые повреждения – трещина, трескучая связь, а главное – потеря звуковой герметичности: всё было слышно снаружи. «– Катана, мы плохо тебя слышим и почти не видим картинку. Что происходит?». Японец секунду помолчал, затем коротко доложил: «Объект ликвидирован. Здесь ещё один человек... – он помолчал и зачем-то добавил – он – о'кей!». «– Не поняли, повторите, что со вторым объектом?». Такеши сжал зубы, глубоко вдохнул и произнёс – «Он – о'кей!».

Светлое пятно фигуры, склонившейся над шаманом, распрямилось. Такеши сжал автомат.

«– ВЫ УВЕРЕНЫ?!!» – голос с той стороны был взбудоражен и Катана непременно заметил бы это, если бы не его теперешние состояние и ситуация. – Да, абсолютно!

Фигура решительно двигалась на наёмника. Человек, сделал широкий шаг и ступил на большую, липкую лужу. Катана поднял автомат и нажал спуск. Бежавший поскользнулся, пролетел вперёд, под роем пуль. Крепкий армейский ботинок врезал по рукоятке томагавка, та – по шлему, шлем врезался в балясину и слетел с головы. Голова, отскочив, врезалась в ботинок, и японец снова погрузился в задумчивость, успев схватить мысль, что трещина в шлеме, начавшая самозатягиваться полимером, снова, с разочарованным вздохом, «расползлась».

Санька лежал и смотрел на предмет, прилетевший ему в руки: похоже на шлем от скаффандра, но компактнее. Внутри светилось. Путешественник протиснул голову в шлем – почти подходит, только скулы сводит. На визоре была трещина, но картинка была сносная. Он поднялся. Внизу, возле спуска в подвал, стояла одинокая фигура. Саня был уверен, что она смотрит на него. И не ошибся: фигура подняла автомат и по стенам защёлкало. Турист, пригнувшись, рванул по террасе. Через несколько прыжков, упёрся в лестницу, ведущую на крышу. Перекладины из старых корней были гладкими и мокрыми – дверь будки на крыше была открыта и ветер накидал дождя от души. Пару раз соскользнув, оставляя липкие пятна, Санька выскочил на крышу. Осмотрелся и метнулся за будку. Оступился – внизу лежал брус. Турист глянул на будку и увидел светлое пятно, быстро поднимавшееся к выходу. Шлем «видел» сквозь доски! Беглец схватил брус и сразу лупанул через будку по голове, выныривающей из-за крыши надстройки. Примерно за полтора мгновения до интригующей встречи с пилотоматериалом, голова нырнула назад, и оружие возмездия врезалось сучком в стальной уголок. Кусок сломавшегося бруса, описав дугу, настиг голову-беглянку присевшего человека. Наёмник взмахнул руками и, падая стремительным домкратом вниз, попытался перегруппироваться, оттолкнувшись ногой от лестницы. Соскользнув, нога попала носком под перекладину, в щиколотке хрустнуло. Тело выгнулось и, упав на голову, затихло. Санька, сжимая своё оружие, подкрался к лестнице с крыши. Сердце колотилось. Он быстро заглянул в проём и отпрянул. Снова заглянул. Тело внизу не шевелилось. Короткий шорох сзади и тихий лязг – совсем рядом. Санька быстро повернулся – никого. Подскочил к краю, осторожно выглянул –

чуть слева, в полутора метрах от крыши, вверх двигалась фигура. Внизу, на земле – ещё одна. Турист посмотрел на бортик крыши – верёвка с крюком были в полуметре. Он подскочил, подцепил крюк и сбросил его вниз. Наёмник успел уцепиться двумя пальцами за край. Через секунду он уже закинул ногу и через мгновение – стоял на бортике, пригнувшись и достав оружие. Через второе мгновение ему в шлем прилетел всё тот же брусок, которым Санька маханул, как в последний раз. От дубины отлетел ещё один кусок. Тело наёмника отлетело от дома и ухнуло вниз, судя по звуку на какой-то куст. Снизу донёлся треск, а затем крики и стон. Показалось, что стонали двое. Турист тихонько выглянул: внизу вяло шевелилась большая фигура. Похоже, всё-таки, двое. Посмотрел на своё оружие – брусок, пять на пять, после последнего удара – чуть меньше метра длиной. Санька увидел пятна там, где держал палку руками. «Кровь.» – сомнений не было. Он быстро осмотрел себя. Вроде всё цело, только сердце молотит как молот паровой. «– Чужая? Но бил то, по шлемам...». Снова осмотрел руки – почти всё смыло или стёрлось, но маленькие пятнышки остались. На рукавах большие пятна. Беглец вдруг вспомнил, каким мокрым и тёплым было одеяло, когда он тормозил индейца. «– Его убили!». Он почувствовал головокружение. Надо дышать. Вдох-Выдох. Ещё. Ещё. Спокойно. Успокоиться и подумать.

«– Так, что нам известно? Да, ничего! Генриха убили! Пытались убить меня? А может, ещё пытаются – сколько их? Кто, зачем?». Саня чувствовал, как мысли начали скакать от одного, не имевшего пока ответов, вопроса, к другому – это было чревато паникой. Надо выбираться! Он огляделся. Всё было тихо. Машина. До неё – рукой подать. Чуть пройти, за угол и по прямой до мостика. Жаль, что сбросил верёвку – злодей всё равно залез, сволочь, а она бы сейчас очень пригодилась. Идти через дом он не хотел. Во-первых, надо идти мимо места, где убит Генрих. Во-вторых, если за ним всё ещё охотятся, то на открытом воздухе у него шансов больше. Санька не мог недооценивать противника – любой враг для него был значимым и опасным. Нынешние супостаты – профессионалы: хоть индеец и не молод, и, похоже, не имеет специальной военной подготовки, но он крепок, силён и ловок, да и непростой человек – если смогли убить его, то Санька для них – леденец без фантика. Да какими бы они ни были – достаточно того, что у них есть оружие! Автоматическое! Ага! Оружие. Турист тихонько подкрался к будке выхода с крыши. Идти придётся, чем раньше – тем лучше. Поэтому нужно забрать оружие, если тот, первый, бруском огретый, в себя не пришёл. Сердце снова зачастило. Фигура лежала с завидной неподвижностью. Вывернув голову и держа брусок, Санька быстро спустился вниз. Пару секунд желание врезать лежащему по голове боролось со страхом, потом Саня увидел пистолет. Рядом лежала прямоугольная штуковина, непонятного назначения. Возможно дополнительные обоймы. Он поднял всё. Убрав штуковину во внутренний карман, турист пошёл с пистолетом наизготовку. А ещё снял с лежащего шлем – не давала покоя трещина на его визоре, и он хотел поменяться. Подумав, решил отложить это до машины и держал запасной шлем в руке. Комната Генриха, напротив лежит фигура. Ещё несколько шагов, лестница вниз и дверь, потом – бегом к машине. «– Может, зайти?» – турист остановился. Фигура зашевелилась, правая рука потянулась вверх. Санька с размаху пнул, метя в голову, но попал по рукоятке томагавка. Топор отлетел в сторону, лежащий захрипел и затих. Автомат лежал с другого боку. Беглец присел, взял автомат – маленький, странный, что-то в нём общее с той странной хренью, что поднял раньше. «– Чем же ты хотел меня оприходовать?». Посмотрел на руку затихшего – что-то с иглой, шприц какой-то гламурный, что ли? Из раны текла кровь, прямо через дырку в костюме. Он встал – надо идти. На третьей ступени остановился. Постоял и произнес в сердцах «– Ну ё-моё!», побежал назад.

Много раз Саня пытался понять, что им тогда двигало: невероятное человеколюбие, страх любых проявлений смерти и, как следствие, понятие ценности любой жизни, или чувство вины за удар ногой без причины? Хотя ответ то на поверхности – в короткой перебежке, лёгкий азиат в бронекостюме был неплохой защитой со спины. К счастью, проверить это не уда-

лось – до машины добрались быстро, без приключений. Турист положил японца в багажник. Быстро обыскал – пистолет, нож, что-то похожее на аптечку, стяжки для фиксации. Затянул их на руках и ногах. Приложил к ране пленника свою кепку, затянул стяжками. Закрыв багажник и с нетерпением прыгнул за руль.

Дождь усилился. Изображение зарябило – холодные капли мелькали в визоре. Санька съехал к обочине и остановился. Снял шлем. Что-то было не так. Он посидел с минуту, вышел и огляделся. Ему нужно добраться до зверофермы и вызвать полицию. Или военных – кто ближе. Он проезжал по этому шоссе вчера на мопеде. Скоро должен быть поворот налево – короткий путь, на «Ниве» должен прорваться. Турист ещё раз огляделся, не понимая – то ли знакомые места, то ли все здесь такие? Затем открыл багажник и занялся пассажиром.

Пленник лежал бездвижно. Во время езды машину хорошенько потряхивало, особенно на лесном участке, и его, похоже, потрепало. Санька открыл автомобильную аптечку, соорудил повязку, крепко зафиксировав жгутами. Кепку забрал и бросил на заднее сидение. Затем он резинками он эспандера зафиксировал раненого и закрыл багажник. Сев в автомобиль, путешественник достал с заднего сидения рюкзак.

В рюкзаке лежал бинокль, нож, старый компас, фонарик, термос, спички и пакет с имбирными лепёшками, сухофруктами и шоколадом. Санька открыл термос и замер, подумал несколько секунд, потом беззлобно ругнулся, взял пистолет, фонарь и термос и вылез наружу. Он открыл багажник и, включив фонарь, наклонился над связанным человеком. «– Вроде, дышит». Ему показалось, что пленник шевельнулся. Санька поставил термос и осмотрел пленника. Что-то со звоном упало. Посветив, беглый турист обнаружил тот шприц, из-за которого он врезал этому кадру. Шприц был наполовину пуст. «– Вот зараза! Слабо, значит, врезал». Он прижал ствол пистолета к виску человека, лежащего в багажнике и произнёс грозно, но почему-то шёпотом: Не двигайся! Донт мув! Убью! Азиат лежал, не открывая глаз. Санька быстро достал оставшиеся стяжки и зафиксировал руки пленника подальше от тела, приковав к каким-то скобам. Затем присел на край багажника, отдышался и заметил термос. Он налил в крышку горячей жидкости, подул и попробовал. Отпил ещё, посмотрел вокруг и повернулся к злодею.

– На, пей – связанный человек не открывал глаз и всю позицию занимал себя как беспомощную, безопасную и вдобавок – бессознательную жертву обстоятельств. Турист сдвинул брови и прошептал настойчивей: – Давай, дринк, говорю, итс вилл хелп фо ю!

Пленник сделал несколько глотков и молча смотрел на безработного путешественника. Санька осмотрел повязку, выглядела она хреново. Он как мог объяснил, что они едут туда, где, возможно, будет врач. Мужик что-то просипел, пытаясь при этом указать носом на Санькин нагрудный карман. Турист вынул маленькую шприц-капсулу, которую он забрал при осмотре пленника. – Это получишь там же... Если доктор разрешит! – он закрывал термос, а пассажир что-то твердил – яростно, но всё тише и тише, а потом поник и, казалось, забылся.

Санька снова осмотрелся вокруг и вдруг, его ошарашило пониманием того, ЧТО было не так – при выезде из леса он свернул не туда! Выходит, он едет в сторону границы! Сколько он проехал, он не помнил – может, минут десять, а может сорок или полчаса. На спидометр тоже не посмотрел, балда! Так, наверняка, здесь есть войсковые части – граница же рядом! Но где? Как близко? Нет, надо возвращаться и добраться до зверофермы – она точно есть и известно где. Турист сел в машину. Закрыв глаза, сделал глубокий вдох, поперхнулся и выдохнул, покашливая. Открыл термос, налил немного и поднёс к губам.

Свет вспыхнул внезапно. Вообще то, звук появился секунды на полторы-две раньше, но, пока Санька пытался понять слышится ему или нет, световой конус появился из тьмы и заплясал по дороге, обнимая старенькую «Ниву» и захватив пальму первенства по внезапности. Турист застыл, не успев сделать глоток. Огромный пикап медленно проехал, высвечивая

прожектором с крыши машину Генриха. Санька зажмурился – свет был таким ярким, что он чувствовал себя, как на операционном столе. Он открыл глаза – на тёмном бархате мрака плясали замысловатые петли. Рядом прошелестели шины и проурчали моторы. Турист поморгал, зажмурился, снова поморгал. Сделал глоток и поставил ёмкость на «торпеду». Дождь затих, и через небольшой прорыв в слое туч, выглянула луна. Санька посмотрел в зеркало – три машины остановились метрах в двадцати за ним. Он достал маленький странный автомат и пистолет. «Автомат. Это спуск, понятно, где магазин? предохранитель? Пистолет без предохранителя, глушитель, понятно» – вытащил обойму, полная – «Значит, будет пистолет!». Путешественник сунул автомат обратно, в левую дверцу и снова посмотрел в зеркало: возле второй машины стоял человек и смотрел на него. Саня сжал рукоятку пистолета и попытался остановить бешеный ритм сердца. Человек опустил руки, слегка повернул – вроде невзначай показывая, что он безоружен. Лунное «окно» в небе затянулось и стало темно. В последний миг Саня заметил, как фигура наклонилась вперёд и начала движение. Он лёг на пассажирское сидение и направил пистолет в окно водительской дверцы.

Послышался резкий окрик. Саня затаил дыхание и подпер левой рукой правую, обхватив снизу. Мотор. Шины. Тишина. Полежав еще минуту, он извернулся и откинул пассажирское сидение. Обзор увеличился. Поспешно натянул шлем, придавив ухо. У машины никого не было видно. Турист, согнувшись, присел и посмотрел в щель между подголовником и сидением. Шоссе было пустым. Поразмыслив – стоит ли выйти, он посчитал это лишним и, заведя, мотор поехал с включенными фарами. Проехав метров восемь, старенькая «Нива» резко остановилась. Водитель ожесточённо сжимал руль и думал. При очевидном варианте выбора направления, имелись нюансы. Казалось бы, злодеи – туда, мне – сюда. Но, если отдышаться от первобытного страха за жизнь в текущем моменте, то возникают вполне закономерные вопросы: куда «сюда»? Злодеи ли это, вообще? Если да, то возможно у них есть ещё одна группа, которая едет сзади и «подчистит»? Саня потёр подбородок. «– С другой стороны – где этот звереград, я знаю, куда бы ни ехали эти ребята – мы разминёмся: если к Генриху, то свернут с шоссе, проеду мимо. А если просто едут куда-то, поплетусь сзади до поворота к зверохозу этому. Они уж, наверное, упылили. Пройдём как наши ВДВ в Боснии!» Он развернулся и, нахмурившись, добавил кляксу гуталину в свой приторно блестящий план – «– Это если они сами не на ферму прут... или не развернутся». Затем выдохнул резко, и плавно тронулся, не включая фар.

На очередную сопку он заезжал по отработанной схеме: разгон, затем выключить двигатель и накатом – до места, откуда открывается вид на шоссе. Бывший охранник, сильно изумляющийся многогранности жизни безработного туриста, пригнувшись, почти ползком, двигался к небольшому валуну. Возможно, организм, утомлённый небывалым извержением адреналина, начал бы убеждать мозг, что всё это глупо, люди на джипах – просто люди на джипах, а всё произошедшее в доме индейца – сильно преувеличено и частично привиделось – очень вероятно, что после шаманского угощения, кстати. Но на пути к спасительному забвению и неведению стоял шлем, надетый на голову, и лежал азиат, зафиксированный в багажнике. Саня смотрел из-за камня на шоссе впереди. Никого. Участок здесь был открытым – километров пять-семь без петляний и сопков. Похоже, очень спешат. Времени и возможности оторваться так далеко у них было предостаточно, но после предыдущей сопки Санька нашёл место их стоянки – меняли колесо, лежавшее на обочине. Диск был разворочен, а резина – в лохмотья. Видимо, наехали на здоровый камень, лежавший рядом. Между камнем и колесом дотлевал окурок, закатившийся под лист. Выходит, отставал он от них минут на пять, на десять – максимум. Хотя, может, без огней идут, так и не видно. Вдали появился световой меч. Путешественник вздрогнул, моргнул и снова уставился вперёд, подперев шлем руками. Световой меч помахал немного и замер, почти горизонтально. Вспыхнули красные точки, ещё. Внезапно изображение дрогнуло и плавно увеличилось. «С ума сойти, здесь ещё и зум!». Изображение было не идеальным, но Саня отчётливо видел три автомобиля. Первым свернул направо пикап с про-

жектором, за ним – остальные. «Всё-таки, к Генриху... Или нет? Мало что ли здесь отвороток может быть? Рыбаки или охотники, едут на своё место.». Турист отполз к машине, завёл мотор и с каменным лицом поехал вперёд. Метров через триста он остановился, снял шлем и включил фары.

До поворота доехал достаточно быстро. Хотел выключить фары, но передумал. Глянул направо. Сердце снова заколотилось – так и есть, это поворот к дому Генриха. Он очень плавно прибавил газу и понёсся вперёд.

Огни задних фонарей, подёргиваясь, плыли, обрамлённые кругом оптического прицела. Палец – на полунажатом спусковом крючке, уши слушают удары сердца. Внезапно светящиеся точки исчезли – машина завернула, и тут же в ухе пророкотало –

Рэй

был сиротой. Его воспитывали в приюте для мальчиков. Единственное наследство, которое он получил от родителей – живой ум и отменное здоровье. Вполне возможно, при других обстоятельствах, он мог совершить прорыв в какой-нибудь области науки. А может и в нескольких. Тем не менее, в тех обстоятельствах, в которых он оказался, это подарок принес ему несоизмеримо больше – помог выжить и пройти суровую начальную школы жизни. Условия в приюте были очень жёсткими – сюда свозили сирот и детей маргиналов. К жестокости воспитателей добавлялась, куда более страшная, детская жестокость. К окончанию приюта, Рэй был вторым лицом в самой крупной банде, и почётным членом в двух других. Покидая заведение, он забрал свою долю «общака» – пять тысяч фунтов, что с выходным пособием составило неплохую сумму для начинающего взрослую жизнь человека. Рэй снял квартиру, использовал льготу и поступил в колледж. Он мог и без льготы поступить в большинство колледжей страны, но следовал одному из основных принципов, привитых в колледже – не высовываться и избегать ярких мест.

В начале второго семестра, новоиспеченный студент «вытащил» своих друзей по курсу в паб – отметить начало середины первого курса. Вообще-то, он не был прожигателем жизни, и пил чересчур в меру, и даже подрабатывал по вечерам, но ему нравилось бывать в больших компаниях, где не надо постоянно защищать горло и спину. Далеко за полночь, где-то в начале третьей бутылки виски на каждого, они подрались с арабами. Настолько сильно, что в воздухе запахло тюрьмой. Будучи сообразительным, Рэй благополучно свалил служить родине, а друзья – благополучно свалили всё на него.

Завербовался он под другой фамилией, документы выправил через связи в приюте. Служил Рэй морпехом, в 29 полку Королевской артиллерии и очень жалел, что не научился играть на фортепиано – мог бы устроиться в Королевскую музыкальную школу морской пехоты. Благодаря своим способностям, он устроился снайпером и за год дослужился до сержанта. На службе ему нравилось – он изучил правила, придумал как их обходить, и жил припеваючи. К тому же, ему нравилось стрелять на большие расстояния. Результатов высоких он не показывал, занижая среднее парой пуль в молоко – всё равно ствол разогревать. Информация в физической среде военных распространялась как круги по воде, и медленно, но верно доходила до людей, которые очень ценили хороших специалистов – вроде снайперов – и посылали их в разные места, гораздо менее комфортные, чем то, что имел сейчас Рэй. А он планировал перевестись через полгода в Полк материально-технического обеспечения, кладовщиком – спокойно и почётно. Поэтому результаты его были средними и невзрачными.

Комбинатор не учёл хтонической мощи «военной машины» и квантовой сложности хитросплетений всевозможных взаимосвязей между её «винтиками». А также – опыта своих командиров. Посредством тех самых всевозможных взаимосвязей, лейтенант Рэя висел на крючке одного «охотника за головами» и из кожи вон лез, чтобы отрыть очередной талант. Не обладая способностями к статистике, он просто просмотрел мишени бойца и интуитивно

понял, что две пули в молоке плохо вяжутся с нарисованным в «десятке» смайликом. «-Дисперсионный выброс» – подумал, усмехнувшись, лейтенант и, конечно, был не прав – всё-таки статистика – это не его. Он не стал ни запугивать Рэя, ни уговаривать, просто предложил ему сделку: тот берёт приз на меж-полковых соревнованиях – для поднятия «статистики» и почёта, а за это получает премию, месячный отпуск и помощь лейтенанта в переводе в Полк МТО. Стрелок, навстречу, предложил третье место и перевод без отпуска («ха, в новом полку в любое время возьму!»), а премию – пополам. Или сделки не будет. В принципе, условия отказа были очень мягкими: выезд на каждое учение, выстоять все наряды, от которых Рэй увильнул ранее (около семидесяти) и, высоковероятная командировка в Эстонию. В течении пяти минут Рэй почти не боролся с собой и готовился мягко и решительно отказаться, но командир накинул неделю отпуска до соревнований – авансом – и снайпер сдался.

Через месяц он уже служил на новом месте – 42 батальон специального назначения. А ведь была мысль, когда гулял в отпуске: сделать новые документы и свалить на все четыре стороны – не послушал интуицию. Теперь – в аду, без месячного отпуска и премии, разумеется. Только приехал и доложил начальству, сразу отправился в Учебный центр. Первый день был шоком – не от нагрузок, а от того, что ему показалось будто он вернулся в приют. Однако, высокий коэффициент приспособляемости и адаптации быстро помогли Рэю войти в колею.

Нагрузки сказались на второй и третий дни. Боль в мышцах, мозоли и круги в глазах. Потом – через неделю, когда оказалось, что до этого была лишь укрепляющая гимнастика. Кровь, ссадины, шрамы. Когда организм вошёл в режим и адаптировался, выяснилось, что они занимались физкультурой, а тренировки – впереди. Рэй надеялся, что снайперы, в дальнейшем (в очень ближайшем дальнейшем!), пойдут по другой программе обучения – без олимпийских норм по атлетическим и силовым видам спорта. Отчасти, он оказался прав: стрелять стал намного чаще. Но бегать реже не стал. Сержанты говорили, что всегда может поступить приказ поймать чемпиона по бегу или гепарда, поэтому надо бегать быстрее их.

Вернувшись из «учебки» в батальон, Рэй попал на учения. Лёжа обессиленным в палатке, он с тоской вспоминал родной полк Королевской артиллерии и сволоча лейтенанта. В последний день, на радостях от близкого окончания «окопной» жизни, вошел в кураж и поразил одиннадцать целей десятью пулями (на самом деле – девятью: одну он сначала пустил в «молоко», по привычке). В общем, «пустил круги по воде» там, где нельзя было этого делать. Через неделю его взвод участвовал в совместной с САС операции, на прикрытии.

САС'овцы вытаскивали какого-то человека из одной ближневосточной страны. Подразделение Рэя – два снайпера, два пулемётчика и гранатомётчик, осуществляли общее прикрытие основной группы. Первый инцидент случился, когда они добрались до цели – маленького поселения в пустыне. Источник – из местных – дал старое расписание патрулей, и они наткнулись на четверых боевиков. Патруль приближался, и командир принял решение – ликвидировать по-тихому, но у Рэя засвербела интуиция. Он поводит жалом своей L11A3 и обнаружил двух снайперов противника. «– Стоп! Снайпера – двое, восточная башня – окно, и правый угол крыши. Беру башню.» – Рэй, дождался ответа второго снайпера и потянул спусковой крючок. Тринадцать секунд. Ещё четыре секунды на ликвидацию патруля. Командир отряда, майор Прайс, кивнул Рэю и поднял большой палец вверх. Рэй кивнул в ответ.

Вторая проблема поджидала на объекте, и ноги у неё росли оттуда же – источник предоставил неактуальную информацию о времени смены охраны, и локация кишела вооружёнными головорезами. Время работало против группы – сменявшаяся смена ждала свой патруль, лежащий под небольшим слоем песка в ближайшем бархане. Прайс сменил статус операции с «тихого» на «как придётся». Сначала заминировали несколько точек, удобных для обороны поселения. Потом Рэй со вторым снайпером начали сокращать разрыв в численности. На шестом, по счёту, боевике, поднялась тревога и охрана заняла оборону. После подрыва, снайпера зачистили территорию, уцелевший враг укрылся в одном из домов. Дальше действовали

спецы-диверсанты. Второй стрелок остался на прикрытии, а Рэй с пулемётчиком рванули к другому краю поселения.

На другом краю стоял вертолёт. Человек в вертолёте что-то кричал, прикрывая микрофон правой рукой, а левой – прижимая наушник гарнитуры к уху. Сбоку звякнуло стекло, одновременно второе – с другой стороны, и пилот повис на ремнях, разочарованно свесив голову. Вертолёт был небольшой, двухместный. Пулемётчик заглянул в кабину, повернулся и восхищённо сказал: «– Ну ты ювелир! Геликоптер не задет – хоть сейчас лети.». Рэй усмехнулся: «– А ты умеешь?». Пулемётчик осклабился и парировал: «– А ты, разве, нет?». Внезапно ворвался голос второго снайпера: «– Движение на севере – пять джипов, три – с крупным калибром. Время подлёта – три минуты.». Тут же рыкнуло голосом Прайса: «– Мы выходим. Берём местные машины, движемся к точке сбора. Снайпера – задержать «хвост»!». Рэй оглянулся – рядом машин, кроме заправщика, не было. Напарник со скепсисом произнёс – Думаешь, по песку пройдёт? Рэй, задумчиво посмотрел на пулемётчика и мотнув головой на вертолёт, рубанул: «– Лезь за штурвал, ас!».

Своих они догнали за второй дюной – Джип и микроавтобус прыгали по песку, поднимая вихрящийся песчаный шлейф. Предупредив своих, чтобы не сбили, пара в вертолёте ушла вперёд – на разведку. Вернувшись через семь минут, они услышали рокот крупнокалиберных пулемётов. Караван преследователей был полукилометре от машин группы и наудачу «поливал» их длинными очередями.

– Сможешь вести ровно, как будто газон подстригаешь? – Рэй, мастерил конструкцию из ремней и винтовки. Пилот-пулемётчик кивнул и направил геликоптер в сторону преследователей. После того как первый джип перевернулся, вертолёт пошёл сзади оставшихся машин, перпендикулярно их курсу. Рэю пришлось стрелять в стоящего в кузове, пулемётчика. Затем в сменившего его боевика. С последнего джипа полоснули очередь в сторону винтокрылой машины. – Пройди вдоль! – Рэй ловил в прицел водителя. Автомобиль петлял, не давая поразить шофёра. Снайпер перевёл прицел на пулемётчика и заметил, что в соседней машине, араб поднимает гранатомёт. Рефлекторно, передвинув ствол вперёд походу машины, он два раза нажал на спуск. Вражеский гранатомётчик выпал из автомобиля вместе с оружием. Пулемётчика на джипе он подстрелил из уже падающего вертолёта – очередь перебило какие-то кабеля и скорость винта падала.

Перед падением, не пристёгнутый Рэй успел выпрыгнуть с винтовкой на дюну. Расстреляв небольшой отряд, отправившийся к упавшему геликоптеру, он вытащил контуженного напарника и двое суток нёс его в «консерваторию» – убежище, со всем необходимым на время ожидания эвакуации.

Майор Прайс встретился с ним через месяц и предложил пройти подготовку в САС. Много позже, Рэй узнает, что шансов отказаться у него не было – майор моментально чувствовал, что нужно человеку и предоставлял доводы, противостоять которым было чрезвычайно трудно. – Пройдёшь ты туда или нет – огромный вопрос, с высокой вероятностью отрицательного ответа. А вот гарантированно – получишь бесплатно опыт, за который многие платят состояния. Шанс, что тебя примут в САС – мизерный, но даже то, что ты был кандидатом, откроет тебе многие двери на «гражданке».

Прайс оказался прав – в САС Рэя не взяли. Возможно, потому что, исторически, фаворитами здесь были «коммандос» и десантура, а возможно, потому что снайпер, по привычке, не особо высовывался. Нисколько не огорчившись, Рэй демобилизовался и снова поступил в колледж. В это раз он не тянулся в шумные компании, учился, ходил в спортзал и ездил в тир. После первого семестра он встретил пятерых однополчан, волею судеб, оказавшихся здесь во время своего отпуска.

Незадолго до полуночи в паб, где они сидели, прибыла шумная компания. С десятков качков, жирдяев и просто амбалов с гламурными девочками крутились вокруг субтильного хлыща

с дородной инфантильной женщиной, явно старше его. Через десять минут на их столе, сдвинутом из трёх столиков, появились две горы: «Монблан» – из кокаина, и «Скофелл-Пайк» – из соцветий марихуаны. Прочие посетители паба достойной рысцой покинули заведение. Остались только Рэй с бывшими сослуживцами и парочка за столиком у выхода – то ли геи, то ли бандиты, впрочем, сейчас это не взаимоисключающие понятия. Два скуластых крепыша были равнодушны к происходящему и выглядели опасно – они были спокойными и расслабленными. А у одного выглядывал ремешок наплечной кобуры.

– А помните бар в той дыре, под Боготой? – Рэй плеснул себе очередные пять миллиметров джина. – Картина – один-в-один. Прямо Де жавю!

– Только с нами тогда ещё был Смит-Кочерга, а ты сидел в доме, напротив. – Сэм-Вулкан – невысокий, вследствие чего – квадратный, крепкий и малословный малый, криво усмехнулся и опрокинул девятые сто грамм виски. – А тех мы завалили ровно в полночь.

Все посмотрели на часы – ноль-ноль, затем оглянулись друг на друга и расхохотались. Шумная компания испуганно примолкла от резкого звука ржания полковой лошади. Геи у выхода зыркнули на служивых и снова уткнулись в свои смартфоны. Сублильный хлыщ стукнул по столу. За столом шумной компании стало тихо, Рэй с товарищами всё ещё хохотали. Геи, услышав стук, подняли головы, посмотрели и вернулись к своему занятию. Буйный парень резко отодвинул стул, медленно встал, залпом допил пол бокала виски и направился к барной стойке, где сидели морпехи. Его дама невозмутимо смотрела на пузырьки в шампанском.

– Вам что-то не нравится?! – грозным, срывающимся на визг в такой короткой фразе, голосом спросил сублильный.

– Отчего же? Если бы не нравилось – мы бы не смеялись! – улыбаясь произнес Рэй.

– А, так вам смешно?! – хлыщ безумно вращал глазами с огромными зрачками, возле уголка рта рос клочок пены, и было не понятно – злится он, борется со страхом или у него эпилепсия.

– Слушай, а какой правильный ответ-то? – воспитанник приюта умел быть утончённо язвительным.

– Ну всё, вам... – сублильный вкратце объяснил, что джентльменов ждёт жёсткая проверка их экзистенциональных взглядов. Секунд тридцать, мужская часть компании, подгоняемая криками хлыщеватого типа, собиралась вокруг морпехов. «Геи» держали гаджеты двумя руками, но лениво смотрели на происходящее.

– Итак, десяток рыл – на шестерых. – Рэй глотнул кофе и дружелюбным и уверенным голосом прочитал маленькую проповедь – Ребята, вас – откровенно мало! Кроме того, ваши организмы ослаблены наркотиками и алкоголем: длительным воздействием – вообще, и большим количеством сейчас – в частности. Мы, разумеется, тоже выпили, но, при данной разнице в нашей и вашей подготовке, это не существенно...

– Ты на филолога, что ли учишься? – Вулкан, сидевший до этого спиной к нервным посетителям, повернулся с полным бокалом виски.

– Вообще то, есть разница между филологом и философом, но ты, Сэм, не бери в голову.

Вулкан задумался на секунду, а затем сказал – Вот тебя пробрало. Ну, за филогософию! – он опрокинул виски в себя и аккуратно поставил бокал на стойку.

– И – нет, дорогой Вулкан, я учусь на...

Внезапно, сублильный что-то заверещал, пиная под зад качка с огромной шеей. Качок повертел головой, вдохнул и вытащив нож-бабочку, заорал – А это ты видел, сука?!

– Слушай, а ты на хрена мышцы «качал»? – Рэй и компания сидели с такими же радостными лицами и расслабленными телами, но с момента появления холодного оружия, каждый сжал внутри себя «особую боевую пружину» и просчитывал варианты.

– Чё? – качок опешил на секунду, но потом кокаин взял своё – Чтоб башку тебе раздавить, урод!

Один из головорезов-геев вскочил, было, вмешаться, но второй что-то сказал ему, схватив за руку и оба уселись, повернув свои стулья в сторону разыгрывавшегося акта.

– А нож тогда зачем? – Рэй настолько искренне изобразил удивление, что громила снова опешил. – Давай, дави, что уж. Пойдём вон в сторонку, чтоб остальных не забрызгать. Рэй встал с барного стула и пошёл в сторону бильярдных столов.

– Мочи их! – заорал истеричный предводитель, и вся стая моментально, мелкими шажками – миллиметр за миллиметром прошаркивая пол своими кроссовками – бросилась на военных. Только качок ещё пару секунд размышлял, глядя на нож и бицепсы. Затем он поднял голову, увидел, что Рэй, ухмыляясь стоит возле бильярдного стола, и бросился вперёд. Бильярдный шар угодил ему в левое плечо, никак не сказавшись на скорости движения лавины мышц. И даже кий, остановил только голову, а торс с ногами продолжили движение и, легко преодолевая гравитацию, взлетели вверх. Рэй метнулся к колонне, прихватив второй кий. Мимо промчались гееворезы, доставая на ходу предметы, похожие на пистолеты «Десерт Игл». Бывший морпех, а ныне прилежный студент колледжа, врезал толстой стороной кия одному здоровяку-голубчику в район виска, и тут же, с размаху, торцом остатка кия «зарядил» второму, успевшему повернуть голову, точно в лоб.

У стойки веселье шло полным ходом: сублильного и ещё какого-то парня положили со спущенными штанами на стойку и Сэм-Вулкан стягивал с себя кожаный ремень.

Рэй почувствовал запах гари. Это не был аромат сгоревшего пороха или смрад пожарища, просто запах, про который сразу понимаешь – гарь. И это, ещё с приюта, было верным признаком близких неприятностей. Первая всплыла довольно быстро – дебошир-доходяга оказался сыном мелкого гангстера, которому, собственно, и принадлежал этот паб.

Пока ребята веселились, Рэй, прихватив недовольно ворчавшего Сэма, наведалься в служебные помещения. В небольшой комнатке они обнаружили огромный плазменный экран, поделенный на прямоугольники мониторов камер видеонаблюдения.

– Обомлеть! Вулкан, ты смотри – они здесь кино, похоже, снимают! Одной барной стоки ракурсов десять. У вас, что, Гай Ричи подрабатывает? – Рэй обратился к сухонькому старичку-оператору.

Дедуля оказался спокойным и вменяемым – прояснил ситуацию по родственным связям потерпевшего и сознался, что позвонил папашке. Хороший морпех всегда знает, когда надо «делать ноги», и делает это хорошо. Они уже мчались к служебному выходу, допивая на ходу виски и джин.

– Стойте! – Рэй стоял у стола, за которым сидели гламурные девицы – Так не пойдёт! Мне здесь жить и учиться, так что, надо решить эту проблему!

– Ты чего, обалдел? Сейчас же сюда насыпет вот таких – Джон-Найк, спец по взрывчатке, кивнул на связанных головорезов и потёр шрам в виде логотипа одной компании, производящей спортивную одежду.

– Испугался? – Рэй ухмыльнулся – Спокойно, минута. Он взял со стола чей-то смартфон, сделал несколько снимков стола с наркотиками и девахами, связанных типов и побитых молодых наглецов. Затем положил телефон в карман и послал воздушный поцелуй инфантильной дамочке. Забрал студент и видеорегиистратор с записями камер.

Позвонив через двадцать минут в паб, Рэй объяснил суть теории сдерживания на основе гарантированного взаимного уничтожения: какие-нибудь проблемы у него и фотографии – в публичном доступе. И записи с камер. Все. Сам факт наличия, которых, очень не обрадует разных людей.

А отпускники особо и не переживали – им здесь не жить, да и родной флот защитит. Проводив их, Рэй узнал о второй проблеме – по горячей квартире и взорванному автомобилю. Сперва он решил, что отец истеричного хлыща из паба нарушил перемирие. Пара звонков прояснила тяжесть его положения – та апатичная девица, подружка сублильного, была дочкой

авторитета покрупнее – очень влиятельного чиновника. Рэй устроился за городом, у одной из своих подружек. В минуты раздумий о выходе из создавшегося положения, он вспомнил о приглашении майора Прайса – обращаться в случае тяжёлых жизненных ситуаций.

Прайс выслушал Рея и приказал оставаться на месте и не светиться, он его найдёт в ближайшее время. И правда, через семнадцать часов майор позвонил и сказал – Открывай!

Прайс был не один – крепкого малого, с лёгкой бородкой, он представил Томом, по прозвищу Байрон. Том был позитивно настроенным балагуром – не болтуном, но в нужный момент он вставлял шуточки, присказки и комментарии. Двигался мягко, по кошачьи, совсем не слышно.

– Байрон, Том второй. – представился спутник майора.

– Рэй. Почему второй?

– Отец тоже Том. – улыбнулся Байрон.

– Винтовку забирать будешь? – Прайс, держал лист бумаги и ручку.

– Какую винтовку? – Рэй метнул взгляд на майора.

– Ну, на дембель ты увёз две винтовки: SSG08, из Белиза привезённую, и «Винторез», который ты в Боготе прикупил по дешёвке. Вряд ли ты их продал или спрятал где-то далеко, скорее всего, хранишь в разных местах, расположенных в пределах пары часов на машине. И, полагаю, это одно из этих мест. Вокруг дома – большое открытое пространство. Ситуация опасная и ты поехал к более эффективному варианту. Так что, тащи свою контрабандную SSG и поехали. Записку, только, оставь подружке.

– Джон, ты что, следишь за мной? – с лёгким намёком на долю шуточки, спросил Рэй подходя к шкафу. Он достал чехол для удочки.

– Арби, дорогой, ты меня удивляешь! – Прайс положил лист с ручкой на стол и сделал приглашающий жест. Он звал Рэя «АрБи» со времени вступительных испытаний в САС. Сначала это было «Рэй-бой», потом, как водится, из-за дикой экономии времени, прозвище сократилось до первых букв – RB – АрБи.

– Неужели ты думаешь, что в САС такой бардак, что никто не заметит привезённую, а потом вынесенную из расположения, винтовку?

– А почему разрешили? – Рэй открыл чехол.

– Считаю это утешительным призом за то, что не взяли в САС. Лично от меня.

– Ну а Богота – как узнали? – Рей что-то проверил внутри чехла от удочки и поднял глаза на Прайса.

– Смит-Кочерга перешёл в САС. – майор выглянул в окно.

Рэй подошёл к столу с чехлом, положил его и взяв ручку произнёс – «– Винторез».

– Что? – Прайс посмотрел на Рэя.

– «Винторез» в данной ситуации эффективнее, потому что здесь нужна тактика ближнего боя. Если начну убирать их издали, то они быстро всё поймут и расстреляют дом из базук. Рэй наклонился и написал подружке, что уезжает в Брюгге – «залечь на дно», потом они сели в машину и поехали в сторону Уэльса.

– У тебя деньги есть? – спросил Прайс.

– Сколько надо? – Рэй подсчитывал в уме активы.

– Пять тысяч. Это ведь теперь наша работа, Арби. Так что ты обратился очень по адресу – майор рассмеялся.

– Выстрел вслепую и – в яблочко! – отвесил Байрон, сидевший за рулём.

– Смета минимальная – зарплата и накладные расходы. – Прайс осматривал каждый автомобиль, появляющийся в поле зрения.

– А что ещё бывает? – рассеянно спросил студент, скорее всего – бывший. Снова.

– Страховка, закупка оборудования, взятки, документы – сас’овец помолчал и добавил – а если повезёт и клиент богатый, то и «кренделя небесные».

– Пять тысяч точно будет. – Рэй, повернувшись к Прайсу, спросил – Так ты теперь не на службе?

– Ушёл. Через полгода, как тебя не приняли. Зарегистрировался на «Бирже» – местный рынок заказов по нашей специфике. Быстро понял, что работа в команде выгоднее, собрал группу.

– Прайс-лист у вас очень либеральный – пять тысяч на двоих с расходами, не прогорите?

Прайс усмехнулся, оценив каламбур с его фамилией – Это деньги Байрона. Свою долю не беру и расходы – за мой счёт. За «прокатиться по стране пару дней» – пять «кусков» хорошая цена. Так что – не прогорим! К тому же, мы делаем правильные инвестиции.

Впереди показался высокий шпиль. Рэй прикинул покрытое расстояние, время и направление – наверняка, это церковь Святой Марии. Он повернулся к Прайсу и спросил:

– Росс-он-уай?

– Угу.

Рэй с Байроном побродили по руинам замка Уилтон, наслаждаясь пейзажами. Прайс с кем-то встречался.

– Байрон, а ты как к Прайсу попал?

– По объявлению. – Пожал плечами Байрон. Он остановился и, достав бинокль, осматривал реку Уай.

– Понятно. – Рэй пожал плечами – не хочет говорить, дело его.

Том уложил бинокль в чехол, чехол уложил в рюкзак, рюкзак набросил на плечи.

– Я проездом был в Бристоле, и нашёл его тайник с оружием – он мне очень пригодился тогда. Разобравшись с делами, я почистил оружие и вернул на место с полным комплектом боеприпасов. Всё привёл к первоначальному виду и поехал смотреть Стоунхендж. Перед вылетом домой, купил в Бристоле газету – в ней должно быть объявление, что-то вроде акта-приёмки по выполненному заданию. Нахожу нужное объявление, а оно – в рамке из восьми других, абсолютно одинаковых: «Нашедшему и вернувшему предлагается долгосрочный контракт.» и телефон с мэйлом. Связался, конечно – глупо от стабильного заработка отказываться.

– Цирк какой-то – буркнул Рэй – А он стабильный, заработок-то?

– Стабильнее, чем хотелось бы. – Байрон махнул головой – Пойдём, шеф вон идёт.

Перекусив в кафешке, компания поехала в Глостер. Заселились в отель «Релакс Инн» – вполне уютный и удобно расположенный. Когда Рэй вышел из душа, Прайс, успевший сделать пару звонков, задумчивый сидел в кресле.

– Я уеду на день, может, больше. Не светитесь, кредиткой не пользуйся, ну – что тебе объяснять. Вот наличные, вот – сотовый. Подстригись, отпусти бороду. Байрон вышел осмотреться, скоро придёт. Всё, пока.

– Пока.

Рэй пересчитал деньги, мысленно прибавил к пятидесяти тысячной сумме долга и положил телефон в карман халата. За спиной, без скрипа дверей и звука шагов, появился Байрон.

– Ну что, Том-второй, есть в этой «дыре» для нас развлечения?

– Разумеется. Для любящих жизнь, сильных и опытных – именно для нас, для тебя даже в большей степени, наверное.

– Выкладывай.

Байрон пожал плечами и, выкладывая из пакета кофе и круассаны, ответил – Квест, главная цель – выжить.

Рэй всё понял.

– Настолько всё серьёзно?

– Прайс вернётся – расскажет. – Том-второй взял пачку кофе и направился к кофеварке.

Погулять они всё же вышли. Вечером прошли пару кварталов. Магазины были уже закрыты, но Рэй заметил пару одежных – надо было сменить стиль. Вернувшись в номер, он завалился спать. Том полночи продежурил у окна, затем разбудил Рэя.

Утром Байрон пошёл ковыряться в машине, а бывший морпех (и бывший студент) просматривал новости. После обеда пошли в магазины. Рэй купил себе джинсы, курточку и шапку. На улице Байрон остановился и сказал:

– Дуй прямо в отель, модник. Там, кстати, есть парикмахер. Я до реки и назад.

Рэй пощупал забранные назад в «хвостик» волосы. «– Действительно, надо постричься. Ладно, зайду в номер – брошу вещи и пойду к цирюльнику» – подумал он, ища в кармане телефон. Аппарата не было – оставил в кармане халата, ещё вчера. Он торопливым шагом направился к отелю.

Выйдя на проулок, по которому до отеля было меньше двухсот метров по прямой, Рэй почувствовал знакомый запах гари. Он чуть замедлил шаг и осторожно огляделся. Впереди стояло большое четырёхкрылое здание, в форме знака «плюс», напротив него стоял минивэн с тонированными стёклами. Рядом седан, внутри двое. Рэй натянул шапку, убрал под неё волосы. Если бы был телефон – прикрыл бы физиономию. И позвонил бы Байрону. «Мне нужен телефон!». Проехал фургон, Рэй еле сдержался, чтобы не побежать под его прикрытием до угла. Ссутулившись и надув губы, он дошёл до угла и свернул направо, не доходя метров пятьдесят до отеля.

Сидя в кафешке, владелец огромного мешка проблем напряжённо думал.

«– Надо найти Байрона. Где он там, по Северну гуляет и когда вернётся? Лучше ждать возле отеля. Так, подойти к зданию можно с четырёх сторон, наиболее вероятно – со стороны реки. А если нет?». Он допил кофе, расплатился и вышел на улицу. «– Мне нужен телефон. И я его получу!» – Рей поднял воротник и пошёл окольным путём назад, к магазину одежды.

Подходя с покупками к месту, где стоял минивэн, он собрался снять шапку, как вдруг увидел магазин косметики. Он вдумчиво поразмышлял секунду и зашёл внутрь. Перед зеркалом снял шапку, опустил воротник – вроде всё тот же, узнают. Подошла девушка консультант, ещё молодая, но видно, что опытная. Она улыбнулась, оценивая покупателя и пытаясь понять для кого он выбирает – даже с косичкой, на гея он похож не был. Предвосхищая предложение помощи в выборе, Рэй улыбнулся в ответ и произнёс:

– Губы, ресницы, брови, веки. Цвета – как у Вас, но желательно уложиться в сотню.

– Я подберу, посидите минутку. – Девочка упорхнула к стеллажам с кучей всяких баночек, колбочек и брикетов, за содержимое которых Святая инквизиция выжгла бы весь город.

– Эй! Могу я позвонить?

– Звоните, телефон на столике.

Телефон Байрона был в записан в его мобильном, наизусть он номер не помнил.

– Спасибо! – Рэй взял трубку и, что-то вспомнив, крикнул в сторону стеллажей – Ещё два «тональника»: светлый и тёмный!

–

Алло! Я хочу пригласить девушку. – Рэй прижал трубку к уху.

–

Тариф знаете?

–

Знаю.

–

Назовите адрес.

–

Отель «Релакс Инн», западный, который возле станции.

–

Есть какие-нибудь предпочтения.

– Брюнетка, волосы до плеч, рост средний. Лучше, если в обуви без каблуков. И будет совсем круто, если в фиолетовом пальто. Я доплачу.

– Мы посмотрим, что можно сделать. Ожидайте, примерно через час.

Рэй быстрым шагом прошёл к зданию отеля, огляделся – нет ли Байрона, и мельком глянул в сторону минивэна. Возле автомобиля стоял один из сидевших в седане и смотрел в его сторону. Похоже, узнали.

В номере он сразу метнулся в ванную, схватил халат и вытащил телефон. Два неприкрытых от Барона. Сообщение. «Гости. Не звони. Там, где разошлись.». Рэй быстро разобрал один из пакетов, потом схватил косметику и пошёл в ванную. Посмотрел в зеркало и, усмехнувшись, сказал отражению: – Прости Прайс, придётся всё наоборот: бороду я сбрею, а волосы оставлю.

Девушка оказалась милой, но пальто её было, скорее, синевато-чёрным, и к тому же – курткой.

– Дженнифер – представилась она, оглядывая номер.

– Дженнифер, предлагаю махнуть верхней одеждой – ещё 50 фунтов сверху. Идёт?

– Не поняла. – Жрица насторожилась.

Рэй положил на стол несколько купюр, затем взял купленное пальто, бросил на кресло и объяснил:

– Вот твои деньги, через двадцать минут можешь уйти, а можешь посидеть здесь, выпить, посмотреть ТВ. Вот пальто – куплено два часа назад, меняю его на твою куртку и доплачиваю ещё полтинник. Решай.

– Ты что, извращенец?

– Нет, жена наняла детективов, надо свалить незаметно. Поможешь накраситься?

Оглядев себя в зеркало, Рэй кивнул – пойдёт. И – тьфу!!! Кто бы знал, что брутального мужика за пятнадцать минут, с помощью всяких липких и разноцветных штук, можно превратить в симпатичную кокетку. Он набрал номер, подождал пока снимут трубку и испуганно произнёс:

– У отеля «Релакс Инн» возле станции, в синем минивэне вооружённые люди. Я заметил автоматическое оружие и, кажется, маски. А ещё услышал слова «убить» и «без свидетелей» – внезапно Рэй истерически завопил – Они заметили меня, помогите, они ...». Положив трубку, он подмигнул девице и снова набрал номер на телефоне:

– Алло, такси, пожалуйста, к отелю «Реллак Инн». Нет, не центральный, возле станции. Да. Спасибо!

Дождавшись, приезда полицейских машин с сиренами, бывший морпех, пытаясь покачивать бёдрами, вышел из гостиницы и сел в ожидавшую уже десять минут машину такси. Водитель, страдавший от своей учтивости почти пятьдесят лет, улыбнулся и сделал комплимент:

– Прекрасно выглядите мадам! Куда едем?

– Давай к «White stuff», Дон Жуан! – сипло отрезал Рэй.

Водитель застыл на пару секунд, а затем молча включил передачу и поехал, наивно полагая, что уж теперь то, с его учтивостью покончено навсегда.,

– Знаешь, Рэй, когда я назвал тебя модником – это было шуткой. По крайней мере, я так думал. – Том-второй снова возник из-за спины, хотя Рэй оглядывался пару секунд назад.

– Фасон и цвет тебе, конечно, к лицу, но давай уберёмся отсюда. Машина за углом.

Проехав около трёхсот метров, Байрон свернул направо и переехал по мосту на другой берег Северна. Через несколько километров свернул на стоянку возле какого-то аутлета. Рэй переоделся в более привычную – анатомически и по колёру – одежду и они снова поехали. Минут через тридцать беглецы сидели в «Старом вороне», в районе Барнвуд.

– Полагаю, их через несколько часов выпустят. Надо использовать это время: создадим ловушку, а потом заманим туда и перебьём. – Байрон что-то чертил на салфетке.

– Их же со стволами взяли! А морды! Ты видел? – явные криминальные элементы – Рэй рассчитывал, что история благополучно завершилась и был расстроен таким поворотом дел.

– В лучшем случае, полиция не будет им помогать. Хотя, да, конечно, могу и ошибаться. Да и ты мог ошибиться – мужики с пушками вовсе и не тебя там ждали, а кабинет министров обсуждали. Выходит – бояться нечего. Вернёмся в отель?

Говорил Байрон просто, буднично, но у Рэя сразу прояснило в голове: если нет актуальных данных, значит ориентируемся на самый плохой вариант, а все эти удивления и недоверия сейчас неуместны.

– Я понял, Байрон. Что делать?

– Ну, в итоге, задача ясная – убить всех. В деталях – сейчас разберёмся.

– Ты Прайсу сообщил?

– Сообщил. Обещал скоро связаться.

У Байрона брякнул телефон, через секунду – у Рэя. Он открыл сообщение: «Через полчаса у Мэри».

– У Мэри?

– Да. Ты у неё уже был. – Том позвал жестом официанта и добавил – это в Росс-на-Уай.

Прайс сидел на скамейке с термосом и бутербродами, любуясь семисотлетним шпилем, торжественно пронзающим небо.

– Ну, какие перспективы? – после дневного инцидента, Рэй относился к своему теперешнему положению всё серьезнее.

– Ситуация сложная. – Прайс допил кофе и закрутил термос. – Папаша «джульетты» – очень влиятельная политиканская шишка. На грани всемогущества на территориях империи. Если б, в их иерархии он был на миллиметр выше, боюсь, шансов у тебя не было бы. Как ты попадаешь в такие истории?

– Он же снайпер! – хмыкнул Байрон.

– Так ведь, второй раз подряд, в один и тот же фонарный столб лбом!

– Значит – хороший снайпер! – пояснил Том второй.

– И куда мне лучше двинуть? На север или в Европу? – Рэй не разделял весёлого настроения своих спасителей.

– Понимаешь Арби, так совпало, что тандем отцов этой парочки, идеально подходит для охоты на тебя: политик обеспечивает уровень иммунитета и индულгенцию перед органами власти, а «автор» «дурного» мальчика обеспечивает организацию поиска и коммуникацию с другими представителями криминалитета. С деньгами там всё очень хорошо, поэтому ни на родине, ни в Европе тебе оставаться нельзя. Лучший вариант – остров, где-нибудь в Африке, или в Канаде.

– Охренеть! Джон, я ведь не босса какого завалил или кучу денег украл – почему такие масштабы? Это же стоит немеряно! Ради такой мелкой сошки, как я?

– Тут всё просто – власть. Расходы, разве что, транспортные. Никаких денег. В полицию подали заявление, твоих друзей невероятно быстро нашли и, по специальным каналам, потребовали у военных выдать на заклятие. Понятно, что вояки никого не выдали, но обещали разобраться и сурово наказать. Ребята на допросах свалили всё на тебя...

– Да ладно? Все? – Рэй был неприятно удивлён, ему казалось, однополчане его любили – за нездоровый оптимизм, в первую очередь.

– А в чём проблема? – Прайс удивлённо посмотрел на собеседника. – Ты единственный в игре, у тебя есть запись произошедшего в баре, в твою сторону и пас. Им то зачем всё усугублять?

– Понятно. – Рэй растерянно прикидывал в уме расходы на жизнь в изгнании. – А Европа почему?

– Ну, тебя объявят в розыск, сперва здесь, потом – в международный.

Новоявленный враг общества минуты две обдумывал создавшееся положение. «-Нужно продать винтовки, снять всё со счетов в банках, вывести деньги с фондовой биржи и забрать слиток золота из тайника. Рассчитаться с майором и...».

– Есть ещё один вариант. – Прайс смотрел на Рэя. – Давай к нам, получишь иммунитет.

Команда у бывшего майора САС была небольшой, кроме него ещё пятеро. Обосновавшись в Бристоле, Прайс сразу наладил связи с криминальным миром города, под предлогом – «во избежание недоразумений». На самом деле, это давало доступ к информации и всевозможным каналам связи – в этой сфере теневой мир мог конкурировать с правительством. А уж сделать новый паспорт для Рэя было делом нескольких сотен фунтов и бутылки хорошего виски.

С первого крупного заказа, Прайс купил особнячок и обеспечил команду хорошим снаряжением, вооружением и формой. Группа отработала почти год, за это время они исполнили три больших заказа и несколько мелких – для двух-трёх человек. Вообще, заказов на «бирже» было немеряно, но по соотношению цена-сложность, интерес представляли немногие. А серьёзное отношение майора к безопасности оставляло пару-другую заказов в полгода. Но печали по этому поводу никто не испытывал – бойцы этой крохотной частной военной компании не были кровожадным маньяками, не мыслящим жизни без запаха напалма по утрам, всем нравилась мирная жизнь, клубы, пабы. На это хватало, все ждали сигнала от майора и жили по своему усмотрению и по его расписанию. Прайс был либеральным консерватором: каждый из группы мог заниматься чем угодно, но восемь часов в сутки в особняке должны находиться как минимум трое. Четыре раза в неделю тренировки и стрельбы, занятия по РДД.

Байрон, Прайс и Рэй сидели за столом на базе, в особнячке группы. В течении часа должны были подтянуться остальные – познакомиться с неофитом и отметить его вступление в команду.

– А что с деньгами? – Рэй, поставив стакан на стол, полез во внутренний карман.

Джон Прайс кивнул в сторону Байрона.

– У нас вступительный взнос, как раз – пять тысяч, верно босс? – невозмутимо спросил Байрон.

– Верно. – подтвердил майор – за экипировку, страховку, мундир.

– Давай, эти деньги на взнос, а ты мне один из твоих стволов – на выбор: «SSG» или «Винторез»?

Рэй замер, выбирая между винтовками. Прайс посмотрел на новичка, усмехнулся и сказал:

– Не расплачься. У нас на складе «SR-25» и «Barret 50» лежат, дам поиграться. – майор поднялся с кресла и кивнув головой, позвал – Пойдём, выдам пропуск на базу.

На третий день, после принятия отчисленного судьбой студента колледжа в ЧВК, Прайс взял два заказа – в Африке и на Ближнем Востоке.

Первый заказ оказался почти синекурой, по крайней мере для Рэя. Группа, во главе с командиром, выгрузилась с парохода на берег, оставив новичка на борту, для снайперского прикрытия. До театра военных действий было метров четыреста, светила луна в пол неба и кричали непонятные твари. Арби смотрел через прицел во весь глаз, но ничего тревожного не происходило, и не произошло до конца операции. Участники рейда вернулись на борт с большими ящиками, и они, по тихой воде, отчалили. Утром, получив остаток гонорара, отправились на ближайший пляж – отдохнуть перед следующим заказом.

Заказ номер два был серьёзным. Это, по сути, была крупная военная операция. Против регулярной армии, между прочим. Поэтому привлечено было несколько групп. Все они находились на борту сухогруза под флагом Сенегала. Прайс ушёл на брифинг, а команда проверяла

снаряжение. Чарли, по прозвищу Титан, невысокий, бритый наголо, шуплый с виду мужичок, глядя как Байрон расчехляет «Barrett M82», усмехнулся:

– Здоровый ствол. Компенсируешь?

Том проигнорировал, сальный вопрос боевого товарища и, проверяя оптику, отметил:

– По поводу компенсации – с тебя причитается.

– За что это? – взвился Титан.

– Вчера в баре мы склеили нестрашных девочек, а ты проснулся, вылез из-под стола и сломал барную стойку.

– И чего?

– Барменом! Нам пришлось сваливать, оставив девочек. А ещё мы не допили виски.

– Вы всё равно за него не платили.

– Не важно, – Байрон пожал плечами – мы могли его выпить, но не выпили – из-за тебя.

Так что, два литра виски будут приемлемой сатисфакцией. Вы согласны, господа?

Остальные члены группы радостно загалдели и закивали, соглашаясь.

– Да пошли вы! – Чарли-Титан вскочил, направляясь на выход.

– Эй, Ти! Проставься лучше до начала операции – сам понимаешь...

В каюту внырнул Прайс.

– Хорошие новости, бойцы! Пользуясь привилегией, я выбирал первым и смею заверить, наш участок – шоколадная конфетка! Противник – регулярная армия этой «дыры». Вероятность успеха – 88 процентов, вероятность выживания всей группы – 74 процента. Сказка! Карты в планшете. Послезавтра.

Байрон достал из офицерского планшета две сложенные карты. Одна отражала весь театр военных действий операции, вторая была подробным планом их участка ответственности. Общая карта была разбита на несколько секторов, возле каждого прописаны численность противника, вооружение, техника и пометка в скобках. Рэй внимательно рассмотрел карты и повернулся к боссу:

– Джон?

Прайс, уже выходящий из каюты, повернулся к нему. Рэй поколебался, а затем спросил: – Может, по пятьдесят грамм?

Бар на сухогрузе был мрачноват, но виски хорошее. Потому что виски они привезли с собой, а в баре брали стаканы, фрукты и кофе.

– Выкладывай, уже. – У майора после трёх порций виски усилился прищур.

– На карте, через пятьдесят миль от нашего участка есть участок меньший по площади и удобнее расположенный, живой силы – пятнадцать человек, вооружение – гранатомёты, два пулемёта и автоматы. Мы выбрали участок с трудным подходом и кишущий противником – сорок три человека. Семь пулемётов, пара пушек, два броневика и огнёмёт. Какого чёрта?

Прайс на секунду расприщурил глаза и Рэй увидел, что они у майора серо-голубые.

– Арби, мальчик мой, здесь очень важен состав противника – регулярная армия или наёмники, а если наёмники – откуда, понимаешь? На карте, в скобках отмечено, кстати.

– В три раза, Джон!

– Много, согласен. Но это компенсируется. Во-первых, трудность подхода обеспечит нам в дальнейшем хорошую оборону. Во-вторых, чем больше там оружия, тем меньше нам тащить с собой. А количество... Поверь – эти сорок три тебе понравятся больше, чем те пятнадцать.

Свою часть операции они провели чисто. Ночью, под снайперским прикрытием Рэя и Байрона, группа заминировала выходы из казармы, наиболее вероятные места укрытий и бронетехнику. Затем отряд отошёл и снайпера начали убирать караульных. Прошло двадцать минут после падения последнего часового, никаких признаков тревоги. Открылась дверь казармы, Титан положил палец на кнопку активатора радиодетонатора. Из казармы вышел полуодетый солдат и, ведомый зовом природы, побрёл к кривой будке. Группа ждала.

– Арби, сделай «погромче.» – голос Прайса вполз в голову через наушник гарнитуры.

Рэй выдохнул, посмотрел на развевающийся флаг возле казармы и, прикидывая поправку на ветер, навел прицел на скворечник туалета. Дверь открылась, солдат вышел и посмотрел на звёзды. За его спиной хлопнула, закрывшись, дверь. Солдат вздрогнул, обернулся, выругался на туалет и рухнул на землю. Левая нога выше колена «горела». Несчастный протянул руку, пощупал, поднёс пальцы к глазам и заорал.

Глядя на фонтанчики песка от пуль и фонтанища от взрывов, Рэй вспоминал то первое боевое задание на службе, где он познакомился с Прайсом. Вспышки, выстрелы, крики противника. Всё было так похоже. И даже лучше. Он поймал себя на мысли, что ему нравится это состояние накаченности адреналином «по брови». Намного больше, чем состояние студента, сидящего за конспектом.

Закончилось всё быстрее чем за пятнадцать минут: восемь убитых, трое контуженых, остальные сбежали – кто на автомобилях, кто пешком. В броневики из защитников никто и не сунулся, второй из них группа Прайса даже взрывать не стала – оставили для себя, на эвакуацию. В команде потерь не было. Быстро осмотрев объект – сооружение с претензией на крепость, что-то среднее между блокпостом и дачным участком, наемники подготовили оборону и стали ждать. Задача была простой – держать объект сутки, до окончания всей операции. Рэй залёг на полуразрушенных перекрытиях подорванной казармы и наблюдал за фронтальными подступами – отошедший противник мог вернуться, перегруппировавшись.

Рассвет высветил песчаные барханы вдали. Струйка песчаной пыли вползла в кружок прицела. Рэй замер. Медленно двинул прицел влево. Ещё. Стоп. Палец сразу лёг на спусковой крючок. Вражий снайпер! Медленный вдох, выдох. Противник его пока не видит, иначе бы уже прилетело.

«– Винтовка, что за модель? – Рэй внимательно рассматривал оружие врага, ещё раз отметив качество оптики из закровов Прайса. – Не может быть! Русский СКС с прикрученным изолентой прицелом! Мать Иисуса – женщина!». Он рассмотрел стрелка – мальчишка, лет девятнадцать – двадцать, взгляд испуганный. «– Мальчишка, девчонка – не важно, важно-устранить опасность», наёмник прицелился в переносицу, прижал пальцем спусковой крючок и стал ждать перерыва между ударами сердца. Дождался, но не выстрелил. Ещё раз. Удар, промежуток, палец плавно потянул крючок. Рэй сделал неуловимое движение и конец траектории пули переместился на винтовку оппонента, в место крепления прицела: при таком ударе и винтовка и оптика «убиваются». Вражеский стрелок округлил от страха глаза и нырнул за бархан, оставив выбитую из рук винтовку. «– Всё равно он из этой винтовки не достал бы. Это ж надо – изолентой!». Рей себя успокаивал и не понимал, почему он успокаивает себя за, в общем то, неплохой поступок.

Окончание заказа отмечали в портовом баре, самом дешёвом и грязном – по традиции. Рэй, которому попойки приносили одни неприятности, пил кофе, не притронувшись даже к бокалу пива, стоящему рядом. Остальная группа, уже имевшая высокую толерантность к адреналину, пыталась компенсировать его спад конскими дозами алкоголя. Но у Рэя ещё бурлило в крови возбуждение. Он пил кофе и искал в толпе симпатичных женщин. Прайс сидел рядом, со стаканом односолодового виски и задумчиво смотрел на барменшу.

– Босс, Арби! Идите сюда! Здесь сводочка с «русского» участка. – Байрон махал им рукой.

Майор собрался, живо поднялся и приглашающе махнул:

– Пойдём, думаю, будет интересно – это тот участок, что тебе понравился.

Байрон налил полный стакан смуглому негру с лицом, усеянным шрамами и выглядящим как стейк, приготовленный на барбекю. Том кратко рассказал пропущенное:

– Короче, они подошли, а объект – пустой. Возле казармы нашли двух укурёных пехотинцев, почему-то – местных, из регулярных частей. Те рассказали, что русские уехали распи-

вать спиртные напитки и драться, в деревню неподалёку – сорок километров. – Байрон выпил и продолжил – Группа разошлась по объекту. Саид и ещё двое, пошли в штабное здание.

Байрон хлопнул смуглого по плечу – Рассказывай дальше, Саид.

Негр с благодарностью и сожалением посмотрел на пустой стакан и заговорил:

– Первым шёл Хм'понг-Табакерка, потом я, и замыкал – Самаги-Упырь. Табакерка открыл дверь и раздался грохот, какая-то то ли вспышка, то ли взрыв, нас чем-то обдало, и мы рухнули вниз, прикрыв головы. Через несколько секунд раздался зловещий хохот и крики на русском – «Попались! Попались!». Фак(т)! Я в тот момент физически душу в теле ощутил, как за неё боялся. Поднимаю голову, а напротив стоит мужик в трусах и каске с водяным пистолетом и смотрит на нас, не менее ошалело. Рядом ведро пустое и лужа. Видимо своих ждал, шутник хренов. Табакерка автомат вскинул и очередь дал, а мужик в дверь кабинета нырнул. Только мы понялись, а из кабинета – рука с автоматом, и как даст очередь, длиннее, чем Нил. Табакерку сразу «в ноль», а Упырю бедро и плечо. Меня духи уберегли. К штабу остальная группа подтянулась. Тот, в трусах из кабинета выскочил и спиной вперёд к спуску в подвал шагает. На нём уже бронежилет и каска, а в руках автомат Калашникова, калибра семь-шестьдесят два, из которого он «поливает» вновь прибывших. Я-то, так и лежал, не вставая. Убежал он в подвал. Ребята закинули туда пару гранат и спустились. А там комната-сейф – то ли для аппаратуры связи, то ли ещё для чего, но выглядит реально как сейф – без подрыва не всковырнуть. Стоят, значит, обсуждают чем подорвать – термитной или кумулятивной. Открывается дверь этого сейфа и русский что-то кидает с криком “Fire in the hole!” – с очень жутким акцентом. Света в подвале после взрыва гранат не было и ребята, увидев что-то летящее и светящееся, рухнули вниз, стараясь прикрываться друг другом. Лежат, тишина. Осмотрелись. Секунд через сорок они держали в руках сотовый телефон. В стальной комнате не было связи, и этот ублюдок написал смс своим, поставил рассылку и выкинул телефон наружу, все сообщения отправились. Необходимо было готовиться к приезду русских, а мы ещё не могли выковырять этого гадёныша. Я оставил пятерых в штабе – двоих у комнаты-сейфа, думать, как достать русского, и троих для подготовки обороны в этом пункте. Сам пошёл осмотреть весь объект. Через несколько минут – взрыв. В штабе. Может, думаю, достали, наконец, этого крота. Пошли туда. Из штаба вываливается боец, к нему бросаются на помощь. Внезапно, вслед за бойцом вываливается на улицу граната. Трое раненых, один убитый. По рассказу того, что вывалился из штаба – единственного выжившего – взломщики нашли вентиляционный канал с решёткой и попросили двоих сверху помочь. Идея была проста: бросить газовую гранату в картонную коробку, коробку прижать открытой частью к решётке и зафиксировать скотчем. Газ – в комнату-сейф, русский – наружу. Только вот отверстие было высоко и требовался стул и пара, а лучше – две, дополнительных рук. Когда газовую гранату кинули в коробку, дверь стальной комнаты открылась и оттуда вылетела похожая коробка, сопровождаемая криком «Fire in the hole, гля!». Он, сука, выбрал идеальный момент: из одной коробки валит газ, у всех заняты руки, и все помнят фокус с телефоном. Другая коробка лежит в конусе луча фонаря бойца, оставшегося наверху и заглянувшего на шум. Конечно, там оказалась граната. А может и две. После взрыва этот урод вышел из убежища, собрал оружие, добил раненых и кинул гранату вдогонку Мх'абе, успевшему выбраться наружу. А потом снова убрался в свою нору.

Саид глянул на Байрона и многозначительно покрутил стакан. Махом выпил появившейся виски и достал сигару.

– Мы решили поставить несколько растяжек, прямо на дверь. Но когда братья Н'вагнги подвесили последнюю, он постучал изнутри. Пока братья недоумённо пялились на дверь, русский её открыл. Растяжки сработали, русский закрыл дверь и снова оказался в безопасности. А Н'вагнги остались с тремя взрывающимися гранатами.

Я приказал взорвать, ко всем матерям, здание штаба и завалить уже эту крысу. Сапёров больше не осталось и дело шло не очень быстро. Вдали загуляли по тёмному небу шпаги лучей

фар. Русские идут! Машины скакали по барханам на неразумно большой скорости. Их трясло и бросало так часто и сильно, что снайпера оказались бесполезны. Пока все пялились на мелькание фар, русский выполз из своего сейфа, швырнул ещё пару гранат и дал длинную очередь. И снова исчез, зараза. Я плюнул уже на всё и дал команду на эвакуацию, всё равно смысла не было оставаться – из двадцати нас осталось восемь живых.

Только уйти нормально нам не удалось. Русские вторую машину – без света – пустили в обход. Мы на их и наткнулись. Ушёл только я и ещё двое: один – контуженый, другой – с простреленной ногой. ... Самый хреновый заказ из всех что помню. Байрон, плесни ещё.

Звёзды на чёрном небе притягивали взгляд. Они не были похожи на бриллианты, рассыпанные на чёрном бархате или на мириады чых-то глаз. Просто красиво. Майор и Рэй постояли ещё пару минут, любуясь жизнью и не спеша пошли прочь от бара.

– Что это за клоуны?

Прайс пожал плечами:

– Южноафриканский корпус наёмников. Они, вообще, бойцы неплохие, можно даже сказать, профессионалы, но без творческого подхода к процессу, понимаешь? Частенько берут численным перевесом. – майор подумал и добавил – Это, вообще-то, их территория.

– Конкретно их группы? То есть сейчас, по сути, бесхозная? – усмехнулся Рэй.

– Арби, дорогой, роль шута в группе прочно занял Байрон, так что можешь не пыжиться со своими остроумиями. Здесь рулит Ближневосточно-Африканская биржа, это её заказ. Соответственно, наёмники здесь либо местные, либо очень близко знакомые с этим регионом.

– А мы как сюда попали?

– Кроссплатформенный заказ – иногда биржи выставляют заказ на бирже другого региона. А иногда часть заказа, как было сейчас – участие в большом проекте.

– И всё равно Джон, согласишься – тот участок, с русскими, был лакомым куском: почти пустой объект – заходи, устраивайся, готовься. Да русские бы может и не приехали ещё сутки, если бы эти «профессионалы» африканские не учинили бедлам с единственным представителем противника. Джон, неужели ты думаешь, что наша группа не смогла бы занять объект за пять минут? Не дав шанса тому «Терминатору» в трусах? – Рэя припекало.

– Арби, – голос майора был спокойным и искренним – тыходишь в дверь, не зная – есть там враг или нет, на тебя внезапно падает ведро с водой и грохотом. Твои действия?

– Ну, лягу, разумеется. Но потом то...

– Ты прав! – голос был всё так же искренним – Конечно, наиболее вероятно, что мы бы захватили и удержали объект.

Старый вояка прошёл пару шагов, а потом добавил: – Да и африканцы бы захватили... – помолчал кивнул сам себе и продолжил – Если бы русские там были.

– Не понял. Ты же говорил, что наоборот, русские – проблема.

– Пойдём присядем у океана. Я тут что-то прихватил случайно из бара – Прайс выудил откуда-то бутылку виски и подмигнул Рею. Тот вытащил из рюкзака головку сыра и, широко улыбнувшись, ответил: – Да, мне тоже что-то в рюкзак упало. И они отправились к берегу. Итальянец Рамзес, из их группы, настоял бы, минимум, на поиске нормальной пластмассовой посуды – тарелки, приборы, стаканчики, француз Люпен посчитал бы излишеством всё, кроме стаканов. Рэй же считал, что и без стаканов можно обойтись, когда есть виски и сыр. Хотя и сыр, конечно, тоже излишество.

– Ты, Джон, не обижайся, я не твои решения препарировать тут. Просто ты всегда продуманный, логичный, всё по статистике. Обозначенная тобой тактика, всегда понятна и безупречна. А тут случается, что я не могу понять твоего тактического маневра. – Рэй бросил в рот кусок сыра и понюхал пальцы.

– Это скорее относится к стратегии, чем к тактике. Именно, следуя логике, опираясь на статистику я и выбрал наш участок. И я очень доволен результатом, как в рабочем плане, так и в финансовом.

Рэй не мог понять – Прайс уходит от ответа или издевается над ним, или, действительно, не понимает? Стадия сейчас у наёмника была самая опасная: алкогольные пары смешались с адреналиновым конденсатом и уровень собственной правоты повысился. Он начинал горячиться. «Надо объяснить, понятнее... и однозначнее. Что ж, значит, придётся выпить.». Рэй поставил бутылку после трёх добрых глотков. Закусывать не стал – быстрее дойдёт до кондиции, когда правильные вопросы сможет задать.

– Почему мы не взяли тот участок? Я хочу знать причины твоего избегания русских. Ты ведь их не боишься, Джон?!

– А, это... – Прайс достал и понюхал огромную сигару. Увидел удивлённый взгляд собеседника и пояснил – В баре валялась... обе кубинские.. я все шесть и забрал.

– Нет, Арби, не боюсь – продолжил он – Это просто разумный подход. Русские, конечно, бойцы сильные, но ведь убить может и ребёнок из Бразилии и что, всех бояться? Все – люди, все умирают, и русские – не реже остальных. Но они не подчиняются статистике – всегда могут выкинуть что-то, от чего все планы – в тартарары. Зачем неизвестная переменная в уравнении, зачем неоправданный риск? Это одно из моих правил – с русскими не пересекаться! Ни за, ни против, ни заказчик или его человек (если заказ предполагает контакт). Русские – это бомба Шрёдингера, с неизвестным поражающим эффектом (до взрыва, разумеется, во время-то станет понятно и известно... ненадолго).

Рэй немного помолчал, задумавшись, потом глотнул и спросил:

– Это ты, например, про то, что мужик в трусах и бронежилете так удачно выскакивал из убежища, каждый раз – вовремя? Прямо как МакКлейн из «Твёрдого орешка».

– В трусах, бронежилете, с автоматом и в КАСКЕ! – поправил Прайс – Нет, здесь как раз всё элементарно: такие комнаты всегда оборудуются средствами внешнего обзора – камеры, визиры, оптоглазок и прочие. Он их видел и выходил, когда было надо. Никакой магии.

– А что тогда? Ведро с водой, упавшее на голову? Или подрыв растяжек дверью?

– Да всё! Ведро, комната-сейф, телефон, растяжки. Ты же слышал, какой там цирк и безумие творились? Сам факт их отсутствия на объекте! Тебе известно о случаях, чтобы сражение выиграли, уйдя с поля боя? Ведь останься они там, африканцы бы их «задавили». Закидали бы гранатами и взрывчаткой, а потом снайпера. Или наоборот, неважно. Когда-то я слышал шутку про русских: чтобы вредители не сожрали помидоры, русский решил их не садить (или съесть зелёными – не помню), мол вредители придут, хоп, а жрать то и нечего. Так вот, после рассказа Саида, я начинаю думать, что это не такая уж и шутка.

– То есть, с русскими – не контактировать?

– Ну, Арби, так не получится. Даже на заказах возможны пересечения – не всегда знаешь кто союзник, а противника – и того реже. Но когда есть информация, действую по правилам. – Прайс посмотрел на собеседника и добавил – Обычно, все приходят к своим правилам, особенно профессионалы, тем более в нашей сфере занятий.

– А ты как пришёл к своему правилу?

– К какому из них? – Прайс лёг на спину и смотрел в небо

– Ну, я знаю только одно, про «безумный русский карантин».

– Началось это в конце двадцатого века. Советский Союз уже был официально разрушен и продолжал, не без помощи, разваливаться фактически – рвались культурные и экономические связи, из сознания людей выкорчёвывали прежние идеалы. На волне потепления отношений, русские изъявили желание участвовать в совместных учениях. Выглядело это забавно: им ломали дом, выносили из него ценности, а они собирались показывать, что тоже не лыком шиты и могут, «ежели чё, и в морду дать». НАТОвские генералы посмеялись, да и согласились

– почему бы и не позабавиться. Заодно, дух поднять боевой – вот, мол, они, русские: старая техника, жуткое обмундирование и плохие зубы – совсем не страшные, сгнила русская военная машина. Я служил тогда в артиллерии и попал на эти учения в качестве количества.

– Это как? – Рэй, тоже лёгший на спину повернул голову к Прайсу.

– В нашей делегации, из пятнадцати офицеров четырнадцать были разведчиками. То есть, каждое из разведведомств прислало своих людей и из них составили делегацию, а потом решили разбавить для приличия и включили меня, как одного из членов жюри.

Одним из этапов учений, по нашей – артиллерийской линии, была «дуэль». Страны-участники учений выставляли команду из одной пушки и расчёта и все команды, по очереди, проходили одинаковые упражнения. Русские притащили какую-то древнюю пушку и все команды открыто зубоскалили по этому поводу, тем не менее, выступали они хорошо. Настолько хорошо, что к финалу мы были на четвёртом месте, а они делили первое с немцами. Немцы – отдельная песня: в первые два дня они оторвались от всех настолько далеко, что их минобороны заказало значки «Участнику-победителю «Дуэли» с пушкой и эмблемой Бундесвера. Они были на своей территории, долго тренировались и рвались к успеху. Русские, потоптавшись с нами в арьергарде, вникли в необычные для них правила и уверенно пошли вперёд, подойдя к немцам вплотную к финальному упражнению. Германские вояки нервничали. Русский капитан, в интервью иньоряющим корреспондентам, прямодушно заявил: «Ну, мы учились стрелять с неровного грунта, по колено в грязи, а тут асфальт – пушку ровнять не надо, поскользнуться не боишься, наводи да стреляй». Это правда, состязания шли на полигоне, с ровно заасфальтированными позициями. Руководство сразу внесло поправку в последнее упражнение – стрелять с грунта. Чего они хотели добиться – не понятно: все команды были в шоке, кроме русской. Все отправились разрабатывать стратегии. Кто-то решил подготовить деревянные щиты, чтобы быстро выровнять пушку, кто-то хотел соорудить ровную деревянную площадку, присыпанную грунтом – странных и безумных идей было много. Русские просто выпили и завалились спать. В день финала, судейская коллегия рвала на себе волосы, объясняя каждому участнику, недопустимость применения креативных идей. С опозданием на час начали по установленному правилу. Но, уже после второго участника, состязание остановили. Время выступления каждого превышало максимально отпущенное по регламенту в несколько раз. Ветер и дождь, действительно, делали почву скользкой, неровности и пелена ухудшали прицел и обе первые команды не успевали поразить цель за первые два прохода. А ведь это было соревнование на скорость! Цель – модель танка – тянули тросом с помощью лебёдки и предполагалось, что она будет поражена за один проход, примерно четыре минуты. Подготовки повторных проходов, обновление боезапаса – время съедалось, и последняя «дуэль» могла затянуться на два, а то и три дня. Организаторы посоветовались и вынесли вердикт: «дуэль» переносится на завтра, в правилах – снова уточнения. Для соревнования выделялась двухсотметровая полоса, достаточной ширины, чтобы тягач мог развернуться вместе с пушкой. Команды обрадовались и воспряли настроением. Однако, стрелять необходимо с грунта, оба колеса орудия должны стоять на земле. Настроение, было упало, но выяснилось, что если на почву, там, где кончается асфальт, насыпать десяток другой мешков песка, то получится неплохая позиция. В общем то, к утру она и получилась.

А вот немцы ходили мрачными. Вечером они заявили к русским с ящиком инапса, припасённым для празднования победы. Даже идиоту был понятен их нехитрый резон, но у русских, похоже, кончились «запасы», и они заглотили наживку. Немцы, оставив двоих штабных писарей «на закляние», ретировались к себе и, с надеждой в сердце, легли спать. Писари уснули раньше, после второго стакана. Русские, обретшие неодолимую тягу в свежих беседах, прошли по лагерю, собрав команду из итальянцев, французов и ещё пары-другой наций и разбудив всех. Расход инапса увеличился и компания, ведомая русскими, вломилась к немцам. Ошеломлённые внезапным натиском, сонные «гансы», без боя отдали весь имеющийся запас

спиртного. Началась вакханалия. Два приехавших военных патруля сгнули в волнах безумной оргии.

Утром задержали старт на полтора часа, пока потрёпанные команды собирались. Русских так и не дождалось. У них, единственных, не было таблеток от похмелья. Посоветовавшись, организаторы вынесли вердикт – если команда не выйдет на позицию своим номером по жеребьёвке, она будет снята с соревнования. Первыми выступали французы – две минуты, четырнадцать секунд, четыре снаряда. За ними бельгийцы – одна-пятьдесят, три снаряда, Италия – одна-пятьдесят девять, четыре выстрела. Немцы работали красиво, чётко выполняющая и завершая каждое движение. Они чуть затягивали с прицелом, как мне показалось, но поразили мишень за два выстрела. Одна минута двадцать две секунды. От лиц германских пушкарей можно было прикуривать – сияли как золотой софит. Дальше шли мы. Пока меняли мишень, начался дождик. Перед самым стартом наших ребят, подъехали русские. Они выглядели жутко – бледные, с кругами под глазами, качаясь, подставляющие лицо дождю и льющие его ртом. Наши отстрелялись тремя выстрелами, за минуту пятьдесят две. Русским дали отмашку выходить на старт. Тут я замечаю, что русскому водителю тягача явно плохо. Офицер украдкой хлопает его по щекам и даёт флягу с водой. А мишень уже почти подготовили и вот-вот дадут старт. Солдат чуть не падает, но офицер заталкивает его в кабину, сам садится на пассажирское. А затем он, схватив водителя за грудки, быстро перетаскивает на своё сидение, выскальзывая в сторону руля. Через две секунды он уже сидел за рулём и мчался к старту. Офицер не учёл дождя и поздно начал тормозить – скользко по мокрому асфальту, тандем из тягача и пушки несли на стартовую позицию, угрожающе намереваясь на занос. Однако, ему повезло – взлетела зелёная ракета и тягач, спущенный с тормозов рванул вперёд, возвращая контроль над движением и выравниваясь. У самого конца он выехал ближе к середине полосы и, как мне показалось, совершил ту же ошибку – поздно затормозил. Тягач и пушка медленно, но верно начали выход в занос. Водитель начал крутить рулём и дергать тормоз. Тягач встал кузовом ровно в сторону цели, солдаты начали прыгать из него ещё до остановки. Пушка, соскочив с асфальта, пропахала полосу по песку и угрожающе завалилась на одно колесо. Ствол её был направлен примерно в сторону выезжающей мишени. Два солдата, повиснув на лафете, выровняли орудие, третий, открыв затвор, поймал брошенный из кузова снаряд и зарядил пушку. Подбежавший из кабины офицер, глянул на ползущую вдалеке мишень и пальнул. Стоявший рядом судья-наблюдатель поднял полосатый флаг – колёса на грунте, выстрел засчитан. А через две секунды модель танка взорвалась, при этом выдернув за трос лебёдку из бетонной стены. Все замерли. Результаты на табло, обычно, появлялись с пятисекундной задержкой, но уже и так было понятно, что победа – у русских. Табло вспыхнуло – двадцать одна секунда. Это было невероятно. Я рефлексивно глянул на коллег из Бундесвера. В это время грянули овалы остальных команд. На лица немцев было страшно смотреть. Повидал я всякого – и как быстро радость страхом меняется, и наоборот, и смешанные эмоции, но такое видел единожды: неверие, удивление, возмущение, гнев, стыд и дальше по списку, сменяя друг друга, догоняя и смешиваясь, эмоции открывали настоящее лицо человека в разных ипостасях. Я никогда не жалею военных – они сами выбрали свой путь, сами должны нести свой крест. Но тогда, немцев было по-человечески жалко – этот парад их эмоций где-то глубоко отрыл то, что осталось во мне от гуманности. А русский офицер, в интервью очень благодарил германских коллег, уверяя, что без их поддержки победы бы не было.

Прайс замолчал. Рэй сел, открыл бутылку, сделал глоток и протянул остатки майору. Тот жестом отказался. Посмотрел на часы и продолжил:

– Вот тогда я решил уйти в ВДВ. Понимаешь, ведь вроде ничего тогда не изменилось: мы также продолжали окучивать остатки Советского Союза и саму Россию, их участие в наших учениях, пусть даже и окончившееся победой, выглядело всё тем же «ну, можем и

морду набить, если чё», но мне теперь это забавным не казалось. Потому что было реальным. Русские, конечно, креси, ведут себя как идиоты, но они могут себе позволить так жить. И это был сигнал, что они придут и заберут своё. Мне стало ясно, что все эти разговоры про бесконтактные войны и умную технику, страшно далеки от истины и пошёл туда, где учат убивать и выживать. Стал поглубже изучать историю России, её армии и войн. Очень впечатляет. Ты про Евпатия Коловрата не слышал? Нет? А ведь его подвиг, думаю, покруче истории трёхсот спартанцев. Географически Россия между Западной цивилизацией и Азиатской, ну и с Юга полно недоброжелателей, вот и оттачивала воинское искусство в постоянных войнах. Значит надо отточить своё ещё лучше, решил я и ушёл в тренировки с головой.

Потом я попал в САС и уровень моей подготовки вырос так, что почти стал меня удовлетворять. Про русских я уже не вспоминал – служба и тренировка занимали всё время и мысли. Однажды, после операции в Лаосе, мы с ребятами провели пару дней в Тайском отеле. В ночь перед вылетом, я сидел на балкончике с видом на бассейн и курил кальян. У бассейна развлекались три американских морпеха, в достаточно сильном подпитии. Пришли они сюда с какими-то девицами, которые под предлогом прибрать номер, сбежали от них, будучи спугнутыми слишком агрессивным настроением кавалеров. Морпехи буйнили уже два часа, дважды приезжала полиция. Первый раз им помогли американские паспорта, во второй раз – американские доллары. Американцы притихали на время и возвращались к буйству и непотребствам. По дорожке, мимо бассейна к отелю шла семья. Я встречал их, и даже беседовал в баре с отцом семейства: русские, обычные люди, он – учитель литературы в школе, носит очки, как бинокль, жена его – воспитатель в детском саду и дочка, лет семнадцати, красивая и с характером. Проживали они спокойно – пляж, номер, пара экскурсий. Спать ложились рано, хотя один раз дочь ходила на ночную дискотеку, а в полночь мама забрала её в номер. Судя по тому, что шли они поздно и по тому как были одеты, выходило, что скоро за ними придёт автобус и они улетят. А ходили, полагаю, монетки в море бросить. Утомлённые скукой солдаты, внезапно получили возможность её развеять. Самый здоровый подскокил к девчонке и схватив за руку, стал что-то говорить. Мать влезла между ними и попыталась высвободить руку дочери. После неудачи она вцепилась хаму резкую пощёчину. Удар был неожиданным, почти без замаха, но крепким – женищина сломала каблук и вес перемещающегося тела вложился в кинетику оплеухи. Морпех отпустил руку девушки и на пару секунд «поплыл». Его товарищи загоготали и направились к центру событий, споря о том, чья теперь девушка. Восстановившийся после нокдауна американец впал в ярость, схватил женищину за ворот платья и швырнул её в сторону бассейна. Пролетев пару метров, она рухнула в воду. Муж её, бросился к ней – помочь, но морпех схватил его сзади, зажав рот. Двое других американцев бежали за девчонкой, которая бросилась к пустому домику бара. Она вбежала внутрь и повернулась, пьяные солдафоны неслись на неё. Она закричала. И тут её отец разжимает хватку огромного американца, приседает и приподняв его, швыряет на стул. Треск разлетающегося пластика был резким, но я чётко услышал в нём нотки ломающегося позвоночника – ножки стула были крепкими металлическими дугами, одна из которых перпендикулярно встретила хребет упавшего. Американцы этих ноток, похоже не услышали – быстро глянув и гоготнув они снова занялись девушкой. Девчонка, увернувшись от одного злодея, выскочила в окно, и её преследователь попытался повторить этот подвиг, но застрял. Второй морпех схватил жертву за кофту и пытался удерживать равновесие. Отец девушки оглянулся, схватил сложенный зонт для тени и подняв его кинулся на помощь. Ты видел пляжные зонты? Те, что возле бассейна имели в качестве основы шайбу, килограмм на двадцать, ну, чтобы зонт не падал и ветром не уносило. Так он с этим зонтом, как с копьём – наперевес, подлетает к домику бара и насаживает солдата, держащего его дочь, на этот зонтик, как цыплёнка на вертел. Затем оборачивается на злобную ругань второго, застрявшего в окне, и пронзает зонтом и его. Да, их получилось двое на одном шесте. Потом русский поднял футболку одного

из американцев, брошенную в начале попойки, и вытер зонт там, где держался. Он притащил здорового морпеха со сломанным позвоночником и прижал его кисти к шесту зонта, оставляя отпечатки. Затем вытер очки, умыл лицо и обняв своих женщин, повёл их прочь. Позже, я пробил данные по этому учителю литературы – он действительно учитель литературы, чуть ли не «мать Тереза» в своём селе, под Таганрогом. Тогда я снова вспомнил свой интерес к России и стал читать не только историческую литературу, но и художественную, признанных русских классиков. Это поразительно – почти везде, что у Толстого, что у Чехова, что у Достоевского канва произведений строится вокруг подобных ситуаций и людей: в обычном человеке просыпается что-то и он перестаёт быть содроганной от страха тварью и становится опасным монстром.

Потом я ушёл из САС на вольные хлеба. Последняя, я надеюсь, встреча с русскими была уже при моём нынешнем бизнесе, меньше года назад. Нас с Байроном привлекли к турне – операция, при выполнении которой приходится мотаться по нескольким странам. Тоже местная биржа, кстати заказ выдала. У одного шейха украли сына он платил хорошие деньги, чтобы найти его и вернуть. Мы примкнули к отряду из местных наёмников, также с нами были три человека из личной охраны шейха – его условие. Ну, нам-то что, деньги наши отдай, а там – чем больше бойцов, тем лучше. Правда, бойцы из них, как из дерьма пуля, потому и привлекли нас. Проехались мы по Ближнему востоку, потом в Африке покатались и вышли на похитителей в Судане. Группа, укравшая ребёнка, окопалась в окрестностях Хартума. У них был укрепленный участок, обнесённый забором и двумя рядами колючей проволоки перед ним. По информации, полученной от осведомителя, в доме был вход в бункер, с огромной сетью туннелей и убежищ. Всего на базе находилось около двадцати пяти бойцов – сами похитители и нанятая бригада из местных головорезов. Мальчик был, по всей видимости в бункере – за два дня наблюдений, в том числе с дрона, его ни разу не заметили. Понаблюдав и сложив все плюсы с минусами, я запросил подкрепления – деватерым до мальчишки не добраться, нужна сложная технически, и масштабная по деньгам операция. Я предложил Байрону «Индийский карнавал» – старая, добрая схема, вероятность успеха – шестьдесят девять процентов. Телохранители связались с шейхом и передали мои слова. Он перезвонил через полчаса, громилы выслушали его, кивнули и сообщили: – Приедут специалисты. Ждём.

Специалисты оказались русскими. Глеб и Борис, странная парочка. Я был в прострации. С одной стороны, при получении контракта, относительно русских, условий от меня не было – кто ж мог подумать?! – с другой стороны, приходилось нарушать правило, которое к тому времени уже было в моём списке не нарушаемых правил. Я поделился с Байроном мыслями, что придётся прыгнуть с заказа: во-первых, конечно, из-за национального вопроса, а вторых – одиннадцать человек тоже мало, для взятия этого бастиона. Байрон согласился, но пошёл пообщаться с русскими. Общались они больше часа. В основном говорил Борис, Глеб был молчаливым и изредка что-то спрашивал у Байрона. Как выяснилось, русские досконально изучили всё что у нас было: диспозицию, сведения, фото и видео с дрона, запросили местные геодезические карты и краеведческий экскурс.

– Знаешь, Джон – Байрон выглядел задумчивым и хитрым одновременно – может, стоит повременить чуток – климат хороший, дел срочных нет.

– Давай без предварительных ласк, Том – Прайс не любил эти «подъезды на кривой козе».

– Они обещают вытащить парня за два дня. Взяли семьсот долларов и уехали за покупками. Сказали – завтра ночью приведут.

– Куда приведут?

– К нам.

– А мы где будем? – Прайс искренне недоумевал.

– А я откуда знаю? Здесь или в отеле, или там неподалёку, как решим. Ты же командуешь.

– Они что, вдвоём пойдут, что ли?

– Ну, я так понял. Английский у них ужасный. – Байрон усмехнулся.

Прайс почесал подбородок.

– Знаешь, Том, вообще то, после таких заявлений, мы должны убраться немедленно. Потому что это из тупика превращается в фарс... ну, для кого-то и в трагедию. Но, чёрт побери, это же русские! Скорее всего они обделаются с этим, и у меня будет повод повысить самооценку; а если у них получится – это надо видеть. В любом случае – стоит остаться, дружище. А что они собрались покупать?

– Резиновую женицину, осциллограф и чего-то ещё по мелочи.

Возвращающихся русских мы заметили издали – их джип нёсся по пыльной дороге, весело сверкая металлическими частями на солнце. За полчаса до их появления пару раз ощутимо дрогнула почва. Группа была настороже и оглядывала окрестность в бинокли. На развилке джип свернул к базе похитителей.

– Что за...? – Прайс оторвался от бинокля и огляделся, ища Байрона.

Машина подъехала к воротам и Борис, в белом халате, махая осциллографом, что-то кричал охраннику на вышке. Чернокожий человек, также в белом халате, помогал ему. Поэкспрессировав так несколько минут, команда оставила какие-то листовки и помчалась прочь. На развилке автомобиль свернул и поехал к месту дислокации нашего отряда.

– Что это было? – Прайс был серьёзен, но не зол.

– Первый акт Марлезонского балета! – сказал Борис и залился хохотом. Смеялся он сильно, заразительно и вся группа, включая Байрона, заулыбалась. Прайс оставался всё таким же скучным и серьёзным.

– Вот – русский сунул мне листовку – предупреждение о землетрясении, из города прислали.

– Вот оно что – Гуннтак, наёмник-любитель из богатой семьи, решил встрять в разговор – Тут уже трясло!

– В штанах у тебя трясло, а тут пару раз вздрогнуло! – другой наёмник отрывисто заржал.

– Ник (меня на той операции знали, как Ника, а Барона – как Гёте), – русский взял меня за руку и повёл в сторону – ты тут самый грамотный, поэтому тебе скажу, только с этими моджахедами не делись, лады? Мы рванули несколько зарядов, чтобы симитировать толчки, потом предупредили этих «гавриков» в крепости, что ночью будет трясина. В нескольких местах стоят фугасы, ночью рванём, они из бункера и вылезут. – Борис подмигнул мне и хлопнул по спине. – Вы главное не суйтесь – вот даже винтовки свои не расчехляйте. Лады?

– Вы спецы, вам и карты в руки. Меня интересует только одно.

– Слушаю.

– Зачем вам резиновые женицины?

О, Ник, – Борис снова хлопнул меня по спине, и я очень захотел врезать ему в живот – Поверь – это будет просто бомба!

Не буду утомлять тебя подробностями, но это было стоящее шоу: с «цыганами» – нанятой толпой «беженцев», подземными толчками и объёмной моделью, визуальной и акустически имитирующей половой акт и на самом деле являющейся осколочной бомбой. Что творилось за забором не видели даже мы и, честно говоря, я и знать не хочу этого, но в два часа семнадцать минут ночи они пришли втроём, русские и «заказ» – мальчишка. Телохранители сразу окружили мальчишку и позвонили отцу. Африканские наёмники уже умозрительно тратили гонорары, а мы с Байроном молчали. Не знаю, о чём думал Том, но я вспомнил, как хотел дать русскому под дых, когда он панибратски хлопал меня по спине. Я махнул головой: – М-мда.

– Это точно, шеф. – задумчиво кивнул Байрон.

Как ни странно, проблемы начались из-за телохранителей, а вовсе не из-за русских (как наивно мне тогда показалось). Верные хозяину нукары, вряд ли по своему разумению, решили сберечь деньги своего шефа и начали разговоры издали, что работать почти не пришлось никому. Эту песню я знал. Одной из неприятных особенностей местной Биржи, является частая практика отдельной оплаты: заказчик платит Бирже за размещение, а потом расплачивается с исполнителями сам. Такое случалось и на других Биржах, но очень-очень редко, с проверенными заказчиками. Здесь же это становилось правилом. И проблемой для нас с Байроном. Схема в таких случаях одна: сначала пытаются сбить цену, а потом, в зависимости от результатов переговоров – а зачастую, и независимо от них, исполнителей убивают. В случае составных отрядов, одну часть направляют на другую, победителям платят или убивают. В данном случае, шейх, скорее всего, договорится с местными наёмниками – всё-таки они ближе по вере и самое главное – географически, то есть – ему тут жить ещё. Значит, нам с Байроном нужно опередить их на пару шагов.

Русские о чём-то жарко беседовали. Борис махал руками и был возбуждён, что не странно, учитывая откуда они только что вернулись. Глеб стоял мрачный и смотрел в сторону. Я немного понимаю русский язык, но они сыпали такими терминами и сложносоставными матерными конструкциями, что я не смог вникнуть в суть их разговора. Мы подошли с Байроном к ним и Том, широко улыбаясь сразу рванул с места в карьер:

– Парни, а не хотите проехаться с нами?

– На хрена козе баян? – удивленной и дерзко спросил Борис.

– Какой баян? Это что, русская загадка? – Байрон опешил.

– Я говорю, зачем нам этот вояж нужен? У нас баня натоплена, пиво холодное, да и вообще, идея эта не нравится нисколько – в чём кайф-то?

– Прокатимся до моря, сдадим мальчишку, получим деньги – вы же в курсе, как здесь просто с пост-оплатой?

– Гёте, соловей ты мой сладкоголосый, думаешь, шейх рискнёт нам не заплатить? – русский ухмыляясь смотрел Байрону в глаза. Ни кровь на одежде и коже, ни запах пороха и смерти, исходившие от Бориса, даже ни то, что они сделали этой ночью не убедили бы нас в том, что хитрый араб не попытается кинуть этих парней. Это сделала ухмылка русского. У людей, живущих бок о бок со смертью, очень информативна мимика тела. Банальный пример – взгляд убийцы. Эта ухмылка была лучом несомненности, она как какой-то триггер, включала состояние сознания, при котором всё лишнее отбрасывается и мозг фиксирует только текущую ситуацию: судя по положению Большой медведицы – три часа ночи; пахнет жареным мясом – «беженцы» готовят еду; ветер – муссон, юго-западный, не больше пяти метров в секунду; **шейх заплатит русским – вне сомнений**. Мы подошли к вопросу переговоров неподготовленными должным образом, без правильной стратегии. Провал.

– Мы поедem с вами. – Глеб, развернулся и пошёл вокруг машины, за руль.

– Глеб! Твою мать, да погоди ты! – Борис запрыгнул в машину, закрыл дверь, и они минуты три спорили. Мы с Байроном переглянулись.

– Мне не нравится, как он согласился. – обыденно произнёс Байрон.

– Знаешь, до того, как он дал согласие, я был в отчаянии от того, что мы провалили вербовку и они не поедут. А когда он согласился – чувство отчаяния усилилось вдвое. Поторопились, похоже, мы с тобой. Ну да ладно, сутки продержимся, главное, чтобы русские помогли нам с этим сбродом управиться.

Борис высунулся из окна джипа:

– Значит так, Ник! Мы едем с вами, но не сейчас, а с утра, а скорее – после полудня. Сейчас – отдыхать. Хотите – погнали к нам, помоемся, отдохнёте.

Дом русских стоял на небольшом участке. Внутри было довольно уютно – кондиционер, спутниковое телевидение, компьютер. Борис вытащил две упаковки пива из холодильника и

погнал всех на улицу. С другой стороны дома стоял стол, освещённым фонарём с карниза дома. Через пару минут на столе появились закуски, одноразовые стаканы, чайник и банка кофе. Я обошёл дом. На участке стоял ещё один домик, с трубой. Из домика вышел Глеб и крикнул товарищу: – всё готово!

– Так, братва, в доме все не поместимся, часть ляжет в бане. Только сначала помоемся...

Прайс рыкнул и привстал, затем сел и допил виски, болтавшееся на доньшке. Рэй подвинул ему сыр, но майор помотал головой.

– Ты помнишь, Арби, как вам на последнем этапе вступительных испытаний в САС, «язык развязывали»?

– Помню. – Рэй пожал плечами – Раскалённый железный кунг на песке, я внутри, на стуле. Температура – около семидесяти градусов. Теряю сознание. Меня обливают водой и дразнят бутылкой минералки. Я сижу и снова теряю сознание, и так – по кругу.

– Вот представь, русские при этом ещё бьют себя и друг друга пучками берёзовых и пихтовых веток. Потом выходят, пьют водку и снова заходят. Это у них называется «баня». На самом деле, очень полезная процедура, желательна без водки, конечно. Я после бани спал как в детстве – сладко и безмятежно, будто агнец безгрешный. И, кстати, биться деревянным букетом совсем не больно, только горячо очень.

...Арабы мылись отдельно. Мы с Байроном решили завербовать русских против мусульман и обезопасить свою долю гонорара, а если повезёт, то и прибрать долю моджахедов этих.

– Глеб, гони десятку! – Борис радостно хохотал. – Ребята, как вы сюда то добрались, не убив друг друга?

Мы с Байроном непонимающе переглянулись.

– Друзья ваши заклятые, против которых вы дружить предлагаете, подходили с тем же сценарием, полчаса как. И ответим вам также, как им: нет! А я с Глебом поспорил, что вы с Гёте подкатите к нам не позднее утра. – Борис снова хохотнул.

Молча мы переваривали новую информацию. Борис, тем временем, продолжил:

– Ты пойми Ник, и ты, поэт племён германских, Гёте – лучший вариант, когда всё идёт по плану, ровно, без перегибов и самодеятельности. А эта ваша возня – раскачивание лодки, перевернётся – всем не поздоровится.

– Эта возня – борьба за свои деньги и жизнь. – Байрон-Гёте холодно смотрел, злясь на Бориса – актёр сраный.

– Все придут к пункту передачи! Все получают свои деньги! – Глеб рубил фразы не спеша, с мрачным выражением лица. – Не будем ничего усложнять... У нас и так, неувязка.

– Какая неувязка? – у меня ёкнуло в районе левой пятки.

Глеб коротко глянул на друга и Борис, помолчав немного, поведал:

– Пацана украли не у шейха, а у его бывшей жены – французенки. Причём, заказчиком он сам и был. Наёмники, потребовали увеличения гонорара в три раза – следствие всё той же политики «раздельных платежей» у Ближневосточно-Африканской биржи. Шейх, парень не промах, просчитал бюджет и оказалось, дешевле нанять других наёмников, чтобы разобрататься с первыми. Круто, правда?

– И что? Не вижу проблемы для нас – Байрон закинул ногу на ногу – Мы также сдаём мало, получаем деньги. Остальное – проблемы остальных.

– Никто и не говорил о проблеме, Гёте. Но неувязка эта, меняет саму основу конструкции всей операции – одно дело освободить похищенного мальчика и возвращать отцу, у которого похитили, а другое – похитить похищенного ребёнка для того же заказчика, коим этот

отец и является, улавливаешь, пера и рифмы мастер? – Борису очень нравился псевдоним Байрона – «Гёте».

– Вы то откуда знаете? – вкрадчиво спросил я.

– Сам парень и рассказал, – Глеб рассматривал свои ладони. – Пока шли от базы тех уродов к вашему лагерю.

Парню, которого мы должны были доставить шейху, было лет тринадцать. В принципе, наверняка, знает английский. А может русский знает французский. Не важно. Важно – решить, что делать: довериться русским или подбить на свою сторону наёмников? В итоге, мы с Байроном решили действовать по обстоятельствам, но держаться ближе к русским.

День выдался жарким. Как и все дни в Судане. Мы выехали в начале первого полудня. Через полчаса сломался джип, в котором ехали эмиссары шейха и охраняемый ими мальчик. Телохранители пересели к нам в микроавтобус, русские взяли на буксир джип. И забрали мальчика к себе. Глеб просто, садясь в машину, махнул рукой парнишке, и тот помчался к нему. Трое громил шейха эмоционально настаивали на другом варианте. Глеб спокойно сказал, что в микроавтобусе тесно, куча злых мужиков с оружием и темно, в общем, ребёнку там не место. Арабы предложили русским пересест в минивен или в буксируемый джип с неработающим кондиционером, а они с мальчиком поедут на джипе Бориса и Глеба. Русские звонко, искренне, очень по-доброму и заразительно рассмеялись людям шейха в лицо. Я впервые видел Глеба не мрачным. Но длилось это не долго, он утёр слезинку и резко стал снова суровым. «– Не смешно.» – сказал он и, сев в автомобиль, закрыл дверь.

– Эй! Стой! Стой! – главный из этой троицы схватился за машину. – Подожди! Мы с вами поедem: и с маленьким господином будем – он кивнул-поклонился мальчишке, и в той машине свободнее будет! Араб схватился за ручку задней двери и резко дёрнул. Дверь была заперта. Зато на крыше джипа появился пулемёт, из-за которого ухмылялась физиономия Бориса.

– Я тебе сейчас за тестикулы так дёрну, родной. Отошёл от машины. – голос Бориса был вкрадчивым, но каким-то режущим, колким, как лезвие кремниевого ножа.

– Мы не можем оставить его с вами! Вы даже не в составе группы, вас наняли только решить одну проблему, а на каких основаниях вы сейчас здесь и хотите увести мальчика? – телохранители нервничали, но, косясь на ствол пулемёта, порывы свои сдерживали. Главный из них повернулся ко мне и, набывчившись, прорычал: – Это что, правильно?

Ситуация была щекотливой, а учитывая наше положение, щекотно было до усрачки – прости мой французский. Нам было необходимо балансировать между наёмниками, которых было много, эмиссарами шейха, платившего нам, и русскими, которые, возможно, могли завалить нас всех вместе взятых. Я уже начал рассматривать вариант с депортацией двоих телохранителей в буксируемый джип, а третьего посадить с ребёнком в минивэн спереди. Внезапно я встретился взглядом с Глебом. Он с неким разочарованием смотрел на меня, потом покачал головой и произнёс, вынося вердикт:

– С нами поедут Ник с Гёте и парень. Ник командует операцией и сопровождение... – он замолчал и продолжил, подобрав определение – ...основной цели операции вполне логично и поэтому – ПРАВИЛЬНО. Глеб повернулся к главному из телохранителей и спросил, утверждая: – Тебе ведь это важно!?

Наёмники стояли возле микроавтобуса и нервно поглаживали оружие. Они не собирались принимать ничью сторону. Большинство из них были местные, а ссора шла между чужаками – арабы и русские, ну, ещё эти двое – то есть мы с Байроном. К тому же, у обеих сторон были весомые доводы, удерживающие наёмников от нападения на них: телохранители близки к шейху, и могут помочь разрешить возможные разногласия, к тому же, они в команде, хоть и навязанные, но с самого начала. А русские, действительно, непонятно каким боком, но зато они могут грохнуть, как минимум половину их команды. Среди африканских наёмников сильны

суеверия и многие из команды боялись Бориса и Глеба, считая укушенными Чёрным Духом, мол поэтому они в бою свирепы и неуязвимы. Хотя боя-то никто и не видел из них, равно как и Чёрного Духа.

– Ник, Гёте, поэма жизни ты моей несчастной, тащитесь сюда скорее, паром отходит! – Борис, считая дело улаженным, убрал пулемёт в салон и уже пристёгивался. Мы с Байроном забрали раницы и пошли в машину к русским. Глеб открыл замки, и мы уселись. Главный из арабов снова подскочил к автомобилю: – У нас приказ – находиться возле него в пределах пяти метров! Сам шейх по телефону приказал!

– Парень у нас на заднем сидении, садись в минивэн спереди и держись ближе к моему заднему бамперу. – Глеб закрыл окно, и мы тронулись. За всё время, что мы стояли на обочине, мимо нас проехало множество машин, парочка – полицейских и штук десять – военных, но никто не останавливался и даже не глядел в нашу сторону. Судан.

– Мы как со службы пришли, на завод отправились. Работали и учились. Как институт закончили, стали инженерами на родном предприятии. – Глеб непринуждённо трепался, чтобы разогнать скуку. – Ну, а потом влезли в борьбу за справедливость и зацепили интересы людей, за которыми стояли другие люди, представлявшие интересы третьих. Еле ноги из страны унесли! Вот там была мафия и криминал, а эта ваша биржа – так, подростковая банда. Поработали мы по планете несколько лет, всяких дел переделали и наворотили, были большие доходы, а бывало и своё теряли. И всегда что-то мешало вернуться, как сглазил кто-то...

– Чёрный Дух, полагаю. – усмехнулся Байрон, он же Гёте.

– Гёте, ткач тенет словесных, у тебя звучные, поэтические образы, генетику не обманешь, а! – Борис подмигнул Байрону.

– Не буду присваивать, это не моё – местные наёмники считают, что вас укусил кто-то.

– Вот оно как! Глеб, признавайся, какой чёрный тебя кусал? – русские засмеялись.

Рядом с заправкой, стоял сарай с надписью «autoserrvist». Русские отцепили сломанный джип возле сарая и пошли пить кофе, в забегаловке тут же.

– Ник, ты этим телохранителям-референтам скажи – пусть сами за ремонт договариваются. Если вы всё ещё планируете успеть. – Борис посмотрел на разбредшихся наёмников, потом на меня – Ну и дисциплина у тебя, командир.

Арабы сидели за столиком на улице, с ними сидел и парень. Они уже заказали чай и фрукты. Времени у нас было достаточно – чуть меньше суток, но русский прав – лучше не растрачивать его попусту. А представители шейха, похоже, не понимали, что в команде нет прислуги.

– Через полчаса мы уезжаем. – я говорил с арабами, и они кивали мне с нервным пренебрежением: «-Знаем, знаем». – Вы тоже можете с нами, если машину почините.

– Ты чего творишь?! – их старший вскочил с глазами, налитыми яростью. – Вы сговорились с русскими! Если мы не поедem – мальчик остаётся с нами!

– Если мальчика доставят отцу, а тебя рядом не будет – это намного лучше, если ты потеряешь ребёнка или он погибнет. – я говорил спокойно и даже долей доброжелательного веселья, перешедшего на меня с Бориса. – Сам посмотри вокруг – Судан кишит бандами и слухи здесь распространяются очень быстро: про ребёнка уже, наверняка, известно основным игрокам в мире криминала этой страны. Араб потаранился на меня своими вращающимися глазами ещё немного, и пошёл, сыпя проклятиями, к сараю, договариваться о ремонте машины.

Насколько я прав, не подозревал даже я сам. На заправку подъехали три пикапа, откуда высыпались щедрой горстью вооружённые люди в коричневых рубахах. У въезда на территорию заправки висело объявление, предписывающее не въезжать с огнестрельным оружием, что было весьма предусмотрительным, учитывая темперамент местных воору-

жённых людей. Приехавшие посоветовались, сложили автоматы в кузов одной машины, оставленной с водителем за территорией заправки, и поехали заправлять другие две.

Глеб сидел на корточках перед старым, худым псом. Пёс часто дышал и смотрел русскому в глаза. Тот молча смотрел в ответ. Потом встал и пошёл внутрь кафешки. Через пять минут русский вынес кусок варёного мяса на картонке, бутылку воды и миску. Присев, он положил перед собакой мясо, поставил миску и налил воды. Пока струя воды, закручиваясь и искрясь, наполняла тарелку, пёс непонимающе смотрел то на еду, то на воду, то на Глеба. Потом понюхал мясо, лизнул его, закрыл глаза и задержал дыхание. Собака повернулась к миске и стала пить – сначала осторожно, а потом всё быстрее и жаднее. Русский снова открыл бутылку и долил в миску. Пёс, повернувшись к мясу, ещё раз понюхал и взрылся в него.

Наёмники с приездом тех трёх пикапов, стали выглядеть экспрессивнее.

– Джанджавид! – с ненавистью произнёс М'рурк, наёмник из Дарфура. Джанджавидами в Судане раньше звали злых разбойников, сейчас это были проправительственные арабские банды. Они смотрели на Глеба и что-то резко обсуждали. Русский, как будто услышав их, поднялся обернулся и пристально посмотрел на незнакомцев. Затем нашёл взглядом Бориса и, клянусь, ни мускулом на лице не пошевелил – просто смотрел на него несколько секунд. Борис, почувствовав взгляд, повернулся, поглядел на Глеба и, кивнув, вразвалочку пошёл к микроавтобусу. Глеб же, пошёл к столу, где сидели телохранители с мальчиком и спокойно сказал: «– В минивэн. Спокойно, но немедленно.». Мы с Байроном тоже оценили изменившийся расклад. Бойцов Джанджавид было четырнадцать. Оружие у них, конечно, незатейливое – бесмертный АК, но у нас в няньках пацан и с транспортом у них – круче. Нет, катастрофой это не было – всё-таки наёмники, которых принимает биржа, даже местная, имеют подготовку получше, чем бандиты, пусть и поддерживаемые правительством. Но это был ещё один непредвиденный поворот, да и ребёнок, опять же.

Бандиты примолкли и смотрели на арабов с мальчиком, шедших к машине. Когда процессия скрылась в автомобиле, они загалдели, потише, но ожесточённое. Затем в каждую машину сели по двое и поехали на выезд, к третьей. Они встали, перекрыв обе полосы – въезд и выезд.

Запрет на огнестрельное оружие в определённых местах, здесь строго соблюдался почти всеми группировками. Бывали, конечно, нарушения, но они жёстко пресекались. Мы, естественно, остались при оружии, убрав его с глаз. А вот Джанджавид на заправке были только с мачете. Поэтому, мы особо не нервничали. Хотя, учитывая «блокпост» из двух машин с оружием на выезде и вероятность подкрепления бандитам, расслабляться не стоило.

Глеб подошёл к машине и открыл дверцу. Борис завёл двигатель и повернулся ко мне:

– Разворачивайтесь, но дождитесь, пока мы машины раздвинем, а потом уж за нами, из всех сил!

Высокий, худой араб, судя по отношению остальных – главный, что-то прокаркал, глядя на Глеба. Увидев, что русский, не обращая внимания, садится в машину, араб оглянулся, заметил пса, который пил из миски, и подскочив, пнул его. Собака, молча пролетев пару метров, заскулила, безуспешно пытаясь встать. Дверь джипа открылась, и Глеб вышел и посмотрел на главаря Джанджавид. Араб, ухмыляясь, смотрел в глаза русского и что-то выкрикивал, гортанным голосом. Стоящие рядом бойцы хохотали. Главарь рыкнул, схватил стул и кинул в пса. Животное, слабо взвизгнув, закрыло голову лапами и тихо скулило. Глеб захлопнул переднюю дверцу автомобиля, открыл заднюю и полез в салон. Я подошёл к водительской стороне, Байрон был возле минивэна, в котором сидели все остальные. Подняв заднее сидение, русский достал полтораметровый чёрный тубус.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.